

A photograph of a man with extensive tattoos on his arms and hands, wearing a black t-shirt, holding a baby. The man's face is partially visible at the top. The baby is wearing a black long-sleeved shirt. The background is dark.

Скорбь Лесу

Автор бестселлеров по мнению
New York Times

Мелисса Фостер

Он не хотел их подвести. Не сейчас. Не когда-либо... Не существует ничего, чтобы не сделал Трумэн Гритт для защиты своей семьи, включая годы, проведенные в тюрьме, за преступление, которого он не совершал. Когда он наконец-то вышел на свободу, привычная ему жизнь перевернута с ног на голову: после передозировки матери ответственность за воспитание брошенных ею детей легла на него. Трумэну тяжело, он пытается спасти своего брата, который сломлен еще больше, чем он сам. Еще никогда в своей жизни он не нуждался в помощи, и когда красивая Джемма Райт предлагает помощь, то меньше всего он хочет ее принимать. Но Джемма знает путь в жизнь другого человека, и, в конце концов, ей удастся пробить броню, окутавшую его сердце. Когда темное прошлое Трумэна сталкивается с настоящим, его преданность будет подвергнута испытанию, и ему придется столкнуться с принятием самого жестокого решения в своей жизни.

Глава 1

Трумэн Гритт запер двери автомастерской «Виски» и вышел в грозовую сентябрьскую ночь. Дождевой поток, затрудняющий видимость, мгновенно промочил насквозь его джинсы и футболку. Улыбка медленно растянулась на его лице, когда он, запрокинув подбородок вверх, отмокал под душем свободы. Он обошел вокруг темного здания и поднялся по деревянной лестнице к своей квартире. Можно было воспользоваться внутренними дверьми, но после долгих шести лет пребывания за решеткой Трумэн отдавал предпочтение маленьким удовольствиям нахождения на свободе, по которым скучал, наподобие составления собственного расписания с правом решать, когда есть, пить и находиться под гребанным дождем, когда ему хочется. Он облокотился на шершавые деревянные перила и проигнорировал острые щепки, которые впивались в его покрытые татуировками руки. Ощущая на себе влагу, он прищурился и посмотрел на свалку машин, которые они использовали для запчастей, а он лично использовал для того, чтобы избавиться от накопившегося раздражения. Он наступил кожаным ботинком на железный ящик, где хранил принадлежности для рисования. Трумэн не имел многого. У него был старый грузовик с полуторной кабиной, который берег его друг Бэр Виски, пока он сидел в тюрьме, эту квартиру и достойную работу, которую оба получили в семье Виски. Только семьи у него больше не было.

Эмоции, с которыми он не хотел бороться, сжигали его изнутри, заставляя грудь сжиматься. Он повернулся, чтобы пойти внутрь, надеясь сбежать от мыслей о его собственной гребаной семье, которую несмотря на все попытки не смог сохранить. Сотовый телефон зазвонил, играя мелодию, которая стояла на звонке брата «A Beautiful Lie» группы 30 Seconds to Mars.

— Бл*ть, — пробормотал он, переводя звонок на голосовую почту. Но шестимесячная тишина от его брата слишком долгий строк. Дождь хлестал по его спине, и он прижал ладонь к двери, чтобы не упасть. Музыка перестала играть, и он выдохнул, только сейчас осознавая, что задержал дыхание. Телефон зазвонил снова, и он оцепенел.

Он только что избавился от кромешного ада в своей жизни, в который был брошен в попытке спасти своего брата. Тру не нужно получать ответ свыше, чтобы знать, во что вляпался этот наркозависимый придурок и что ему нужно. Звонок перешел на голосовую

почту, и Трумэн взглянул на железный ящик, где находились принадлежности для рисования. Продолжая дышать, словно он участвовал в драке, ему захотелось выплеснуть на бумагу все разочарование, что царило в его голове. Когда телефон зазвонил в третий раз за несколько минут, в третий раз, с тех пор как 6 месяцев назад он вышел на свободу, Тру все же неохотно ответил.

— Куинси.

Он ненавидел то, как враждебно прозвучало имя брата. Куинси был еще совсем ребенком, когда Трумэн отправился в тюрьму. Тяжелое дыхание наполнило воздух вокруг него. Волоски на руках и шее стали дыбом. Он распознал страх, когда услышал это. Можно было даже почувствовать его вкус, когда мужчина стиснул зубы.

— Ты мне нужен, — вымолвил брат вымученным голосом.

Нужен ему? Трумэн выслеживал своего брата, когда вышел из тюрьмы, и когда он его нашёл, то тот настолько сильно увяз в наркотической зависимости, что еле понимал происходящее — не нужно было долго смотреть на него, чтобы отчетливо понять это. Что Куинси было по-настоящему необходимо, так это реабилитация, но Трумэн знал, что чтобы он не сказал, ничего не выйдет.

До того как он мог что-то ответить, его брат прохрипел:

— Это мама. Ей очень плохо.

Черт. У него нет матери, с тех пор как она отвернулась от него более шести лет назад. Он не собирался отказываться от стабильности, которую нашел, ради женщины, которая отправила его в тюрьму и никогда не оглядывалась назад.

Он скрестил руки и почувствовал, как по его лицу стекают капли дождя.

— Отвези ее в больницу.

— Никакой полиции. Никакой больницы. Пожалуйста, мужик.

Мучительный, пронзительный вопль прозвучал в телефоне.

— Что ты сделал? — Трумэн зарычал, чувствуя, как внизу живота сжимается, и вспомнил еще одну темную ночь, много лет назад, когда бросился на помощь. Он расхаживал по площадке, и предупреждение вспыхивало в его голове как гром среди ясного неба. — Где ты?

Куинси пробормотал адрес какого-то захудалого места в тридцати минутах езды от Писфул Харбор (*Прим. в переводе с англ. — Мирная Гавань*), а затем связь оборвалась.

Большой палец Трумэна завис над экраном. Три маленькие цифры 9-1 —1 освободили бы его от желания расхлебывать какое бы ни было дерьмо, которое устроили Куинси и его мать. Образы того, как его мать извергала ложь, чтобы отправить его куда подальше, и Куинси, напуганный тринадцатилетний мальчик, выглядевший опустошенным и по-детски наивным, несмотря на его рост в шесть футов, не давали ему покоя.

Нажми на кнопки.

Нажми на эти чертовы кнопки.

Он хорошо помнит большие голубые глаза Куинси, безмолвно кричаще извинения, когда Трумэну выносили приговор. Это были те же умоляющие глаза, которыми он смотрел и сейчас, и неважно, облажался тот или нет. Мужчина беспомощно потащился к грузовику сквозь пелену дождя, выехал на дорогу, проехал мост и оставил безопасный Писфул Харбор и его надежный, стабильный мир позади.

Вонь мочи и человеческих экскрементов заполнили темную аллею. Отходы не только человеческих испражнений, но и отбросов общества, таких, как наркочиллеры, шлюхи и другие извращенцы. Грязь, граффити на потрескавшихся стенах и покореженный бетон. Где-то сверху раздавался оглушительный крик. Трумэн, практически ничего не видя из-за стены дождя, двигался очень быстро между зданиями. Где-то вдалеке лаяла собака, за лаем последовало поскуливание, что подсказало ему, что животное, похоже, ранено. Трумэн склонил плечи вперед, руки опустились по бокам и сжались в кулаки, когда воспоминания обрушились на него. Непрекращающийся мучительный плач приближался, и, проходя мимо бетонных стен, он начал тяжело дышать, готовясь к борьбе. Было похоже на то, будто кто-то или что-то испытывало страдания, стена внутри здания. Не смотря на ненависть к женщине, которая его родила, он бы не пожелал таких мучений ни ей, ни кому бы то ни было еще.

Ржавая зеленая металлическая дверь издавала лязгающие звуки закрывающейся тюремной камеры, которые были все еще свежи в памяти, и в тот же момент его охватил ужас. Делая несколько глубоких вдохов, он оттолкнул быстро и жестко вновь обрушившиеся на него воспоминания. Плач усилился, и Трумэн ускорился, протискиваясь через дверь. Протухший, едкий запах мусора и сладковатый запах наркотиков заполняли комнату, способные посоперничать с ужасающим криком. Сердце стало отбивать сумасшедший ритм, когда он увидел сцену, что развернулась перед ним. Он едва узнал вблизи беззубую, тощую женщину, безжизненно лежащую на бетонном полу и смотрящую стеклянным взглядом в потолок. Воспаленные следы уколов, похожие на змеиные укусы, покрывали ее костлявые руки. В углу, на грязном, разодранном матрасе сидела малышка, одетая в отвратительную грязную одежду, и плакала. Ее темные волосы были спутанными и слипшимися, кожа была грязной и покрытой песчинками. Щечки были ярко-красными, а глаза опухшими от слез. Возле нее на спине лежал ребенок, который своими тоненькими ручками тянулся к потолку, сотрясаясь от рыданий так сильно, что замолкал между воплями. Взгляд Трумэна обратился к Куинси, который прижимался к женщине на полу. Слезы струями бежали по его небритым, впалым щекам. Эти большие голубые глаза преследовали и пугали Трумэна в воспоминаниях, когда-то они были яркого цвета, теперь же стали блеклыми, воспаленными из-за пребывания в постоянном наркотическом опьянении. На татуированных руках Трумэна изображены демоны, которые овладели им после заключения в тюрьму за преступление, совершенное его братом. Они охотились за человеком, которого он хотел защитить. Но ему было не под силу кого-либо защитить, пока она находилась за решеткой.

— Она... — голос Куинси был едва различим. — Умерла, — выдавил он.

Сердце Трумэна сильно ударилось о ребра. Его разум затянуло обратно к другой грозовой ночи. Тогда он зашел в дом матери и нашел брата, стоявшего с окровавленным ножом над телом мужчины, развалившимся поперек полуобнаженного тела матери. Он проглотил подступившую к горлу желчь. Боль и ненависть вели борьбу между собой. Трумэн наклонился и проверил пульс, сначала на ее запястье, а потом на шее. Все в желудке перевернулось. Разум передернуло, когда он посмотрел мимо своего брата на детей на матрасе.

— Это твои дети? — выдавил он.

Куинси покачал головой.

— Мамы.

Трумэн пошатнулся назад и почувствовал, как открываются раны, сдирается кожа и начинает кровоточить. Его братья и сестры? Живут такой жизнью?

— Что за черт, Куинси? — он пересек комнату, поднял малыша и прижал его подрагивающее от слез тело к своему. Сердце пронзила боль. Он присел возле малышки и потянулся к ней тоже. Она обхватила дрожащими ручками его шею и начала цепляться за него всей своей небольшой силой. Они оба были очень легкими. Он еще не держал детей, ведь когда родился Куинси, ему было всего 9 лет.

— Я здесь уже шесть месяцев, — закипал от ярости он. — Ты не думал сообщить мне, что у мамы есть еще дети? Она хотела им такой же проклятой жизни? Я бы мог помочь.

Куинси усмехнулся.

— Ты сказал мне... — он закашлялся и прохрипел так, словно он был на последнем издыхании. — Да пошел ты.

Трумэн посмотрел на брата, уверенный, что тот был охвачен яростью.

— Я вытянул тебя из чертового наркопритона через неделю после того, как вышел из тюрьмы, и пытался тебе помочь. Я разрушил свою жизнь, пытаюсь защитить тебя, идиот. А ты послал меня на хрен и залег на дно. Ты никогда не упоминал, что у меня есть сестра и... — он взглянул на ребенка, не имея понятия, мальчик это или девочка. Жидкие растрепанные рыжеватые волосы, покрывали маленькую головку.

— Брат. Кеннеди и Линкольн. Кеннеди, не знаю, может два или три года? И Линкольн... Линкольн мальчик.

Их идиотка-мать и имена, даваемые в честь президентов. Когда-то она сказала ему, что главное — иметь незабываемое имя, так как у них была незапоминающаяся жизнь. Кстати, говоря о самоисполняющихся пророчествах, которым мать дала начало своими словами. Поднявшись на ноги, скрипя зубами, в промокшей под дождем одежде, которая теперь была покрыта еще и мочой от их заполненных памперсов, Трумэн не пытался даже скрыть своего отвращения.

— Это же дети, ты, сволочь. Ты не мог привести их в порядок и позаботиться о них?

Куинси повернулся, угрюмо глядя на их мать, показывая Трумэну еще более глубокое отвращение от жалкой жизни брата. Малыш перестал плакать, когда он начал его поглаживать по спинке. Кеннеди смотрела на него большими, влажными от слез карими глазами, и тут он осознал, что должен сделать.

— Где их вещи? — Трумэн осмотрел грязную комнату. Он заметил несколько грязных пеленок выглядывающих из-под жалкого одеяла и поднял их.

— Они родились на улице. У них даже нет свидетельств о рождении.

— Ты что, прикалываешься надо мной? Как, мать вашу, они выживали все это время? — Трумэн схватил рваное одеяло, которое пахло смертью, и завернул в него детей, направляясь к двери.

Куинси развернулся всем своим изможденным телом и поднялся на ноги, встречаясь взглядом со своим братом, который возвышался над ним своими шестью футами и тремя дюймами.

— Ты не можешь оставить меня здесь с ней.

— Ты сделал свой выбор давным-давно, братишка, — сказал Трумэн холодным тоном. — Я умолял тебя отказаться от наркотиков, — он перевел взгляд на женщину на полу, incapable думать о ней как о своей матери. — Она испортила мою жизнь, и она, бесспорно, испортила твою жизнь, но будь я проклят, если позволю испортить им жизнь.

Кошмары, которые преследуют Гриттов, прекратятся здесь и сейчас.

Он натянул одеяло поверх детских голов, чтобы защитить их от дождя и открыл дверь. Холодный, влажный воздух, ударил по его рукам.

— А что делать мне? — заявил Куинси.

Трумэн последний раз окинул взглядом комнату, чувство вины и злости поглотило его. На каком-то уровне, он всегда знал, что должен был прийти сюда, но надеялся, что до этого не дойдет.

— Твоя мать лежит мертвая на полу. Ты позволил своим сестре и брату жить в нищете, и тебя интересует, что ты должен делать? Прекратить колоться.

Куинси отвернулся.

— И кремируй ее, — он переместил младенцев, достал бумажник и кинул пачку наличных на пол, потом сделал шаг по направлению к двери. Поколебавшись, он шагнул, обозленный на себя за то, что недостаточно сильный, чтобы уйти и не оглядываться назад.

— Когда ты завяжешь с этим дерьмом, ты знаешь, где меня найти. До тех пор я не хочу, чтобы ты находился рядом с детьми.

Глава 2

Предполагалось, что Писфул Харбор, должен был стать чистым листом для Трумэна. Мост в Писфул Харбор отмечен как линия между старой жизнью и новой. Но сегодня ночью, пересекая мост, прошлое цеплялось за него в виде младенца, крепко спящего на его плече, и малышки, сидящей рядом и дремавшей, облокотившись на его руку. Только эти дети, не были частью прошлого, но он был чертовски уверен, что станут частью его будущего. Злость на мать и брата тугим узлом стягивала его внутренности. Злость на себя за то, что не знал о существовании Кеннеди и Линкольна, жизнь которых действительно испоганена, если принимать во внимание сложившиеся обстоятельства. Даже задумываться не хотелось о том, что эти дети пережили, хотя, возможно, их мать перестала колоться, на время пока была беременна, так же как было с Куинси. Тогда она продержалась всего лишь неделю после рождения Куинси, а далее снова нырнула в преступный мир.

Придерживая младенца на плече, он схватил пеленки, отстегнул Кеннеди от сиденья и взял на руки.

— Давай, принцесса.

Малышка прижалась к его шее и тихо вздохнула, пробудив глубочайшие чувства, которые, как он думал, умерли много лет назад. Накрыв детей тонким одеялом, чтобы защитить от дождя, который уже только моросил, Трумэн отнес их в свою скудно обставленную квартиру. Он понятия не имел, что делает. Последнее чего хотелось, это разбудить детей и запустить заново фестиваль слез. Но дети отчаянно нуждались в купании и смене памперсов, которые, должно быть, готовы были взорваться. Он отнес их в спальню и положил Кеннеди на кровать. Ее маленькие глазки внезапно открылись, и темные густые реснички запорхали над щечками. Личико поморщилось, губки дрогнули вниз, а бровки едва заметно нахмурились. Малышка начала хныкать, и он снова притянул ее к себе.

— Шшш. Шшш. Шшш. Все хорошо. Я с тобой, — Трумэн сел на край кровати, на одном плече держа брата, на другом — сестру. Кеннеди продолжала хныкать, каждым отчаянным звуком задевая струны души так, будто там скребутся кошки. Мельком увидев свое отражение в зеркале, впервые за это время, Трумэн попытался взглянуть на себя чужими глазами. Тату покрывали руки, от кисти до плеча, и обвивались вокруг шеи от основания до

подбородка. Он не брился в течение недели, может дольше, а темные, намокшие под дождем волосы, прилипли к голове.

Он знал, что мог быть жестоким, и даже, возможно, относился с холодностью к некоторым людям, но это его никогда не заботило. Не зная о существовании этих детей до сегодняшней ночи, он задался вопросом, выглядит ли он жутко в глазах младшей сестренки? Это заставило его внутренности болезненно сжаться новым и совершенно необъяснимым для него образом.

Положив малышку на кровать и отодвинув волосы с ее лица, он надеялся, что Кеннеди не увидит в нем плохого парня. Она подняла головку, и ее глазки наполнились тревогой, которую ребенок не должен испытывать в ее возрасте. Трумэн заставил себя улыбнуться, чтобы ослабить ее страх, зная, что ситуация, свидетелем которой стала сегодня девочка, лишь верхушка айсберга жуткого дерьма, которое она испытала в своей короткой жизни.

— Я твой брат, — сказал он мягко, глотая ком в горле, задумываясь о брате, которого только что оставил позади. — Меня зовут Трумэн, и с этого момента я буду о тебе заботиться.

Ее нижняя губка снова задрожала, и из глаз хлынули слезы. Он понятия не имел, связаны ли эти слезы с их испоганенным вечером, ее жизнью в целом или его, но ожидал, что, скорее всего, все вместе взятое. Мужчина снова притянул малышку к своей груди.

— Шшш. Я знаю, все это ново для тебя, но обещаю, что со временем все станет лучше, — он чертовски надеялся, что это правда. — Но в первую очередь, мы должны выкупать тебя. Хорошо?

Трумэн боялся оставить Линкольна без присмотра. Он отнес спящего младенца, завернутого в чистое одеяло, вместе с Кеннеди в ванную. Расстелил одеяло на полу, положил на него Линкольна и стал наполнять ванную. Его разум пропутешествовал где-то далеко. Только Господь знает, что пережила малышка при такой-то матери. Мужчина снял с тела Кеннеди грязную одежду, тихо молясь о том, чтобы драгоценная маленькая девочка была лишена шрамов и ушибов. Хотя осознавал, что настоящие шрамы никогда не увидишь невооруженным взглядом. Сняв тяжелый, испачканный памперс, он съёжился от вида покраснений и сыпи, покрывавших ее нежную кожу, и почувствовал себя плохо, зная, что Линкольн, вероятно, находился в подобном состоянии.

— Хорошо, принцесса, пришло время купаться, — он поднял ее и усадил в ванную, она тут же впилась пальчиками в его руку, дико брыкаясь ногами.

— Нет. Не куп! — кричала она, притянув свои маленькие коленки к груди, чтобы избежать воды.

— Ладно, — быстро произнес Трумэн и прижал ее к себе, пока пододвигал Линкольна. Новая злость поднялась на поверхность. Что, черт возьми, случилось с ней? Он успокоил ее, удерживая сотрясающееся тело в безопасности рядом с собой, не обращая внимания на мочу и кал, покрывающие теперь его руки и рубашку.

— Не куп, — кричала она, — Не куп! Страшно!

Линкольн начал плакать.

— Шшш. Все в порядке. На самом деле, далеко не в порядке, но я не могу дать вам заснуть в собственном дерьме.

Малышка потянулась к Линкольну, находившемуся в другой его руке, который перешел в полномасштабный кричащий режим. Перемещаясь, девочка размазывала дерьмо по всей поверхности уже грязной одежды.

— Ребенок голодный, — сказала малышка и погладила Линкольна по спине.

Конечно, он хотел есть. Трумэн мало что знал о детях, но всем прекрасно известно, что их нужно кормить каждые несколько часов. Ему нужно купить еду и одежду, но в первую очередь — очистить их тела от экскрементов. Он предложил единственную вещь, которая могла бы помочь успокоить Кеннеди.

— Я буду держать тебя, пока ты будешь купаться. Потом мне необходимо приобрести еду для твоего брата. Что обычно он ест?

Малышка оттолкнулась от его плеча и стала наблюдать за ним, словно он говорил с ней на иностранном языке. Христос, как много времени прошло, с тех пор как эти дети ели? После тщательного осмотра, он смог увидеть грязь под ее ногтями.

Волосы ее были не только запутанными и грязными, но и покрыты большим слоем жира, также он мог видеть ее выступающие ребра. У него не было выбора, ему нужно было их помыть. Осознавая, что когда сыпь на ее коже коснется воды, малышке будет чертовски больно. Лучше сделать это быстро, чем безрезультатно крутиться и продлевать ее пытки.

— Ладно, принцесса. Давай поступим по-другому, — усадив ее себе на колени, он положил Линкольна на одеяло и начал быстро избавлять его от грязного памперса, Трумэн обнаружил кожную сыпь в нижней части тела Линкольна, которая была еще хуже, чем у Кеннеди. Мужчина аккуратно снял кофточку с ребенка и почти потерял сознание от увиденного гребаного синяка на плече мальчика. Потом скрипнул зубами, чтобы сдержать проклятия, которые могли вылететь из его рта. Прижимая Линкольна к своей груди, он чувствовал поднимающуюся тошноту в желудке. Борясь со слезами от злости и сочувствия, он прошептал:

— Никогда снова, маленький парень. Я обещаю. Больше никогда.

Трумэн снял собственную испачканную футболку, поставил Кеннеди на ноги, чтобы снять с себя джинсы и ботинки, оставив только трусы.

— Мы должны выкупать вас обоих. Потом мы спустимся вниз и поедем в магазин, где сможем достать тебе и твоему брату еду и теплую одежду.

— Не куп, — сказала малышка, цепляясь за его ногу.

Тру на несколько секунд закрыл глаза, чтобы взять под контроль свои эмоции. Он все еще ожидал почувствовать что-то из-за смерти матери, но она уже на протяжении долгого времени была для него мертва. Эта адская ночь, не выбьет у него почву из-под ног. Разрываясь между вопящим младенцем и упрямой девочкой, он должен был испытывать раздражение, но ведь дети не виноваты, что родились ненужными своей матери.

Он взял Линкольна и забрался в ванну. Линкольн брыкался ножками и плакал, пока Трумэн мыл его. Кеннеди стояла по ту сторону ванны и наблюдала за ними.

— Ребенку не нравится куп.

— Он делает все правильно, — заверил Трумэн малышку, удерживая мальчика, пока поливал его ручки водой. — Ты в порядке, правда, маленький братец? — он поцеловал голову ребенка. — Ты ведь чувствуешь себя хорошо, после того, как стал чистым? — Линкольн перестал плакать, и Кеннеди повернула голову в его сторону, ее маленькие бровки нахмурились.

— Мне кажется, ему нравится купаться, принцесса, — сказал Трумэн.

— Мне нравится куп, — она обернула ручку вокруг ванны и попыталась перебросить через нее свою ножку.

— Вау, — он притянул ее к себе на колени, мечтая иметь третью руку.

Некоторое время спустя он запеленал детей, одев каждому свою чистую, мягкую футболку. Схватил несколько крекеров для Кеннеди, чтобы она поела в машине, и поехал в Walmart (*Прим. Сеть супермаркетов*).

Джемма Райт бросила три порции мороженого в свою корзинку и захватила банку горячей помадки с витрины возле холодильника. Она сделала короткую остановку и посмотрела на карамельный топпинг и разноцветную посыпку, приняв решение приобрести все три дополнения. Было уже после полуночи, так что калории можно не считать. Это было правилом каждого полуночника, которое давно к ней приклеилось. Особенно после того, как какой-то урод ударил ее машину и смылся. Сегодня ночью она заслужила огромную порцию мороженого с фруктами и орехами.

Девушка направилась к детскому отделу, чтобы проверить, завезли ли детские балетные костюмчики для ее подруги и работодателя Кристалл. Как владелица бутика «Princess for a Day», она всегда следила за появлением новых коллекций в одежде. Джемма обнаружила стойку с детскими костюмчиками пастельного цвета с яркими воздушными балетными юбками.

— Так держать, Кристалл!

Взяв розовенький набор с белой юбкой со стойки, она почувствовала знакомую острую боль и тоску, затаившуюся глубоко в душе. Некоторые девушки мечтают о пышной свадьбе, дорогом платье и рыцаре в сияющих доспехах, ну, или миллиардере в костюме от Armani и роскошном медовом месяце. Джемма не нуждалась в свадебном маскараде или галантном муже. Ее весьма устраивала собственная жизнь. У нее были свои мечты. Они только немного отличались от большинства девушек. Всю свою жизнь Джемма была сторонним наблюдателем. Поначалу девушки жаловались на менструальные боли, позже наблюдали за тем, как в чреве растет новая жизнь. Однако Джемма родилась без матки. Как она желала получить этот ужасный опыт, даже если они действительно были такими, как говорили ее подруги, и использовать его как причину отсутствия на уроке физкультуры. Мечты Джеммы не имели ничего общего с пышными свадьбами или же с желанием быть щедро одаренной любовью. Она мечтала о маленьких каштановых детских головках и любящем, решительном мужчине, их отце. О человеке, который знает, как любить, не забрасывая их деньгами и подарками, надеясь искупить свое отсутствие. О человеке, который не бросит семью из-за неправильных воззрений.

Звук детского плача наваял новую волну тоски. Плач становился все громче, и она посмотрела в направлении, откуда доносился шум, и направилась с корзинкой по проходу, оглядываясь по сторонам. Ее сердце почти остановилось, когда она увидела невероятно высокого мужчину с темными густыми волосами и неряшливой щетиной, который держал на руках плачущего младенца, пока читал журнал. Его покрытые татуировками руки держали ребенка так крепко, словно он боялся, что тот исчезнет, если он ослабит хватку на его тельце. Маленькая девочка сидела в тележке, спиной к Джемме, окруженная почти всеми разновидностями детского питания и рецептов по их приготовлению. Тревожный звончок раздался в голове Джеммы. Почему дети находятся здесь так поздно? И почему он читает журнал, в то время как кричит ребенок? Джемма с рождения обладала пронизательным умом, который начал работать в сумасшедшем направлении. Она начала придумывать

историю о парне, которого бросила жена, и теперь он отец-одиночка, полностью потерянный и впервые не знающий, что делать. Или может быть, он похитил детей? Так разум захватила богатая воображением сторона. Сторона, которая создавала истории, когда она была моложе, чтобы пережить предательское одиночество и написать новостную колонку для своего бутика, который включал написание сказок для детей и нечто особенно захватывающего, и местных новостей для родителей, чтобы их проверить. Джемма снова нырнула в проход, сжимая корзинку, мысленно придумывая, как облегчить детские страдания и не выглядеть слишком любопытной.

Ребенок издал душераздирающий крик, и она оттолкнула авантюрную, сумасшедшую, ищущую приключения сторону подальше и снова выглянула из прохода, используя это мгновение, чтобы повнимательнее рассмотреть мужчину. Журнал, который он рассматривал, упал на пол, и мужчина поцеловал головку ребенка, бормоча что-то, чего она не слышала. Он держал ребенка, словно футбольный мяч. У парня были глубоко посаженные глаза, которые в данный момент сфокусировались на несчастном младенце. Рукава темной рубашки мужчины облегли огромные бицепсы, и сам собой возник вопрос о том, чем он занимался в жизни. Есть ли здесь лесорубы? Его джинсы плотно облегли бедра и спускались ниже черных ботинок. Он был чертовски сексуальным, тот тип мужчин, который нравился Кристалл. Он так нежно погладил маленькую девочку по щечке, что Джемма смогла ощутить это прикосновение на своей собственной щеке. Прижавшись губами к лобку маленькой девочки и взяв ее за худенькую ручку, он заглушал тревожные звончки в голове Джеммы.

— Он в порядке, принцесса. Просто голодный. Мы накормим его, как только приобретем несколько вещей и оплатим счет, — он говорил нежно с маленькой девочкой, голосом полным заботы.

Принцесса.

Его взгляд метался между малышом и маленькой девочкой, а затем вернулся к сладкому маленькому мальчику в его руках.

— Не расстраивайся, парень. Мы приобрели почти все самое важное.

Она увидела, как он схватил по одной упаковке подгузников каждого размера и положил их в тележку возле девочки, а затем те, которые не поместились, забросил на полку под тележкой. Может, у нее не было матки, но у нее были яичники, которые взорвались от потока любви и пугающего контраста между тьмой и светом перед ней.

Глава 3

Трумэн почувствовал, что кто-то пристально смотрит на него, поднял глаза выше и увидел длинноногую красотку, наблюдающую за ним. Темные и золотистые пряди ее волос перемешались и свободным каскадом ниспадали на гладкую кожу цвета слоновой кости, а при взгляде на полные малиновые губы он сразу вообразил, что можно сделать с ними в своих эротических фантазиях. Он представил, как изображает ее взмахами кисти, представил, как рисует ее утонченный подбородок, длинную тонкую шею, стройные плечи, изящную талию и греховно-сексуальные округлые бедра. От этого образа его тело вспламенилось. Внезапно Линкольн закричал, и Тру прижал малыша крепче, прикрывая его тельцем себя спереди в районе пояса, и встал между Кеннеди и незнакомкой.

Зеленые глаза незнакомки переместились на его тележку.

— Полагаю, ваш ребенок очень много ест?

Ее голос был как пламя, касающееся кожи, мягкий и обжигающий как летнее солнце, но почувствовав заинтересованность в ней, мужчина выпрямился и расправил плечи. Ему сейчас не до этого.

— Он умирает с голоду, — хрипло сказал Трумэн, качая Линкольна на своем плече, пытаясь успокоить.

— Так покормите его, — она ни на мгновение не отвела от него взгляда, ее глаза, пронзительные и бросающие вызов, были как у растревоженной кошки.

Он продемонстрировал ей бесстрастную маску, словно говоря «Да неужели, серьезно?».

— Отлично, — он толкнул тележку мимо нее, но она ухватила за него. Трумэн вырвал руку и обнял Кеннеди. Глаза девушки опустились к маленькой девочке и скептически ее разглядывали.

— Эта одежда типа как в «Daddy day»? — ее пальцы обвили вокруг ручки тележки, и ей удалось достать упаковку с детским питанием (*Прим. «Daddy day» — «Дежурный папа» — американская комедия с Эдди Мерфи в главной роли о незадачливых отцах, которые вынуждены присматривать за детьми*).

— Что-то вроде того, — сказал Трумэн, наблюдая за тем, как она открыла упаковку и сорвала защитное покрытие одной из готовых бутылочек с детским питанием. Девушка надела соску, потрясла бутылочку и передала ему.

Он посмотрел на бутылочку, потом на нее.

— Я еще не заплатил, — последняя вещь, которую ему сейчас нужна, это быть пойманным за использованием неоплаченного товара. Он планировал войти, купить все необходимое, выйти и отправиться домой, не зацикливаясь на маленькой всезнайке, независимо от того, насколько она была горяча. Линкольн начал икать между криками, и она сунула бутылочку в руку Трумэну.

— Это не значит, что они арестуют тебя за кормление голодного ребенка.

— Ребенок голодный, — повторила Кеннеди.

В груди Трумэна сжалось. Он неохотно взял бутылочку и придвинул к ротике малыша. Линкольн сосал, потом плакал, сосал, потом снова плакал.

— Ты должен убаюкивать его, — она поставила свою корзинку и жестами показала, как убаюкивать ребенка. Он переместил Линкольна на другую руку. Девушка подошла ближе. Она, должно быть, увидела настороженность в нем, потому как остановилась в нескольких дюймах от него и коснулась его рукой, сохраняя дистанцию. Ее руки были нежными и теплыми, когда она приподняла локоть Трумэна, пытаясь поднять голову малыша так, чтобы она оказалась выше ног.

— Вот так, — сказала она ласково, улыбаясь Линкольну, — это должно помочь.

Разумеется, Линкольн выпил всю бутылочку с питанием. Кеннеди лучезарно улыбнулась женщине, которая смотрела на Трумэна, как будто пыталась его понять. Это был сигнал, что ему пора уходить.

— Спасибо, — сказал он и сделал шаг по направлению к тележке.

— Вы знаете, что малышу нужно сделать отрыжку? — она снова взглянула на тележку. — Потому что выглядит так, как будто это твой первый день папочки, сидящего с детьми.

— Это мои брат и сестра, — ответил он решительно, — и «да». Я знаю, что ему нужно сделать отрыжку. Я так думаю.

— У вас есть салфетки для отрыжки?

Он поднял бровь.

Она закатила глаза и улыбнулась Кеннеди.

— Пора кое-чему научить вашего брата, — с этими словами она начала перебирать детское питание и памперсы в тележке. — Слишком большое, слишком маленькое. Вот это подойдет, большой братец не будет экономить на памперсах для вас, ребятки. Мне нравится это в людях, — она улыбнулась ему, когда ставила на полку памперсы ненужного размера и бросала в тележку другие. Незнакомка потянулась, чтобы достать до высокой полки и низ ее дорогой блузки поднялся настолько, что можно было увидеть полоску загорелого подтянутого живота.

Она могла быть напористой. Не стоит игнорировать влияние, которое оказывает ее соблазнительное тело на него. Отлично, девица потянулась, показывая немного больше кожи, и Трумэну пришлось переместить ребенка в руках, чтобы поправить свою эрекцию. Ему пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы отвести глаза в сторону.

— Они предоставляют размеры по весу ребенка, — объяснила она, — но их никогда нет. Так что я попробую «Swaddlers» и «Cruisers» для него. А ты, должно быть, носишь еще впитывающие трусики? — спросила она Кеннеди, которая несколько раз просто моргнула, глядя на нее.

— Памперсы, — ответил Трумэн, по причине того, что понятия не имел, что такое впитывающие трусики.

— Достаточно скоро, — сказала она и, погладив Кеннеди по голове, загрузила в корзину несколько упаковок памперсов. — Теперь насчет детского питания. Существует много видов. Сколько ему?

— Я не знаю. Несколько месяцев, — как, черт возьми, она узнала, что это мальчик?

Положив руки на бедра, девушка скептически на него взглянула.

— Я думала, они ваши брат и сестра.

— Так и есть, — зарычал он, напоминая себе, что она просто пытается помочь. Это также было счастьем для Линкольна, так как он спас его из того гадкого места. Даже несмотря на то, что Тру ненавидел просить о помощи, он должен принять небольшие рекомендации, чтобы ночью ничего не перепутать.

— Извини, — сказал он уже более спокойно, — я не уверен точно, сколько ему. — *Потому что сам понятия не имел об их существовании до сегодняшней ночи.*

Она оперлась на тележку и снова улыбнулась Кеннеди.

— Сколько тебе лет, дорогая? Два? Три?

Малышка отклонилась назад и быстро нашла глазами Трумэна.

— Ты очень застенчивая малышка, — сказала девушка. — Ну, меня зовут Джемма Райт, и когда-то я тоже была маленькой застенчивой девочкой, — она положила руки возле рук Трумэна на тележку и снова взглянула на него своими изумрудными глазами. — Ты, очевидно, не можешь толкать тележку и кормить своего крошку братца. В чем еще мы нуждаемся?

— Мы?

Она вздохнула, как будто его отношение утомило ее, и подобрала ранее упавший журнал.

— «Воспитание детей» — хороший выбор, — она посмотрела на побледневшие костяшки его пальцев, сжавшие ручку тележки. — Ты боишься, что я украду ее? Seriously, отдохни немного, так мы сможем приобрести для твоих детей здесь все необходимое, и они

смогут немного поспать.

Джемма снова взглянула на журнал «Воспитание детей» и наклонилась ближе так, что наполнила его ноздри слабым запахом ванили и женщины. Он никогда не обращал внимания на ваниль, но он также никогда не встречал женщины, как эта.

Она понизила голос.

— Видно, что ты пытаешься быть хорошим братом. Я могу уйти прочь и оставить тебя кружить по «Walmart», или ты можешь расслабиться и воспользоваться предложением полуночника, которая любит помогать мужчинам, выглядящим довольно пугающе.

— Зачем тебе помогать пугающему незнакомцу? — спросил он хрипло.

Она окинула его тело взглядом с ног до головы, более чем с намеком на интерес, облизав губы, ее взгляд снова скользнул вверх-вниз. Девушка поймала его взгляд и, заметив, что он наблюдал за ней, закатила глаза. Он, видимо, неправильно истолковал ее действия. Что он знает о таких женщинах, как она? Она была одета в широкие брюки и блузку, которая стоила, наверное, больше, чем его месячная арендная плата.

— Ты не такой уж страшный. Кроме того, я вижу, с какой нежностью ты относишься к детям, — она убрала свои руки от головки Линкольна. Потом схватила упаковку чего-то с полки и разорвала, положив белую ткань на плечо Трумэну. — Положи себе малыша на плечо, и он сделает отрыжку, чтобы потом у него не болел животик.

Трумэн посмотрел на Линкольна, который почти заснул с бутылочкой, лежащей на его нижней губе. Трумэн положил бутылочку в тележку возле Кеннеди, которая боролась с тем, чтобы не закрыть глазки. Положил Линкольна себе на плечо и похлопал мальчика по спинке, чтобы тот выпустил воздушную отрыжку. Эта нахальная цыпочка знает, о чем говорит.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Трумэн.

— Трумэн. Мне нравится, — сказала она, как будто ему было нужно ее одобрение, — а детей?

Взглянув на детей, он почувствовал, как у него проснулось чувство собственности.

— У них должны быть имена, — уговаривала она.

— Кеннеди, — затем он коснулся щеки младенца и сказал, — Линкольн.

В ее глазах заиграли искорки.

— Значит, вашей маме нравится называть детей в честь президентов?

До того, как он смог подумать об ответной реакции, она схватилась за ручку тележки и сказала.

— Хорошо, тогда. Приступим к вашим делам. Что вам нужно?

Были вещи похуже, чем помогать горячим цыпочкам с чувством юмора. Тру подобрал ее корзинку и сказал:

— Одежда, еда, автомобильное кресло и кроватка.

— Кроватка?

— Для него, — он кивнул головой в сторону ребенка.

— Детская кроватка и автомобильное кресло? У вас его нет? Как вы их сюда привезли? — когда он не ответил, она продолжила, — Боже, что бы сказала на это ваша мать? Она должна была дать вам несколько уроков по обращению с детьми.

Это будет трудно, учитывая, что она мертва.

Джемма толкнула перегруженную тележку на темную стоянку, пока Трумэн нес обоих спящих детей, что было не так-то просто. Они оставили вторую тележку с детской кроваткой и манежем, которые убедила купить Джемма, вместе с несколькими предметами первой необходимости в передней части магазина, которые он должен был забрать после того, как усадит детей в автомобиль. Ей было любопытно, почему дети были одеты в его футболки, и почему у Кеннеди не было обуви. Весь последний час она так часто проявляла к этому любопытство, что решила сменить тему. Он защищал и искренне любил малышей, поэтому она позволила вопросам раствориться, несмотря на свое любопытство.

— Это мой грузовик, — он остановился возле старого синего грузовика, у которого были и задние, и передние сидения. — Откуда ты так много знаешь о детях?

Она пожалала плечами.

— У меня собственный бутик для маленьких принцесс. Ты должен как-нибудь привести Кеннеди, для того чтобы просто провести хорошо время и пообщаться. Это могло бы помочь ей выбраться из собственной скорлупы, — она встретила его резкий и неприязненный взгляд. У него были самые синие глаза, и, бесспорно, самые пленительные, но он насторожено и с опаской осматривался по сторонам, продвигаясь к месту парковки.

— Бутик для принцесс? Я даже не буду пытаться угадать, что это, — он открыл дверь и положил Кеннеди на сидение. Девочка дернулась, и он наклонился к ней, прошептал что-то и нежно поцеловал в щечку.

Все, что он делал с детьми, было трогательным и нежным. Когда они делали покупки, он не был раздражен тем, что Кеннеди была плаксивой. Он просто поднял ее на руки и успокоил. Она видела родителей менее терпеливых с собственными детьми, а для него они были только братом и сестрой. Джемма задавалась вопросом, почему он их забрал и насколько долго это продлится, учитывая, какое количество вещей он купил. Она была рада, что была там и смогла помочь, он, наверняка, забыл бы обувь, средства для купания детей и другие вещи, о которых большой брат не знал.

— Не хочешь дать мне подержать Линкольна, пока ты устанавливаешь в машине детское кресло? — она потянулась к ребенку, и он оцетинился. — Трумэн, ты правда думаешь, что я стала бы помогать тебе покупать все эти вещи, чтобы потом навредить твоему младшему брату? Ты меня обижаешь.

На ее лице возникло огорченное выражение. Он опустил Линкольна ей на руки и поцеловал его в щечку. Любовь витала в воздухе между ним и ребенком, и это было самой прекрасной вещью, свидетелем которой стала Джемма. Это длилось всего несколько секунд, но за те секунды она увидела, что сердце большого крепкого мужчины окружено этими любимыми братом и сестрой.

— Я прошу прощения, — уголки его рта дернулись в подобии улыбки, но только улыбка была адресована детям. Это было мимолетное изменение в выражении его лица, но улыбка смягчала все острые черты, и когда он обратил эти возбуждающие синие глаза на нее, в животе запорхали бабочки.

— Я действительно ценю вашу помощь. Только я не привык...? — он скрипнул челюстью. — Я просто хочу быть осторожным с ними.

Проявляя заботу, он даже не начал описывать, что чувствует по отношению к ним. Внимательный, оберегающий и любящий — все написано на его лице. Когда он рассказывал

про сыпь от памперсов на их коже, боль в его голосе и выражение лица почти поставили ее на колени.

— Я буду очень осторожна, — заверила она его.

Когда Трумэн положил ребенка к ней на руки, привычная тоска проснулась в ее сердце. Когда до нее донесся сладкий детский запах Линкольна, это успокоило боль. Руки Трумэна укачивали ее за предплечья, пока она держала ребенка, и Джемма смогла рассмотреть его татуировки. Почему они все синие? И что они обозначают? Ее никогда не привлекали мужчины с татуировками, эти парни доставляли беспокойство. Трумэн был загадочным сочетанием, казалось бы, несовместимых вещей, одновременно представляя собой опасность и искреннюю нежность, и это заставило сердце Джеммы биться быстрее.

Мужчина быстро справился со своей задачей, загрузил сумки в багажник грузовика и установил детское сиденье. Его мускулы перекачивались и вздувались от приложенных усилий. После того, как Кеннеди уснула на пассажирском сидении, он осторожно отнес детское кресло и установил его на соседнее с водителем кресло.

— На самом деле, ты должен установить его на заднее сидение. Ему будет там безопаснее.

— На заднее сидение? Что, если он поперхнется или еще что-нибудь? — он понизил голос, глядя на крепко спящую Кеннеди на пассажирском сидении. — Я хочу иметь возможность наблюдать за ними. Я предпочел бы переднее сидение.

— Тогда ты должен снять подушку безопасности. Детские кресла для автомобилей устанавливаются против хода движения машины. Верхнюю часть автокресла нужно пристегнуть ремнем безопасности и затем пристегнуть самого малыша ремешками внутри него, — его ошеломленный взгляд сказал ей, что он понятия не имел, что она имела в виду. — Вот. Держи Линкольна, я покажу тебе.

Он забрал у нее ребенка и наблюдал за тем, как она забралась в грузовик и приступила к разъяснению инструкций по отключению подушек безопасности, после того, как завела грузовик и стала устанавливать детское сиденье на указанном месте. Джемма опустила на колени и сжала ремень безопасности.

— Ты должен быть уверен, что надежно все закрепил.

Затем она пересела на водительское сидение, он потянулся над ее коленями и осторожно положил Линкольна в детское сидение. Его руки коснулись ее груди, посылая поток тепла через все тело, но он так был сосредоточен на детях, что она подумала, что он вряд ли это заметил.

Трумэн повернулся к ней и улыбнулся, в результате чего их лица оказались так близко, что она почувствовала его дыхание. Джемма впитывала черты его лица, не обращая внимания на щетину. Его скулы были резко очерченными и сильными. А губы более темного розового цвета, чем у большинства людей, и изогнуты так, что ей захотелось его поцеловать. Глаза Трумэна прошли по лицу Линкольна с выражением тревоги за ребенка. Так, как и должно быть.

— Ты можешь показать мне, как ты это сделала?

— Ммм. Да. Конечно, — *«позволь мне только заглушить эти разбушевавшиеся гормоны»*. Джемма показала ему, как пристегивать ремень и обезопасить ребенка, потом вылезла из грузовика, туда, где стоял он.

Мужчина вытянул огромные руки над головой и оперся ими о крышу грузовика, заблокировав ей выход, посмотрев на нее своими пронзительными синими глазами. Ее пульс

ускорился.

— Ты очень много знаешь о детях.

Ей стало трудно дышать.

— Я женщина. Мы много чего знаем.

Его глаза нашли ее, и смотрел он, кажется, очень долгое время, потом прочистил горло и, отвернувшись, ушёл, оставив ее с грохочущим сердцем. Она обвела взглядом грузовик и взяла Кеннеди на руки, пока Тру не вернется и не установит второе детское сидение.

Понимая, что он не знает, как обезопасить ребенка, она обратилась к нему.

— Вот, давай я.

Джемма взобралась на колесо, чтобы видеть и доставать до сидений сзади и ремня безопасности, и почувствовала как его большая, теплая рука прижимается к нижней части ее спины. Она прикусила нижнюю губу, возбужденная его прикосновением, и занервничала, как будто он действительно был опасен. Опасно любящим по отношению к этим детям. Хорошо, она была возбуждена.

И, наверное, немного нервничала.

Трумэн заглянул через ее плечо, чтобы видеть, как она устанавливает кресло и объясняет пошагово, как это сделать и как пристегнуть Кеннеди. Девушка обернулась, чтобы спрыгнуть, и он, обернув одну свою руку вокруг ее талии, снял ее с колеса. За несколько секунд она почувствовала его жесткие мышцы пресса, и вновь тепло разлилось по ее телу. Тру поставил ее на ноги и посадил Кеннеди в кресло, не обращая внимание на искры, вспыхнувшие между ними.

Как это вообще возможно?

Он закрыл дверцу грузовика, взял с тележки ее сумки и оглядел парковку.

— Где ты припарковалась? — его глаза нашли «Honda Accord», припаркованную во втором ряду под уличным фонарем. — О, приятель. Кого-то ударили в бок.

— Это было не мое желание, — она протянула руки к сумкам, — какой-то придурок ударил меня, когда я была на работе, и смылся. Страховая компания увеличит мне цену, если я подам еще одну жалобу.

— Еще одну...? — веселые искорки появились в его глазах.

— Я — магнит для плохих водителей. Меня ударили дважды. Ну, хорошо, трижды, если считать последний раз.

— Приезжай в автомастерскую «Whiskey» завтра после работы. Я исправлю это повреждение для тебя бесплатно. Не надо обращаться в страховую компанию в твоём случае, и это идеальный способ поблагодарить тебя за помощь.

— Это слишком много для маленькой помощи с моей стороны, — «он что, сумасшедший? Это работа стоит несколько сотен долларов, если не больше».

Трумэн подошел ближе, и ее сердцебиение снова ускорилось. Он казался выше и шире в лунном свете, что заставило ее глубоко почувствовать свою незащитность и уязвимость. Мужчина изучал ее без улыбки, но уже и не смотрел взглядом сторожевой собаки, который она увидела, когда впервые взглянула на него.

— Ты сэкономила мне время блуждания по «Walmart» и сотни долларов, когда я чуть не купил неправильные памперсы, еду, детскую одежду, и Бог знает что еще. Пригони свою машину в мастерскую завтра, — он произнес последнее предложение с неким спокойным утверждением, не давая тем самым возможности отказаться.

Она хотела взять свою машину, но только по другой причине — чтобы увидеть его

снова, но это казалось в корне неправильным — принимать такую услугу за то, что она оказала ему незначительную помощь.

— Но...

Он прижал свой палец к ее губам, успешно обезоруживая своей внезапной ослепительной улыбкой.

— Приезжай на ней в мастерскую после работы. Я починю ее на выходных, и к утру понедельника она будет готова. Это займет всего несколько часов, мы сможем произвести починку в автомастерской, так что ты не останешься без машины.

— Трумэн, но это слишком много, — настаивала она, — а там нужна будет покраска?

— Я так не думаю.

— Но как...?

— Я не могу рассказать тебе все мои секреты. Ты очень хорошо разбираешься в вещах касающихся детей. Я же мастер на все руки, что касается машин, — слабый огонек загорелся в его глазах. — Приезжай завтра. А сейчас уезжай, чтобы я был уверен, что ты в безопасности, прежде чем отправлюсь с детьми домой.

Она кивнула, сделала шаг в сторону, повернулась и сказала.

— Не укладывай Линкольна на животик, когда он спит. И используйте мазь для кожной сыпи. Это поможет.

— Я все запомнил, — сказал он, наблюдая, как она открывает дверь своей машины. — Еще раз спасибо. Увидимся завтра.

Джемма почувствовала его пристальный взгляд на себе, когда забиралась на водительское сидение. Это был тот же взгляд охранника, которым он наблюдал за детьми.

Когда она выехала с парковочного места, о мороженом было забыто, девушка еще никогда не испытывала такого всепоглощающего счастья.

Глава 4

Трумэн был совершенно уверен, что это утро и последующая ночь были самыми длинными в его жизни. Прошлой ночью он уложил детей спать, разложил покупки и занялся сбором детской кровати. Линкольн проснулся, как ему показалось, минут десять спустя, но на самом деле прошел уже час. Потом малыш проснулся спустя два часа, потому как проголодался. Сегодняшнее утро было сумасшедшим: кормление, смена памперсов, купание, опять смена памперсов. Это сильно отличалось от его обычного утра, когда самый большой ажиотаж, с которым он сталкивался, был в 7.30 утра в магазине этажом ниже. Тру даже душ принять не успел, так как боялся оставить детей без присмотра. Как родители справляются с этим в одиночку?

Завтра он примет душ сразу после того, как перед рассветом покормит Линкольна и снова уложит его спать.

На часах было 7.45, а значит, пора снова покормить мальчика, и на этот раз не в магазине. Малыш поест в машине. Тем временем Кеннеди счастливо играла в детском манеже, хотя она понимала, что слишком взрослая, чтобы оставаться там надолго. Он должен будет разобраться со своим графиком. Черт, ему нужно будет подстроить график под свою нынешнюю жизнь.

Дверь офиса открылась, и Дикси Виски просунула свою голову внутрь. Ее красные волосы и широкая улыбка осветили гараж.

— Мы здесь, Тру... — ее глаза расширились, и она влетела в гараж, быстро стуча

каблучками по бетонному полу. Ее старший брат Бэр следовал за ней. — Воу. Чьи это дети?

У семьи Виски был собственный гараж в дополнение к бару братьев Виски вниз по улице. Бэр и Дикси работали днем в автомастерской и временами вечером в баре.

— Теперь мои, — Трумэн достал из заднего кармана салфетку для отрыжки, раскинул у себя на плече, потом пристроил на нее головку Линкольна и похлопал его по спинке. Сегодня малыш оплевал все его футболки, поскольку Тру забыл воспользоваться специальной салфеткой. Джемма наверняка бы закатила глаза, узнав об этом.

Бэр сверкнул нахальной улыбкой.

— Я думал, у тебя никогда не было супружеских визитов в тюрьме.

— Это мои брат и сестра, — резко ответил Трумэн, в то время как Линкольн громко срыгнул, — вот так, хороший мальчик.

— Что значит, это твои брат и сестра? — Дикси присела возле Кеннеди. — И как эту драгоценную девочку зовут? Привет, дорогая. Я тетушка Дикси.

Кеннеди нахмурилась, когда Дикси взяла игрушку из детского манежа.

— Все хорошо, принцесса, — успокоил ее Трумэн, — у тети Дикси смешные волосы, но она добрая.

Дикси показала ему язык, и Кеннеди захихикала.

— Это Кеннеди, а этот маленький парень — Линкольн, — он встретил серьезный взгляд Бэра и понизил голос, чтобы Кеннеди его не слышала. — Мой брат решил объявиться прошлой ночью. У нашей матери была передозировка. Эти двое малышей жили в наркопритоне. Прошлая ночь была кошмаром. Вы же не будете возражать, если они останутся со мной в магазине? До тех пор пока я не урегулирую несколько вещей.

— Хэй, твоя семья — наша семья. Все, что тебе нужно, — Бэр провел рукой по густым темным волосам. Он и его братья и сестры: Дикси, Булэт и Боунс, были частью байкерского клуба «Темные рыцари», и, за исключением Дикси, использовали свои байкерские имена. Бэр (*Прим. с англ. «Bear» — медведь*) однажды боролся с медведем и получил в доказательство этому шрам. Булэт (*Прим. с англ. «Bullet» — пуля*) — бывший спецназовец, а Боунс (*Прим. с англ. «Bones» — кости*) был врачом.

Трумэн вырос в соседнем городке и познакомился с Бэром на выставке классических автомобилей, когда ему было шестнадцать. Бэр взял Трумэна под свое крыло, дал ему работу и научил всем тонкостям работы с автомобилями. Он работал по графику, который устраивал Трумена, и Бэр не выкинул его, когда тот сбился с нужного пути, например, когда пропускал школу ради работы. Бэр даже позволил привести в магазин Куинси, поскольку их непутевая мать никогда о нем не заботилась. Трумэн научился водить машину, и Бэр одолжил ему автомобиль. Со временем Тру выкупил у него грузовик, на котором сейчас ездил, они постепенно стали близки как братья, коими и являются по сей день. Виски был самым добрым, самым надежным человеком из всех, что Трумэн когда-либо знал, и он гордился тем, что считался членом этой семьи.

— Какой план? — спросил Бэр. — И как Куинси?

Трумэн вздохнул. Как бы сильно ни старался, он не смог побороть свое беспокойство о том, как там брат. Прошлой ночью перед тем, как пойти спать, он позвонил Куинси, но тот так и не ответил.

— Мой план? Убедиться, чтобы они не пропали в жизни. Куинси ушел, я и так до этого отдал ему годы своей жизни, чтобы он смог нормально жить.

— И...? — Бэр слишком хорошо его знал. В отличие от непутевой матери Трумэна, Бэр

каждую неделю посещал его, когда тот был в тюрьме, и один или два раза приводил с собой Куинси. Но Куинси перестал отвечать на звонки Бэра и со временем полностью исчез с радаров. Трумэн знал, как упорно Бэр пытался найти Куинси и отправить его на реабилитацию, но те, кто принимал наркотики, знали, как скрыться, а Куинси это было известно лучше всех.

— Я пытался дозвониться до него прошлой ночью, — признался Трумэн. — Он не отвечал на мои звонки, и, честно говоря, я сказал ему держаться подальше от детей, пока он не перестанет колотиться. Я сказал, что помогу ему, когда он будет готов, но мужик... — он начал убаюкивать Линкольна на руках и поцеловал его в щечку, — у них даже нет свидетельства о рождении. Он никогда даже не говорил мне об их существовании и о том, как они выживали... — Трумэн скрипнул зубами и заставил себя подавить злость, бурлящую внутри, — он не мог никому доверять в своем окружении.

Бэр положил руку ему на плечо.

— Я услышал тебя, брат.

— Слушай, а Боунс сможет найти педиатра, который проверит их и не будет при этом задавать вопросы? Просто мои руки здесь связаны. Если я приведу их к врачу, он станет задавать вопросы, я не могу позволить им связаться с социальной службой. Мне просто нужно немного времени, чтобы осмыслить все эти вещи, но я должен знать, что они здоровы.

— Конечно. Я позвоню ему через секунду. Только дай мне... — Бэр взял в свои татуированные руки Линкольна и потерся о него носом, — люблю запах младенцев.

— Джемма помогла мне подобрать средства для купания детей, детский шампунь и миллион других вещей для них.

— Джемма?

Только услышав ее имя, Тру улыбнулся. Он даже думать не хотел о том, как это выглядело вчера. Двое детей с ним в полночь, одетые в его футболки, несмотря на то, что в наличии у него были только летние футболки. Он удивился, когда она предложила свою помощь. Она, наверное, все переосмыслила сегодня утром и будет держаться подальше от границы Писфул Харбор так далеко, как сможет. Это будет его потеря. Но он не мог не думать о том, что бы произошло, если бы они встретились при других обстоятельствах. В другой жизни.

Кеннеди потянулась к нему, вырывая его из раздумий.

— Иди ко мне, принцесса.

Принцесса. *Что же, в таком случае, бутик для принцесс?*

Бэр и Дикси выжидающе смотрели на него, и он понял, что они ждут объяснений о том, кто такая Джемма.

Я встретил ее прошлой ночью в «Walmart», когда покупал все это дерьмо, — он посмотрел на Кеннеди и исправился, — вещи. Джемма помогла мне все найти: одежду, еду, бутылочки, памперсы. Там так много всего, что им необходимо. Я не жалуясь, просто констатирую факт. Я никогда не понимал, как много забот с детьми. У них все не как у взрослых. В четверг утром я отметился в офисе об условно-досрочном освобождении и задумался о том, что провел на свободе чуть больше тринадцати долгих месяцев... — он снова взглянул на Кеннеди, — и пятнадцать невероятно сложных часов спустя я осознаю, что тринадцать месяцев пролетели так быстро, что я не успел и глазом моргнуть, особенно в сравнении с последними сутками, которые показались мне вечностью...

— Есть другие способы, чтобы разобраться с этим, — Дикси говорила осторожно, — ты не обязан их воспитывать, это не сделало бы тебя неудачником или не означало бы, что ты плохой человек.

Трумэн задумывался об этом, когда отмывал руки от дерьма в четыре часа утра, а потом в семь утра, когда понял, что мочиться — это тоже групповой процесс. Но они — его кровь, и он не отвернется от своих родных.

— Я потерпел неудачу с Куинси. Я не хочу потерять и этих двоих.

— Я только не понимаю, почему ты из-за этого переживаешь, — Кристалл откинула свои черные как смоль волосы за плечи и взялась за другой конец коробки, которую они вместе с Джеммой должны были переместить в подсобку. Девушка выглядела как готическая принцесса: темная губная помада, черные ботинки на толстой подошве, черные кружевные чулки, пышная пачка и блузка. — Дети были чистыми?

— Они, по всей видимости, только что искупались, — Джемма открыла дверь своей задницей и удерживала, чтобы Кристалл позже придержала дверь ногой, прежде чем медленно двинуться в комнату. Они только приняли партию одежды для настоящей принцессы, и она была взволнована, увидев ее. Сегодня Джемма тщательно подбирала одежду, выбрав наряд храброй принцессы. Короткое синее бархатное платье с широким золотым поясом и кожаными босоножками на ремешках. Обычно она не нервничала в окружении мужчин, но с Трумэном ей пришлось собрать все свое мужество.

— Они боялись его? — спросила Кристалл, когда коробка упала на пол с глухим звуком.

— Нет, но меня бросало в дрожь рядом с ним, и это не имело ничего общего с мужественной аурой, которую он источал. Слово он использовал тестостерон вместо гребанного лосьона после бритья. Но все же, понимаешь, это все было странным. У Кеннеди не было обуви. Такое ощущение, что он забрал их из постели, потому что у него не было даже детской кровати, — ее сердце согревали мысли о нежности, с которой мужчина успокаивал Линкольна и гладил личико Кеннеди. — Он любит их. Это сразу видно. Но остальное довольно странно, ты так не думаешь?

Кристалл взяла с полки нож, потянулась к коробке и, разрезав сверху, открыла. Волосы упали ей на лицо, и она послала Джемме «ты знаешь, что я по этому поводу думаю» взгляд сквозь густые пряди, когда дернула за коробку, чтобы открыть ее. Достав маленький черный кожаный наряд, она держала его, удовлетворенно улыбаясь.

— Будучи мятежной принцессой, я бы закинула ему свою машину утром, сделала что-нибудь с этим прекрасным татуированным парнем, о котором ты говоришь, например, получила знойный горячий поцелуй, а еще лучше десять, и оставила его желать большего. Ты всегда ищешь ответы на свои вопросы, ты — напористая девушка, которая, на моей памяти, никогда не отступала. Я удивлена, что ты не пошла напрямик к нему и не заставила его ответить на все интересующие тебя вопросы. Ведь ты же отважилась напялить на себя я-вся-такая-смелая образ. Так в чем же дело, крошка?

Она засмеялась. Кристалл любила кожаные наряды, Джемме же нравились кружевные. Кристалл была дерзкая там, где Джемма — нахальная. Но в Джемме была своя мятежная нотка, но в то время как ее излюбленный дерзкий вариант одежды представлял из себя черно-розовую плессированную юбку, ботфорты на шнуровке, белую блузку с оборками и

кожаный пиджак из винтажной потертой кожи, Кристалл же предпочитала в байкерские кожаные штаны, мотоциклетные ботинки и корсет, который оставлял не так много места для воображения. Тем не менее, они ладили между собой как защелка и ремень безопасности и всегда прикрывали спины друг друга.

— Я не буду его допрашивать.

Кристалл положила руку на бедро и взглянула на нее.

— Хорошо, я займусь этим, но я не буду расспрашивать его. Есть в нем что-то, что останавливает меня. Да, я прям сейчас готова отвесить себе пинка, потому что я почти сделала этим утром то, что ты сказала, но что-то в нем вызывает во мне такие чувства... — она достала хорошенькое розовое платице для принцессы из другой коробки.

— О, Джемма. Это все потому, что обычно ты сама Принцесса Уверенность, но что-то в этом парне помогло раскрыть девушку, выросшую без отца, которую беспокоило, что каждый скрывает свои эмоции, намерения, и которая испытывала постоянный страх, что люди подведут ее. После того, как ты рассказала мне, как он их защищал, я думаю, это тоже тебя пугает, потому что это все, что ты всегда хотела иметь.

Мурашки побежали по коже Джеммы. Ее родители были щедрыми в отношении вещей, которые хотели для нее. Они оградили ее от общества, нянчились 24 часа в сутки семь дней в неделю, подавляли ее, построили суровый график. Когда она стала старше, то поняла, что родители не способны были дать ей единственное, что она хотела. Это любовь, которую нельзя купить. Безопасность и комфорт, которые были рождены от этой любви. И свободу, которая шла вместе с этой любовью для того, кого любишь больше жизни. Как хотелось увидеть это не только в мечтах.

— Объясни мне, Джемма, — не отставала Кристалл, возвращая ее к разговору, — почему ты все еще здесь? Почти семь часов вечера, пятница, мы закрылись примерно час назад, и Мистер «горячий как ад» ждет, пока ты пригонишь машину, что, как мы знаем, означает зашифрованный код «привези это сексуальное тело».

Джемма закатила глаза, несмотря на то, что эта мысль приходила ей в голову.

Глаза Кристалл расширились.

— О Боже. Может ли это быть? После всего времени, что ты не проявляла никакого интереса к парням, ты нашла парня, который смог заставить твое сердце отбивать дробь? Или даже лучше, заставил гореть и пульсировать твою киску и...

Джемма бросила в нее розовое платье, и та увернулась от него, смеясь.

— Так и есть. Тебе нравится этот покрытый татуировками засранец. Это тип парня «ты просто напрашиваешься на неприятности», о котором ты всегда меня предупреждала. Тебе по душе крайне сексуальный альфа-самец и его буквально безразличное отношение, которое так и брызжет тестостероном, — она неспешно прошлась по кладовой, дуя на свои ногти, затем провела ими в небрежной манере по своей груди и с важным видом заявила. — Моя работа здесь закончена.

Джемма застонала и вышла следом за ней.

— Боже, ты невыносима. Зачем я наняла тебя снова? — они встретились в кофейне Писфул Харбор, когда Джемма разведывала территорию, куда собиралась переехать после колледжа. Кристалл сразу ей понравилась, и они поладили с самого момента встречи в кофейне. Кристалл может быть дерзкой и мрачной на вид, но они обе предпочитали отношения, которые не строились на лжи, что было залогом успеха в их деловых и дружеских отношениях.

— Потому, что ты любишь меня, — Кристалл потрепала ее по плечу, — и потому, что я все говорю тебе прямо в глаза, — она положила свою руку на плечо Джеммы и сказала: — давай, вперед, иди, сладкая девочка, и завоюй своего неандертальца.

Джемма не смогла удержаться от смеха.

— В том то и дело. Он мне нравится. Он заинтриговал меня так, что я не могу не думать об этом. Но ты меня знаешь. Парни еще никогда не вызывали у меня чувств так быстро. И, несмотря на татуировки и ворчание, он не неандерталец. У неандертальцев нет сердца, которое почти вырывается из груди, — ей стало жарко, только подумав о том, как он держал детей, как говорил с ними и как он смотрел на них. Когда Джемма вспомнила, каким взглядом он смотрел на нее, то сразу же возбуждалась. Она схватила из-за прилавка свою сумочку и мешочек с конфетами, которые упаковала ранее, и направилась к входной двери. — Пожелай мне удачи.

— Я желаю длинного твердого члена и стальных яиц, удачи, подружка. Пообещай мне, что ты перестанешь слишком много думать и похоронишь все свои переживания, потому что, в противном случае, ты никогда не дашь ему шанс.

— Обещаю, — сказала Джемма через плечо, надеясь, что сможет это сделать.

— Я хочу знать все подробности! И не нужно меня пичкать мы-ничего-такого-не делали херней, потому как в твоих мыслишках, ты уже много чего с ним сделала. Я вижу это по твоим глазам!

Джемма открыла входную дверь, стараясь не оборачиваться, и осторожно вздохнула, позволив вспыхнуть другим сексуальным мыслям в голове.

Глава 5

Автомастерская «Виски» находилась за пределами основной части города, возле моста, ведущего к выезду из Писфул Харбор. Джемма за все четыре года жизни в этом городе редко пересекала мост. Ей нравился уют маленького сплочённого общества в приморском городе, которое сильно отличается от общин закрытого типа, в которых она выросла. Благодаря своему магазину, она является членом сообщества, куда входят ее постоянные клиенты и множество друзей. Это был единственный целенаправленный шаг, и он сработал. Она никогда не сможет сбежать от боли из-за самоубийства своего отца, но, по крайней мере, она перестанет видеть жалость и сочувствие в лицах окружающих ее людей. Она хранила ту часть своей жизни для себя, доверилась она только Кристалл, и то только после одного из ужасных звонков своей матери.

Так как магазин потерялся в зеркале заднего вида, ее мысли вернулись к Трумэну, и дрожь мгновенно пронеслась по телу. Ах да, парень пробуждал в ней интерес ко всем лучшим манерам.

Она проехала мимо вывески «Whiskey Bro's», сомнительно выглядящего бара с мотоциклетной парковкой перед ним. До этого момента она сильно задумывалась о том, кто он. Трумэн — байкер? В миле или двух вниз по дороге она увидела вывеску «Автомастерская Виски» и свернула на длинную подъездную дорогу, направляясь к дальнему зданию. Чем ближе она подъезжала, тем сильнее нервничала. Что, если он просто хороший человек и на самом деле ожидает ее, чтобы выполнить свое обещание и починить ей машину?

Что, если он предложил свои услуги как возможность, чтобы увидеть ее снова?

Бабочки запорхали у нее в животе.

Джемма припарковалась возле входа в длинное здание. Три или четыре помещения

были закрыты. Свет горел в четвертом. Правая сторона здания служила в качестве офиса, со стеклянными окнами и рисунками покрышек, глушителей и других автомобильных запчастей. Она не посмотрела на время и поэтому была счастлива увидеть, что кто-то еще здесь был. Она надеялась, что это Трумэн.

Схватив мешочек с конфетами, который принесла для Кеннеди, она вышла из машины и пошла на звуки музыки, доносившиеся из помещения. Ей открылась картина: Линкольна удобно устроился в руках Трумэна, а Кеннеди висела на одной из его штанин. Заметив детский манеж, она удивилась, что дети целый день провели здесь, пока он работал.

Трумэн потянулся за рюкзаком, лежащим на полу, и повернулся, чтобы закинуть его себе на плечо. Их глаза встретились. Связь не была даже приблизительным словом, чтобы описать силу его мощного взгляда, остановившегося на ней, притягивая ее как электрический импульс. Молния прошла по ее венам, обжигая и сжигая с каждым шагом. Его губы изогнулись в искренней улыбке, а его пронзительные синие глаза медленно прошли по ее телу, и она вспомнила, что до сих пор одета в короткое платье принцессы. Его приветливая усмешка сменилась на похотливую, и она подумала, что может расплавиться и растечься лужицей прямо на этом месте.

— Ты пришла, — сказал он будто бы с облегчением.

— Это хорошо? — она почувствовала, что ее неуверенность поднялась и рухнула глубоко вниз, отказываясь принимать участие в чем-либо сегодня. Она такого еще не испытывала... никогда.

Кеннеди выглянула из-за его ноги и медленно подняла ручку, застенчиво помахав ей.

Джемма помахала ей в ответ, наблюдая, как Трумэн поднял крошку на руки, будто она была легкой как пушинка. Маленькая девочка положила ему головку на плечо. Его улыбка превратилась в извиняющуюся, так будто он пытался сократить расстояние между ними.

— Мы просто направлялись наверх.

Она взглянула на дверь, на которую он указал.

— Моя квартира, — он перевел взгляд на Линкольна, который очень быстро стал засыпать в его руках.

— О. Извини, я пришла слишком поздно. Я могу привезти машину завтра или... — она должна будет приехать раньше, после того, как будет уверена, что он попросит ее прийти, чтобы снова увидеться.

— Ты спешишь? — спросил он немного хрипло.

— Нет, но я не хочу...

Он ухмыльнулся:

— Конечно, ты это сделаешь. Поднимайся наверх.

Она последовала с ним через дверь и поднялась по лестнице, беспокоясь о том, правильно ли она поступает. Это проявление ее очевидного интереса?

— Я могу приехать в другое время. Я должна была узнать, в котором часу вы закрываетесь.

— Ты сейчас здесь, — подчеркнул он. На верхней ступеньке он смог повернуть дверную ручку, держа обоих детей на руках, потом он толкнул дверь ногой, и та открылась.

Она последовала за ним в его современные апартаменты. Широкие деревянные полы, на них диван с низкими бортами, который выглядел очень удобным. Ей захотелось заползти на него с книгой и скрыться на несколько часов. Нет, ей захотелось заползти на него с Трумэном, и... Она вынудила себя отвести глаза от сексуальной арены в виде дивана,

сосредоточившись на количестве блокнотов с эскизами и журнале о воспитании, который они купили прошлой ночью, лежащих на журнальном столике. На другой стороне комнаты находились стеклянные двери, которые вели на небольшой помост. Справа от дверей располагались высокие ящики для хранения железных инструментов, на деревянных настенных вешалках также были развешаны инструменты. Помимо этого в комнате было огромное красивое арочное окно. Слева находилась кухня с бутылочками, банками с детским питанием и другими вещами, которые они купили прошлой ночью. Подняв глаза вверх, она увидела балочное перекрытие на потолке. Аккуратная квартира, явно мужская и грубая, как сам Трумэн. Она поняла, что когда будет говорить, должна понизить свой голос на октаву или десять.

— Могу ли я чем-нибудь тебе помочь? Не хочешь дать мне Кеннеди, пока будешь укладывать Линкольна?

Он взглянул на малышку:

— Я удержу ее, — уголки его губ приподнялись в полуулыбке, и он поцеловал Кеннеди в лобик. — Я скоро вернусь.

Он исчез в коридоре справа от кухни, и Джемма сделала несколько шагов по квартире, сосредоточенно слушая низкий голос Трумэна, доносившийся из соседней комнаты. Она знала, что грубо подслушивать, но он звучал так спокойно и нежно, что она ничего не могла с собой поделать. Она услышала, как повернулся кран с водой и то, как он разговаривал с Кеннеди, пока чистил ей зубки. Потом все снова стало спокойно, слышались только устойчивые шаги по полу.

Она не могла расслышать его низкий, успокаивающий шепот. Любопытство взяло верх, и она прошла к краю коридора, и теперь его голос звучал ясно.

— Динь-Динь встретила Белоснежку в лесу, где они готовили яблочное пюре.

Ох, парень. Он сделал микс из детских сказок. Она улыбнулась, сосредоточенно слушая продолжение его истории.

— И велосипедист привез Динь-Динь на специальном транспорте на красивое поле, где их ждал Винни Пух с огромной банкой меда...

Она не смогла сдержать улыбки от глупой истории и на цыпочках ушла в комнату, достала мешочек с конфетками, которые она принесла, и поставила на журнальный столик. Джемма села на диван, чтобы подождать, взяла открытый блокнот с эскизами и осторожно перелистала несколько страниц, а потом замедлилась, чтобы лучше рассмотреть. Эскизы людей и животных в стиле граффити заполняли все страницы, гипнотизируя своей плавной и мучительной экспрессией. Калейдоскоп черных и серых цветов создал глаза, грозный рот с змееподобными клыками, искаженные, измученные лица, драконы и многое другое. Глубина эмоций нацарапанных на страницах картинок была невероятная, в результате чего по ее рукам забегали мурашки. Длинные татуированные руки потянулись к блокноту с набросками, и она заметила суровое выражение лица Трумэна.

— Прости. Я просто... — брови Джеммы поднялись, глаза смотрели умоляюще, а потом на ее губах появилась эта убийственная сексуальная улыбка. Она рассекла руками воздух и пожала плечами, выглядя так чертовски очаровательно. Он не смог долго раздражаться от такого бесцеремонного вторжения в его личную жизнь. — Я любопытный человек. Я не

смогла удержаться. Это то, кто я есть, и эти рисунки потрясающие. Они твои?

Трумэн бросил рисунки на стол и попытался взять под контроль свои эмоции, которые крутились и запутывали его. За последние 24 часа его жизнь повернулась в абсолютно другом направлении, и он почувствовал, что пытается балансировать на двух колесах вместо четырех.

— Никакие? — ее голос в удивлении повысился. — Они дерзкие и волнующие и так отличаются от всего, что я когда-либо видела, — она потянулась к блокноту с эскизами.

— Пожалуйста, не надо, — его суровый тон заставил девушку остановиться на середине пути.

Ее взгляд метнулся к нему, сложный и смущенный. Она села обратно на диван, и ее платье поднялось соблазнительно высоко на бедрах.

Сменив свой взгляд на соблазнительный, он произнес:

— Это, правда, просто бессмысленные каракули.

— Тогда ты чертовски талантливый художник, если это просто бессмысленные каракули. Я могу напечатать тебя в одной из новостных колонок, которые я пишу в своем бутике. Я ставлю на то, что тебя заинтересует общественная работа.

Он прошел через комнату к кухне и попытался остудить свое сердце от жара, что его окутал. Ему обычно не нравились напористые женщины, но ее уверенность и взгляд потрясающих глаз заставляли взять ее руки в свои и завладеть ее нахальным ртом.

— Могу я предложить тебе что-нибудь выпить?

— Хорошая смена темы, — она вскочила с дивана и присоединилась к нему, излучая греховную сексуальную радость. Теперь, когда он не в эпицентре кошмара прошлой ночи, он разглядывал Джемму более внимательно. Она даже красивее, чем он помнил. В своих босоножках без каблучков она была на фут ниже, чем он. Ее платье было как сахарная глазурь на торте под именем «Джемма Райт», а он изголодался. Ткань яркого цвета облегла все ее пышные изгибы, а широкий золотой ремень придавал пикантности ее облику, что резко контрастировало с ее вчерашним скромным нарядом.

Ему нужно взять себя в руки, потому что бывший заключенный с двумя детьми не может на вершину списка ставить горячих женщин, у него теперь другие приоритеты в жизни. Не говоря уже о том, что у него нет свободного времени или спальни, даже мысль об этом казалась ему смехотворной.

— Я хотела признаться, в дополнении к тому, что я увидела твои рисунки, я немного подслушала сказку, которую ты рассказывал Кеннеди, но эм... Я думаю, ты смешал несколько историй.

— Я не могу рассказать ей настоящие сказки. Она видела достаточно много плохого в своей жизни. Так я придумал ей свои *сказки на ночь*.

Боже, он промурлыкал это словно кот.

Ее глаза наполнились теплом.

Может, и хорошо, что он это промурлыкал. Иисус, у него есть более важные вещи, чтобы беспокоиться об этом.

— Ты просто придумал для нее *сказки на ночь*?

Он стиснул зубы:

— Да. Я удивлен, что ты не заглянула в те эскизы тоже. Я рисую для того, чтобы она могла видеть картинки, когда я читаю. Это не слишком большое дело. Можем мы, пожалуйста, поговорить о чем-нибудь другом?

— Конечно. Но созданная книга сказок для Кеннеди прекрасней всего, что я раньше слышала. И скажу это еще не один раз. Seriously, Трумэн, твои рисунки невероятные. Почему ты не хочешь, чтобы их увидели другие люди?

Потому что они часть моей души.

— Ничего личного. Я не показываю их никому.

— Но ты должен. Они действительно прекрасны, — она посмотрела на него, желая, чтобы он дал больше ответов, чем прошлой ночью, но затем ее взгляд переместился к бутылочкам с детским питанием, стоящим на стойке, и выражение ее лица изменилось. — Я чувствую себя плохо от недавнего представления. Пожалуйста, не чувствуй себя обязанным развлекать меня. Ты готов был подняться наверх, когда я сюда пришла, и у тебя наверняка есть миллион вещей, которые нужно сделать, пока дети спят. Я собиралась просто оставить машину. Мне пора.

— Все в порядке, — сказал он и съёжился от своего резкого тона. Это не ее вина, что она попала на тот момент его жизни, которая безумней трехрогого буйвола. Он не хотел заставлять ее чувствовать себя приставалой, после того как провел день в надежде на то, что она появится.

Смягчить свой тон оказалось легче, чем он думал.

— Я рад, что ты здесь, — ему понравилось, как просияло ее лицо в этот момент. — Моя жизнь обычно не так плоха. Черт, я даже не разбит на части. Если у тебя найдется время прийти в любой другой день, то найдешь меня, работающим над машинами. Но сейчас... Я функционирую в трех режимах и не знаю, как наладить хотя бы один из них, — если для них вообще возможен четкий режим. Он открыл холодильник, полный продуктов, купленных прошлой ночью. — Как насчет напитка?

— Я не большой любитель выпить, — сказала она. — У тебя есть что-нибудь безалкогольное? Я люблю вино. Это не значит, что не пью вообще, просто нет настроения.

— Кроме холодного чая, яблочного сока или воды, которые не являются алкогольными, ничего нет. Я думаю, это нормально.

— Холодный чай — это отлично, спасибо, — она сосредоточенно смотрела, как он наливал напиток. — Почему ты не спросишь свою маму о детском режиме?

Он рассердился, хотя ожидал данного вопроса. Это разумный вопрос. Он отдал ей стакан с чаем и кивнул в сторону гостиной, потом открыл двери, которые вели на балкон, чтобы впустить свежий воздух.

— Ее здесь нет, — ответил он и опустился на диван рядом с ней. Он чувствовал себя виноватым за то, что оставил кремацию матери на Куинси, но у него были более важные дела — два очень маленьких человечка с очень большими проблемами.

— Ну, ты можешь ей позвонить. Или отправить email.

— Она... — он должен привыкнуть говорить об этом. Можно попробовать сейчас: — Она неожиданно умерла.

— О Господи, — она притронулась своими нежными пальчиками к его бицепсу, и ему это понравилось гораздо больше, чем нужно. — Мне очень жаль.

— Поверь. Им лучше без нее.

Она отшатнулась, будто обожглась.

— Почему?

Он обдумывал ответ на вопрос и сделал еще один глоток холодного чая, мечтая выпить что-нибудь покрепче. Он не алкоголик и обычно выпивал одну или две бутылки пива, когда

тусовался с парнями. Но дети нуждаются в трезвом парне, который мог бы позаботиться о них. Ему нужно быть в здравом уме и в реальности сейчас больше, чем когда либо. Он поставил напиток на стол и провел рукой по подбородку, вспоминая, что не брился, целую вечность. По крайней мере, Дикси присматривала за детьми достаточно долго, чтобы он смог сегодня чуть ранее хотя бы принять душ. У него не было времени на душ, пока он помогал Кеннеди чистить зубки и менял памперс. Он стал родителем накануне вечером, и также быстро пришла любовь к спящим малышам в другой комнате.

Его мысли вернулись к матери, в результате чего желчь подступила к горлу, и он был готов ответить на вопрос:

— Некоторые люди не рождены для материнства.

Она кивнула в согласии и поставила свой напиток рядом с его.

— Несмотря на это, мне очень жаль, что ты ее потерял. Несмотря на то, была она хорошей матерью или плохой, она была твоей семьей. Теперь это семейство детей.

— Ты права, — буркнул он себе под нос. У нее была правильная мысль. Иметь семью — самая высшая награда. К сожалению, Кеннеди и Линкольн были рождены матерью, которая не заслуживала такого уважения. — Ну, надеюсь, они не помнят жизнь, которой жили до прошлой ночи.

— Прошлой ночи? Это когда...?

— Да, — он задумался, почему не поделился с ней своими ощущениями от нахождения в том наркопритоне, но ему было хорошо лишь от мысли, что он мог бы это сделать.

Это не значит, что он какой-то наркоман. Ему нечего скрывать, за исключением шести лет своей жизни, отданных за преступление, которое не совершал.

Она снова дотронулась до его руки. Это было нежное, успокаивающее прикосновение, так похожее на прикосновение, какими одаривают друг друга близкие люди. Там не было сексуального подтекста, но он уверен, что почувствовал себя лучше.

— Так вот почему тебе понадобилось купить так много для детей? В доме был пожар или что-то вроде этого? Они лишились всех своих вещей?

— Нет. У них никогда не было своих вещей.

— Я ничего не понимаю. Как у них могло ничего не быть? — она склонила голову на бок. Кого он обманывает? Конечно, она ничего не сможет понять. У нее, наверняка, была нормальная семья, с нормальными проблемами, которые ездят в отпуск или покупают автомобили в салонах. Он не мог вырезать кусок из истории и сделать рассказ коротким. У него была хреновая семья, и через минуту после того, как она узнает, где он провел последние шесть лет, то ее как ветром отсюда сдует.

— Знаешь, что? Может быть, это и не очень хорошая идея. Почему бы тебе не оставить мне ключи? Я дам тебе другую тачку напрокат и позвоню, когда твоя машина будет готова, — он поднялся на ноги.

Она встала рядом с ним:

— Почему?

Он выгнул бровь.

— Ты только что сказал, что рад меня здесь видеть.

— Я рад. Но тебе не нужно все это знать.

Она прищурила свои кошачьи глазки:

— Я бы не спрашивала, если бы не хотела знать.

— Ты всегда такая?

— Какая? — она задрала голову кверху и невинно улыбнулась.

Он опустил взгляд на ее пальцы, покоящиеся на бедрах.

— О! Да! Ты всегда такая.

Он не смог сдержать улыбку на своих губах.

— Ты имеешь в виду дружелюбная? Удивительно, что парень, который предложил отремонтировать мою машину бесплатно, заставляет меня нервничать, — она невинно улыбнулась, глядя прямо ему в глаза.

— Ты не ведешь себя так, будто я заставил тебя нервничать, — он подошел ближе, а она не сдвинулась с места. Воздух между ними наэлектризовался, как тогда, когда она только приехала, до того момента, пока он не вернул свое внимание детям.

— Почему ты боишься поговорить со мной? — она подняла подбородок и посмотрела на него безучастно. Но не смогла скрыть свое учащенное дыхание.

— Почему ты хочешь поговорить со мной?

Она поджала свои губки.

— Потому что ты так любишь своих брата и сестру, что невозможно сдержать слезы, и ты нравишься мне как человек. Любовь и преданность не так легко найти, особенно к братьям или сестрам. И ты защищаешь их, и это довольно впечатляюще, ты невероятно артистичный, и, по-видимому, очень щедрый. Ты предложил отремонтировать мою машину бесплатно. И ты немного загадочный.

Его глаза опустились к ее груди, и его член не оставил открывшуюся картину без внимания.

Когда она встретилась с ним взглядом, то ухмыльнулась.

— И ты весьма привлекательный.

Она подошла ближе и их бедра соприкоснулись.

— Весьма привлекательный?

Она закатила глаза.

— Ты пользуешься бритвой?

Черт, ему нравилась ее решительность.

— В случае, если ты не заметила, моя жизнь сейчас слегка в беспорядке. Не так много времени, чтобы еще и побриться.

— В беспорядке? Нет. Я этого не заметила. Но я слышала, что недавно ты принял ответственность в виде двух маленьких детей, и так случилось, что я довольно хорошо лажу с детьми. И если ты меня спросишь, я, может быть, буду готова открыть тебе несколько секретов о том, как найти время, чтобы побриться и сделать много других необходимых вещей.

За исключением семьи Виски, он никогда не получал помощь от другого человека. Эта мысль напомнила ему, что нужно отодвинуться от красотки Джеммы:

— Мне не нужна помощь.

Она снова взглянула ему в лицо.

— Каждый человек нуждается в помощи.

— Ты понятия не имеешь, кто я.

— Но, в целом, поэтому люди и общаются. Чтобы узнать, друг друга лучше, — она с трудом сглотнула. — Мои друзья помнят меня еще с тех времен, когда я была слишком осторожной, когда мужчины проявляли интерес. Я не хочу быть слишком осторожной с тобой. Я хочу узнать тебя.

Он не мог смотреть, как трудно ей было признаться, она не только ему призналась, а и очень уверенно высказалась по этому поводу. Это утверждение заставило его сердце отреагировать. Трумэн не был идиотом, чтобы не заметить очевидного. Женщины часто преследовали его, когда он проводил время в баре «Whiskey Bro's» или играл в бильярд. Для окружающей его толпы народа, то, что он провел время в тюрьме, было одновременно и отпугивающим фактором, и знаком почета. Женщины, которые привозили свои машины в мастерскую, как замужние, так и одинокие, западали на него, многие потому, что полагали, что трахаться с татуированным парнем круто. Но он никогда их не использовал. У него было достаточно темного в прошлом. Он не нуждался в том, чтобы жить и задумываться о том, с чьей женой он спал.

Но Джемма... Джемма была умной и сообразительной. Чем больше она говорила, тем больше она ему нравилась. И именно поэтому ему нужно было закончить этот разговор. Он не был мазохистом и не хотел, чтобы рассказ о его прошлом оттолкнул ее.

Перед тем, как заставить себя сделать шаг назад, он не смог удержаться и погладил ее по щеке. Она настолько сногшибательная, и умная, и веселая. Она заслуживает парня, у которого не висит петля прошлого на шее.

— Я думаю, в этом случае, Джемма Райт, ты должна быть немного осторожна. Давай выберем тебе машину во временное пользование.

Глава 6

Трумэн Гритт не дурачил Джемму, не в эту секунду. Он был человеком, который скрывал свои эмоции. Негативные эмоции. Настоящие эмоции становились понятны, когда он смотрел на нее, как будто голодный волк, готовый поглотить свою очередную добычу. Она видела, как трудно ему держать себя под контролем. Она почувствовала это в короткие мгновения, когда он приоткрывался. И когда он говорил о своей матери, в тех нескольких коротких предложениях она распознала его отвращение к ней. Сейчас она хотела понять почему, а также узнать, почему он отослал Джемму прочь, хотя было видно, что он хотел, чтобы она осталась. Именно поэтому на следующее утро в 6:30 она стояла у него на балконе у двери в его квартиру с двумя чашками крепкого кофе «Jazzy Joe's» на вынос, ее любимой кофейни. Она была вооружена и готова допрашивать его, если потребует.

Она разгладила свою блузку, выпрямила спину и постучала в стеклянные двери, откуда доносился плач Линкольна. Она постучала снова, и с другой стороны со свистом открылись шторы. Она посмотрела на Кеннеди сверху вниз. Девочка была одета в розовую пижаму, которую выбирала Джемма, на которой были нарисованы маленькие рожки с мороженым. Она зевнула и усиленно пыталась не закрывать свои глазки.

Джемма присела перед ней корточками и помахала ей рукой через стекло. Кеннеди шаталась из стороны в сторону. Ее подбородок поднялся вверх, чтобы взглянуть на огромного Трумэна, который появился рядом с ней. Без рубашки. «Дыши Джемма, дыши, дыши». Джемма медленно поднялась, впитывая каждый дюйм его тела, пока не распрямилась во весь рост. Темно-синие пижамные штаны висели опасно низко на его бедрах, ниже под его рельефным и прекрасно сложенным прессом. Она облизала языком губы, когда поднималась вверх, пробежалась взглядом по мускулистым рукам, укачивающим Линкольна. Линии синих чернил украшали широкую грудь, проходя между бицепсами, охватывая сильные плечи и правую сторону его шеи. Стук в стекло над ее головой, заставил снова обратить на него внимание, и она почувствовала, что щеки начали гореть от его

улыбки. Его волосы были взъерошены, глаза сонные и... возбужденные? Ей действительно понравилось смотреть на него сонного. От этого он казался нежным великаном. Его улыбка вновь превратилась в тонкую линию, и он дернул за ручку, чтобы открыть дверь. Ой-Ой. Боже, она не правильно все поняла и приняла раздражение за любопытство?

— Ты тарацишься и преследуешь всех мало-мальски симпатичных мужчин?

Кеннеди обхватила руками его бедро и дернула за штаны, опустив их еще ниже. «Давай, малышка, дерни немного сильнее».

Ой, это было не хорошо! Она не должна хотеть, чтобы он лишился своих брюк перед детьми. Ого! Кто же знал, что мускулы могут понизить уровень ее IQ?

Она стала думать намного быстрее, полагаю, что со всей своей похотью, витающей в воздухе, еще не разучилась говорить и сказала:

— Я не сталкер. А тебе надо побриться, принять душ, как думаешь, это можно сделать с двумя детьми, крутящимися под ногами. Я пришла тебе помочь.

Он коснулся своей рукой щеки Кеннеди, и это нежное прикосновение еще больше открыло сердце Джеммы для этого мужчины-защитника.

— Ты, видимо, плохо меня слушала, да? Я думаю, что сказал: мне не нужна помощь, — он шагнул в сторону и выдал подобие маленькой улыбки.

— Это говоришь ты, а вот твои глаза говорят мне совсем другое, — она зашла в квартиру с ощущением маленькой победы. Она заметила одеяла и подушки на диване, пустые бутылочки на столе и открытый журнал о воспитании, лежащий на полу возле дивана. И сумку, которую она вчера принесла и оставила на столе.

— Тяжелое утро? — спросила она.

— Я не уверен, что знаю, когда закончилась ночь и началось утро, — сказал он, подавив зевок.

— Линкольн получил несколько уколов вчера, и у него начала подниматься температура. Я позвонил врачу, и она сказала, что это нормальная реакция. Я дал ему лекарство, чтобы сбить температуру, сейчас он выглядит хорошо, но врач сказала, что вероятно придется давать лекарство каждые 4 часа.

— Оу, бедный малыш. Ты уже возил его к врачу? — она поставила чашки с кофе на кухонную стойку.

— Она приезжала сюда вчера по просьбе моего приятеля.

— Это мило с ее стороны. Я не знала, что врачи еще принимают вызовы на дом, — она потянулась к малышу. — Давай мне Линка, и ты сможешь спокойно выпить кофе и принять душ, а также побриться.

Он пробежался взглядом по вырезу ее блузки и узким штанам.

— Сегодня не в одежде принцессы?

— Я берегу ее для особых случаев, таких, когда тебе говорят уйти.

Он поцеловал головку Линкольна и передал ей, потом его взгляд остановился на ее губах и оставался там так долго, пока не ускорило биение пульса. Когда его глаза медленно скользнули вниз по ее телу, она ощутила, как его взгляд прожигает ее через одежду.

— Это тоже заслуживает внимания, — сказал он низким хриплым голосом. — Мне нравится этот образ, так же как понравилось то платье, — он поднял Кеннеди на руки и поцеловал в щечку.

— Приятно знать. Только не говори мне уйти.

Уголки его рта приподнялись, и он повернул Кеннеди к себе лицом:

— Ты будешь в порядке, если побудешь с Джеммой, пока я приму душ, принцесса?

Кеннеди посмотрела на Джемму.

— Мы будем в порядке, — заверила его Джемма, обожая то, как он заботился о детях. — Это хорошо, если она проведет немного времени с девочкой. Тем более, у меня есть для нее лакомства.

— Кофе?

— Да, крепкий кофе, потому как каждый ребенок в нем нуждается. За кого ты меня принимаешь? Каждый знает, что дети любят фраппучино, а не кофе.

Беспокойство охватило его и отразилось на его лице, рука на спине Кеннеди растопырилась, словно лев защищает своего детеныша. Может, в конце концов, он и был немного неандертальцем. Ей нравилась его тяга к защите.

— Я шучу. Я принесла кое-что прошлой ночью, — она указала на мешочек на столе. — Перестань волноваться и иди в душ. И, ради Бога, прикрой немного все эти привлекательные, но отвлекающие мускулы.

Его губы расплылись в удовлетворенной ухмылке, и также быстро его лицо снова стало серьезным.

— Ты принесла ей подарок прошлой ночью?

Она пожала плечами и потянулась к ручке маленькой девочки, когда Трумэн опустил Кеннеди вниз. Малышка взглянула на Трумэна, который кивнул, и она взяла Джемму за руку.

— Всего несколько вещей, которые, я подумала, могут ей понравиться. Ничего, если я приготовлю завтрак, когда они проголодаются?

— Конечно, спасибо, — он ушел, каждый его целенаправленный шаг напоминал о его силе и контроле. Даже когда он поднял рюкзак, лежащий около входной двери, движение было выверено, как будто в голове был отмечен каждый шаг. Он полез в рюкзак и достал несколько чистых листков. — Я накормил Кеннеди вчера утром яйцами, и, кажется, ей они понравились. Доктор дал мне несколько видов меню, графиков и тому подобных вещей.

Она подумала о том, как же быстро изменилась его жизнь, всего за два дня. Потеря матери, обретение опеки над двумя маленькими детьми. Неудивительно, что он выглядит, как сторожевая собака. И вот он оставался всю ночь с больным ребенком и до сих пор отталкивал необходимую ему помощь. Она знала матерей детей ясельного возраста, которые просили о помощи только для того, чтобы привести свои ногти в порядок.

Джемма посмотрела вниз на руки, чтобы не было заметно, как сердце рвалось из груди. Этот мужчина не должен меняться. Он идеален, именно такой, какой должен быть.

— Знаешь что, Тру? Не брейся, если тебе не хочется. Маленькое отвлечение — это хорошая вещь.

Предполагается, он должен принимать душ, когда в нескольких футах по коридору Джемма заботится о его детях? Ни *баная мать детей, ни суровое правительство не смогут отобрать у него его настоящую семью и заставить уйти. Он должен принять это и сделать так, чтобы ничего из вышеупомянутого не произошло. Как-нибудь. Это одно из волнующих его дел, которое он обязан выполнить. Во-первых, он должен вылечить Линкольна и разобраться с графиками, временем для сна, и как, черт возьми, он должен успевать работать

в мастерской. Было слишком много того, о чем нужно подумать в одном десятиминутном душе и черт, этот душ ощущался так хорошо. Он закрыл глаза и подставил лицо под струи воды, и его мысли опять вернулись к Джемме. Умная, красивая, напористая как ад Джемма. Джемма в коротком сексуальном синем платье, из-под подола выглядывали длинные ноги с кремовой кожей, искушали его, а ведь его очень давно никто не привлекал. Холмики ее груди виднелись в вырезе платья. Его рука спустилась вниз, к набухшему члену, обернулась вокруг него и начала медленно двигаться. Он представил тонкие пальчики Джеммы вместо своих, и ее соблазнительные зеленые как трава глаза. Рывок. Рывок. Она языком облизнула малиновые губы и упала на колени. Рывок. Рывок. Он прижал руку к стене, захваченный эротической фантазией, толкаясь в свой кулак, представляя, как Джемма сосет и сжимает его член. Он начал двигать рукой быстрее, скользя грубой ладонью по головке члена, а затем быстро двигаясь вверх. В его фантазии Джемма смотрела на него снизу вверх, вбирая его все глубже, отчего стало тяжелей сосать, уговаривая его и подводя всем этим к грани. Похоть закрутилась в его позвоночнике, и он вонзался все сильнее, постанывая ее имя, и освобождение промчалось сквозь него и вырвалось наружу. Он отшатнулся, хлопнул рукой по плитке на стене и начал ловить ртом воздух. Святое дерьмо.

— Трумэн? — окликнула его Джемма из-за двери.

Его член начал дергаться в новом предвкушении. Что за черт? Это было похоже на собаку Павлова сейчас? Это было не круто.

— Да? — выдавил он.

— Я приготовила для тебя завтрак, если ты хочешь есть.

Он провел рукой по лицу, чувствуя себя виноватым. Она приготовила ему завтрак, и он должен отпустить картинки с его членом в ее глотке.

— Спасибо. Я сейчас выйду.

Он быстро смыл доказательства своей фантазии с кожи, почистил зубы, вымыл волосы и обернул полотенце вокруг талии. Торопясь, он пересек квартиру по направлению к главной спальни и наткнулся на Джемму, которая сидела рядом с Кеннеди, помогая той надеть платье.

Джемма ахнула, качнулась вперед, обеими руками схватилась за Кеннеди, чтобы удержать ее от падения, пока Трумэн сам искал почву под ногами. Она подняла глаза и, о, черт, его взгляд остановился на ее глазах. Ее красные губы и голодные глаза послали импульс к его члену, и предыдущая фантазия вернулась назад, когда она посмотрела на его выпуклость под полотенцем. Ее щеки покраснели, но она не отвернулась. Она спокойно подняла свои соблазнительные глаза и встретилась с его, облизала губы и начала крутить пальцами, кивая в сторону Кеннеди.

О, черт. Кеннеди. Он развернулся, молча проклиная свой предательский член, который высасывал жизнь из его головного мозга.

— Лучше не слишком остро реагировать, — тихо сказала Джемма. — Я думала, у тебя есть одежда в ванной. Извини, — она подняла Кеннеди на руки, кинув последний долгий взгляд через плечо, а потом сказала: — Давай, милая. Пойдем, проверим спящего маленького братика, пока старший братик будет одеваться.

Когда она исчезла за дверью, он посмотрел вниз на свой жесткий стояк, зная, что ни один холодный душ в мире не сможет потушить пожар, разгорающийся у него внутри.

В сотый раз за несколько минут Трумэн взглянул на Джемму. Она прислонилась к дверному косяку с другой стороны, одетая в плотно облегающие джинсы и кремового цвета джемпер. Она улыбнулась Кеннеди, которая сидела в футе от нее в траве и счастливо играла с куклой-принцессой, которую ей купила Джемма. И носила пластиковую тиару, которую тоже ей дала Джемма. У куклы тоже была тиара. Кеннеди приняла подарок и играла с ним все утро. Линкольн спал детским манежике в двух шагах от него. Джемма прикрыла верхнюю часть манежа одеялом, чтобы солнечный лучи прогревали манеж до более высокой температуры. Она заботилась о детях так, что это выглядело просто и легко, в то время как он ставил под сомнение каждую мелочь. Безмятежность этой картины была полной противоположностью хаосу, который был у него пару дней назад ночью, а она сделала это все так просто, кажется, за пару минут. Но если кто и знал, как быстро может поменяться жизнь, то это был Трумэн.

Как сегодня утром.

Сцена в спальне проигрывается перед ним снова и снова. Ее спокойный заинтересованный взгляд. То, как она облизывала губы, как будто хотела снять с него полотенце и попробовать его также сильно, как он хотел поглотить ее. В то время как никто не обмолвился и словом об их столкновении, жар между ними разогрелся до уровня адского пекла. Каждый раз, когда их руки соприкасались, между ними вспыхивали искры, а взгляды тлели. В результате у него была жесткая эрекция всю половину утра. К счастью, Дикси и Бэр не приходили сегодня. Так что не было свидетелей его смешного полустоячего ствола.

— Как-нибудь, — сказала Джемма, возвращая его обратно у разговору. Она рассказывала о своем магазине для принцесс.

Трумэн слушал, как она описывала различия между вечеринками на День рождения в два годика и семь лет, которые, по-видимому, включали прогулку по красной дорожке под прицелом фотокамер и под звуки множества фанфар.

— Мы делаем маникюр и педикюр, прическу и макияж, но это не самая лучшая часть. Лучшая часть — это наблюдать, как дети выбирают себе костюмы без родителей, говорящих, что нужно надеть. Некоторые скромные девочки выбирают кожу и кружева, в то время как задиры предпочитают вычурные платья, — ее глаза горели, и она смотрела мимо него, как будто сцена разворачивалась у нее на глазах. — И в тот момент, когда все собираются вместе, эти девочки вдруг становятся совершенно другими людьми. Это даже лучше, чем наблюдать, как они выбирают одежду, на самом деле. В момент открытия и свободы, когда они понимают, что могут стать кем угодно, если захотят. Я люблю это.

Впервые за долгое время он вспомнил, что это значит — видеть нечто иное. Разум видоизменил темные картинку, теперь его пальцы чесались от желания создать что-то без привычного разочарования, что стало его движущей силой. Джемма была мастером жестов. Когда она говорила о своем магазине, то он представлял себе эту картину. Он представлял себе ленточки желтого, розового и оранжевого цвета с вкраплениями синего и фиолетового цвета для ее волос. Он представил себе и другую картину ее лицо в беспокойных завитках и легких мазках пастели, со смелыми полосами морского и темного тех соблазнительных сияющих глаз. И ее тело? Все те сексуальные изгибы и неприступность могут быть нарисованы, как смешение безупречной красоты и сладкого сопротивления с золотым, бледно зеленым, желтым и ярко розовым.

— Теперь, когда ты знаешь о моих увлечениях, не мог бы ты рассказать мне о своих рисунках?

Он тряхнул головой, чтобы очистить свои мысли.

— Ты их видела. Расскажи мне больше о себе, — он хотел знать о ней все, даже если пока не готов отвечать взаимностью, — почему «Принцесса»?

Она с напускной серьезностью прищурила глаза, но все равно спросила шутливо.

— Почему рисунки?

Он переключил свое внимание на ее машину, чтобы избежать вопроса.

— Ты позволил мне вломиться в свою квартиру на рассвете, но не хочешь говорить со мной о своих рисунках?

Он улыбнулся и снова взглянул на нее.

— Ну, примерно.

Дженна закатила глаза. Она сделала много всего, чтобы подтолкнуть его рассказать о том, что ему нравится. Это дало ему время подумать. По правде говоря, никому еще не удавалось подтолкнуть его к этому разговору, и ему в ней это понравилось. Ему нравилось, что она заинтересована в нем, даже при том, что ему было известно: расскажи он ей все себе, она немедленно отойдет в сторону.

— Если ты не хочешь говорить мне о своих рисунках, не хочешь делиться сведениями о своей матери, тогда расскажи мне, как так случилось, что за несколько лет, что я живу в Писфул Харбор, ни разу тебя не видела.

Она забросала его вопросами во время завтрака, когда он мыл посуду, и даже когда закладывал белье в стиральную машинку. Она задавала одни и те же вопросы десятками различными способами. Она была невероятно настойчивой.

— Ты часто бываешь в этом конце города? — спросил он, зная ответ. По дороге спуска к мосту находилось не так много мест, за исключением «Whiskey Bro's».

— Ну, нет. Но ведь ты должен был бывать иногда в городе.

Он сконцентрировался на работе по исправлению вмятины на двери.

— Конечно, когда мне что-нибудь нужно. Я достаточно строг к себе, и я переехал сюда несколько месяцев назад.

— Где ты жил до этого?

В тюрьме. Он не собирался сдаваться. И не сводил глаз с внутренней двери автомобиля.

— А где ты жила до того как переехала сюда?

— Я выросла в двух часах езды отсюда.

Он рискнул взглянуть на нее. Она намотала прядь волос на палец, выглядя непринужденно с небрежной и красивой улыбкой, которая достигала ее глаз. *Мужик, ты попал.* Она убила его этой улыбкой.

— Это что-то наподобие Писфул Харбор?

Она тряхнула головой.

— Нет. Я выросла в совершенно другой среде. Мне не разрешали играть с куклами на траве в течение нескольких часов. У меня была суровая жизнь за закрытыми воротами. Уроки музыки, класс профессиональной этики, частные репетиторы иностранного языка... — она сморщила нос.

— Почему ты приехала сюда? — ее жизнерадостная жизненная позиция существенно отличалась от его, так что были причины, почему он должен держать свои штаны застегнутыми.

— Давай посмотрим, — она выпустила волосы и остановила на нем свой пристальный взгляд, — закрытое сообщество, музыкальные уроки, частные репетиторы.

Он мягко рассмеялся на ее откровенность.

— Большинство людей отдало бы все, чтобы иметь такие вещи.

— Большинство людей понятия не имеют, как ужасны эти вещи. Все, чего я когда-либо хотела, это порхать вокруг на крыльях, наряжаться в костюмы за десять долларов и строить палатки из листьев. У меня была мечта бегать по лугам без надзора няни, знаешь ли? Только будучи ребенком можно было устроить чайную вечеринку с теми маленькими пластиковыми чашечками и фальшивым чаем. Тогда хотелось получить домашние ванильные кексы вместо трёхуровневого шоколадного торта. Было бы проще, если бы мои родители дали мне и эти несколько вещей тоже. И время, — мечтательно сказала она. — И несколько минут их времени каждый день были бы самым лучшим подарком из всех. Меня не заботило, чем бы мы занялись. Мы могли сидеть в пустой комнате и говорить обо всем, что меня заботило.

Она сделала глубокий вздох и отвела взгляд.

— Если верить моим родителям, я хотела «жить жизнью нищенки, нежели принцессы», и, возможно, они правы, потому как я никогда не заботилась о тех вещах, что они для меня делали. Я никогда не хотела играть на фортепиано или учить французский, — она тряхнула головой. — Извини меня, это не очень хорошее слово. «Нищий» принадлежит им, а не мне.

Он взглянул на Кеннеди и понял, что «нищий» — это шаг от той жизни, которой она жила прежде.

— Это не оскорбительно.

Она кивнула с тенью облегчения на лице.

— Все, что я хотела, — это время. Время, чтобы провести его с ними. Время, чтобы бегать, играть и быть ребенком. Я бы предпочла ничего не иметь и всего лишь любить, чем все, что имела и чувствовать себя вещью на показ.

Изначально он думал, что у них не может быть ничего общего, и как его мог привлекать кто-то из другого мира. Но чем больше он узнавал о ней, тем больше понимал, что у них было что-то общее. Очень важные вещи, он даже не ожидал этого.

— И все-таки, почему «Принцесса»? Предполагалось, что ты предпочла бы пойти в противоположном направлении.

— Потому что принцесса на день, не только наряженная маленькая принцесса, получающая все, что только пожелает. Это говорит о том, что дети могут стать тем, кем мечтают. У нас есть принцесса-рокер, принцесса-профессор, принцесса-строитель. Ты называешь, что хочешь, мы предлагаем. Туфли-криперы, оборки, кожа, кружева, пацанские вещички, фенечки... Я хотела назвать магазин «Ты в течение дня», но специалист по маркетингу объяснил мне, что никто не будет знать, что это или кто это, — она пожала плечами. — Так что я стала принцессой. Как прошло твое детство?

Он обратил свое внимание на машину и стиснул зубы.

— Сколько раз ты можешь задавать одни и те же вопросы?

— Сколько времени ты можешь их избегать?

— Чертовски долго, — он поднял взгляд, и она снова улыбнулась. — Что?

— Ты милый, когда пытаешься все время быть мачо и уклоняться от ответа.

Он засмеялся.

— Милый? Линкольн милый. Кеннеди милая. Я тебя раздражаю, помнишь?

— Да, — она оттолкнулась от дверной рамы. — Я переосмыслила это конкретное прилагательное. Я думаю, «вызывающий лихорадку» больше подходит, — она отвернулась и

присоединилась к Кеннеди во дворе.

Как он должен сконцентрироваться на работе, когда эта информация крутится в его голове? Он попытался сконцентрироваться на ремонте вмятины, но его мысли полностью поглощены Джеммой. Он много думал о ней прошлой ночью, так как он расхаживал по квартире в попытках успокоить Линкольна и укачать, чтобы тот заснул. Когда утром он услышал стук в дверь, то сбросил обувь, в страхе ожидая худшего. Думал, что пришла полиция сообщить ему, что нашли его брата мертвым, или власти пришли, чтобы забрать детей. Когда он увидел Джемму сквозь стекло, ему не только стало легче, он был взволнован ее приходом. Ему нравилось находиться рядом с ней, несмотря на ее непрекращающиеся вопросы. На самом деле, любопытство, было частью ее привлекательности.

Нежная тональность голоса Джеммы помогла ему пережить кропотливую и занимающую много времени работу. Через некоторое время она принесла Линкольна в гараж, и еще одна волна счастья прошла сквозь него. Он поднялся, чтобы взять Линкольна, ощущая непрекращающийся порыв эмоций.

— Все нормально. Я могу покормить его, — сказала она.

— Я должен это сделать вместо тебя. Ты и так тут уже в течение нескольких часов.

Она сверкнула сладкой, заботливой улыбкой.

— Думаешь, мне уже надоело?

— Даже не близко к этому, — ответил он, подходя ближе. — Но ты не няня, и находишься здесь с рассвета.

— Я не чувствую себя няней. Мне нравится узнавать детей и тебя.

Он провел пальцем по лбу Линкольна, ощущая, как она пристально смотрит на него. Удерживая ее взгляд, он опустил руку и накрыл ее руку. Электричество покалыванием пронеслось по коже, но это было так. Ее губы приоткрылись, она мечтательно вздохнула, и ее сердце забило сильнее.

— Ты не хотела бы быть где-нибудь в другом месте сейчас?

Не говоря ни слова, она отрицательно покачала головой. Внезапно его охватило желание обхватить ее красивое лицо руками и заклеить поцелуем, он был не настолько сильным, чтобы удержаться, и его руки затряслись. «Один поцелуй, всего один раз попробовать ее на вкус», — говорил он себе. Так было всегда, когда он целовал женщину из страсти, а не для достижения определенных целей.

— Я тут подумала, — сказала она, нарушая ход его мыслей, — я бы очень хотела взять Кеннеди в свой магазин и позволить ей поиграть там.

Кеннеди взяла ее за руку, а он еще не был готов выпустить ее из своего поля зрения.

— Как насчет того, если мы пойдем туда все вместе, когда я закончу работу?

— Как на свидание? — ее глаза сияли озорством.

Тру передвинул свою руку ей на талию, и этот маленький тактильный контакт чувствовался невероятно. Она была мягкой и женственной, и ветер разносил запах ванили от ее волос. Он хотел понюхать ее кожу, попробовать ее пот, когда она будет биться в муках страсти. Они смотрели друг на друга в течение долгого времени, чувственная нить обвила их. Это была опасная территория. Она заслужила мужчину без бурного прошлого, но он хотел ее.

Он носил шкуру убийцы и сердце любовника. Это была запутанная паутина лжи, созданная им, чтобы защитить тех, кого он любил, и эта мантия всегда будет его окутывать. После того, как он раскроет свое прошлое, она никогда не посмотрит на него так, как

сейчас.

Он наклонился вперед, намереваясь сорвать этот поцелуй в случае, если это все, что когда-либо будет.

— Туумэн, — шептала Кеннеди, выводя его из тумана страсти.

Они оба посмотрели вниз в невинные глазки маленькой принцессы с перекошенной короной. Это был первый раз, когда Кеннеди назвала его по имени, и его чувства еще больше разбушевались.

Он поднял свою маленькую сестру на руки и посмотрел на Джемму, которая быстро моргала, будто пыталась остановить разбушевавшийся ветер, от которого ее тело тоже знобило.

— Да, принцесса, — спросил он Кеннеди.

— Голодная.

Возвращая свой взгляд к Джемме, так чтобы невозможно было не заметить его желания и намерения в голосе, он сказал.

— Я тоже принцесса. Я тоже *голоден*.

Предполагалось, что дыхание должно быть легким и естественным, а не скованным и рваным. И что вы думаете? Джемма всегда умела быстро мыслить, но после того, как большую часть дня провела с Трумэном и его детьми, а теперь приехала в магазин, чтобы подготовить несколько вещей к их приезду, ее мысли были рассеянными. Они вращались вокруг голодного взгляда Трумэна перед обедом и того, как его руки задерживались на ее коже в разных местах во второй половине дня. И когда он столкнулся с ней, одетый только в полотенце после душа? Ее тело загорелось от этих воспоминаний и при одной лишь мысли о том, как они сумели пробудить друг друга. Она никогда не чувствовала такой всепоглощающей страсти, и это разрушило связь ее тела с мозгом.

Она присела, чтобы закрепить золотой ремень «Мэри Джейн». Она всегда наряжалась для детских компаний. Сегодня она прихорошилась больше для Трумэна, чем для Кеннеди. Она всегда принимала решение, какие наряды носить, желая выглядеть сексуально, но не прилагая при этом слишком много усилий. Она, наконец, остановила свой выбор на одном из своих любимых костюмов — Страстной принцессы. Это сексуальное маленькое платьице с пышными рукавами, украшенное белыми бантами вокруг плеч, оставляя их оголенными. Платье было из нежно-голубого атласа с золотой отделкой, радужной узорчатой печатью и маленькими драгоценными камнями, выложенными вокруг глубокого декольте. Оно имело шнуровку на спине и на талии завязывалось большим белым бантом. Золотая накладная юбка легко спадала, открывая вид на прекрасные чулки до середины бедер. До середины юбка имела такой же узорчатый радужный принт с белой кружевной отделкой в нижней части юбки, а белый сатин нижней юбки придавали слегка кокетливый вид всему наряду.

Джемма вплела синюю атласную ленту в свои волосы, создавая некое подобие прически, оставляя с одной стороны лица несколько прядей не собранными. Она надела белые перчатки, которые закрывали руки как вторая кожа от пальчиков до локтя. И закрепила вокруг шеи кольцо стального голубого цвета с синими драгоценными камнями, напоминающими глаза Трумэна. В животе все перекувырнулось при мысли о том, что Трумэн увидит ее в этом наряде.

Быстро взглянув в зеркало, она не могла перестать улыбаться. Она любила этот наряд. По правде, он был ее самым любимым. Здесь была правильная доля сексуальности, чтобы он

был пригодным и для взрослых, при этом оставаясь сказочным нарядом, чтобы была возможность пробудить все те волшебные чувства. Она провела много лет, мечтая о каком-нибудь человеке, и создавала кучу историй в своей голове, дабы избежать одиночества, скучной жизни, занимаясь переодеваниями и создавая новые костюмы. Она жила, фантазируя, что у такой маленькой девочки как она, будет шанс всегда ходить на работу с удовольствием, и это будет делать ее счастливой.

Девушка вошла на игровую площадку, чтобы закончить последние приготовления. Установила корзины и стойки с одеждой для Кеннеди и несколько маленьких вещей, которые она взяла для гимнастики с Линкольном.

Ее телефон завибрировал, оповещая о получении смс, и лицо Кристалл появилось на экране. Было уже почти шесть вечера. Она была удивлена, что Кристалл ждала так долго, чтобы рассказать ей детали о том, как провела сегодняшней день. Они разговаривали прошлой ночью, и Джемма поведала ей о том, что хочет навестить Трумэна сегодня утром.

Она открыла и прочитала сообщение. *«Есть ли у него какие-нибудь татуировки ниже пояса».* Мигающий и улыбающийся смайлик подкреплял эмоциональный настрой сообщения Кристалл. Для большей наглядности далее на экране ее телефона следовал поток изображений татуированных членов.

— Ауч, — пробормотала Джемма и напечатала свой ответ: *«Не знаю, но это выглядит болезненно, так что надеюсь — нет. Мы еще даже не целовались. Я не уверена, что смогу пережить поцелуй».*

Кристалл ответила моментально. *«Не переживешь поцелуй? О, подруга. Я думаю, что должна сломать свою машину».*

Джемма нахмурилась. *«О нет, ты не будешь этого делать! Руки прочь! Должна бежать! Он появится с минуты на минуту. Кеннеди сегодня будет играть в принцессу».*

Следующее сообщение пришло через несколько секунд. *«А ты будешь в этот момент развлекаться с сосиской?».*

Следующее сообщение. *«Волшебник страны Оз?».*

Ее телефон вибрировал, будто находился на стероидах, в то время как ее подруга засыпала смсками. *«Принцесса минета? Принц куннилингуса? Хоки-поки*? Ты собираешься помочь ему забыться?!».* (Прим. *Hokey rokey* — дословно — шарик мороженого, это словосочетание имеет множество толкований, но в данном случае употребляется в значении фокус-покус, трюк, фокус, который поможет забыться).

Джемма захохотала, тогда, как колокольчик над входной дверью зазвенел, пробил волшебную мелодию бутика, и Трумэн вошел, держа Кеннеди за ручку, а в другой руке неся Линкольна в автомобильном кресле. Она положила телефон на прилавок, встретив взгляд пристально разглядывающих ее синих глаз. Эти глаза приближались, и она с трудом сглотнула, тая, словно мороженое. Желудок скрутился в узел. Она была рада, что смогла прорвать тот грубый барьер, который он пытался выстроить. Хотя, когда он вышел с ванной в этом тонком полотенце, было трудно не заметить, насколько сильное воздействие она на него оказывала.

— Эй, там, — она отвела глаза от его пронзительного взгляда и заметила, что он переоделся в джинсы с низкой посадкой, облегающие его в самых нужных местах. Отлично, теперь она уставилась на его причиндалы и пыталась не задаваться вопросом, были ли там татуировки. Черт возьми, Кристалл!

— Это... — он облизал губы, его глаза медленно скользили по ее телу, задерживая

взгляд на ее чулках. — Это отличный наряд. Нам, возможно, понадобится отвести в нашей жизни больше дней для принцесс.

Она хотела, чтобы этот комплимент обернул ее бархатной накидкой, но то, как он визуально пожирал ее глазами, вызвало покалывание на коже в ожидании желанных прикосновений. Ей нужно собрать весь свой контроль и сосредоточиться на детях, иначе ее ноги превратятся в лапшу, и она рухнет в обморок.

Возвращаясь в реальность, она повернулась и закрыла за ними дверь.

— Я рада, что вы нашли мой магазин, и вижу, что ты воспользовался моим советом по поводу автомобильного кресла для Линкольна.

— Твои указания были идеальными, и кто бы подумал, что это блестящая идея, — он поднял детскую переноску, его волчий оскал превратился в братскую улыбку, направленную на счастливого ребенка.

Как он делал так, что от его хищной улыбки все ее мысли путались? Она присела рядом с Кеннеди, чувствуя тепло от обжигающего взгляда Трумэна. Волк вернулся! Может быть, ей нужно было надеть костюм «Красной шапочки»?

Глава 8

— Тру, стой неподвижно. Мы почти закончили, — Джемма трудилась над верхними пуговицами его шелковой рубашки. Это был пятый или шестой наряд, который она и Кеннеди выбрали для него. — Надеюсь, ты знаешь, что костюм «Прекрасный принц» очень востребован.

— Учитывая, как ты работаешь с пуговицами, я более чем уверен в этом, — пробормотал он себе под нос.

Она стояла перед ним в тех белых чулках до середины бедра, он умирал от желания снять их с помощью собственных зубов, которыми в данный момент он покусывал нижнюю губу. Девушка полностью сконцентрировалась на работе, приглаживая и расправляя ткань на его груди и плечах, посылая импульсы желания напрямую к его паху. С выгодной позиции его высокого роста открывался прекрасный вид на округлости ее груди. Одного вида ее в наряде сексуальной принцессы было достаточно, чтобы толкнуть его через край, он изнемогал от желания похоронить себя в ней и никогда не выходить наружу. Она была воплощением знойной невинности, а он был ни кем иным, как тарасащимся развратным подонком, который быстро терял контроль над собой в попытке держать свои руки подальше от нее.

— Ты так одеваешься на все мероприятия, которые организовываешь? — он сжал кулаки, чтобы не прикасаться к ней. Ревность когтями рвала его спину при мысли о других мужчинах, с вожделием смотрящих на нее.

Она пожала плечами и прищурилась, так как играла с золотыми манжетами на его рубашке, а затем черными бархатными погонами на куртке.

— Зависит от моего настроения. Иногда я надеваю длинные атласные платье, похожие на одно из платьев Кеннеди.

Он посмотрел на Кеннеди, которая играла с корзинкой, наполненной диадемами, и представил Джемму в длинном блестящем платье. Ее обнаженные плечи, предназначенные для всевозможных наслаждений, сейчас словно бросали призыв коснуться их губами и насладиться гладкой восхитительной кожей. Зеленоглазый монстр запустил когти достаточно глубоко.

— Иногда я ношу кружевную одежду с большим количеством оборок, — добавила она. — Или более короткие наряды. Если я чувствую себя достаточно смело, то ношу кожаный байкерский наряд принцессы. Он неизменно пользуется успехом на праздниках. Ох, еще наряд принцессы-феи с крылышками. Похожий на тот, что Кеннеди примеряла ранее. Тот я тоже люблю. В нем я чувствую себя легче и веселее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он представил себе отцов, воспитывающих дочерей исключительно для таких событий, чтобы прийти и полюбоваться Джеммой. Тру изо всех сил старался затолкнуть свою ревность очень глубоко, но понял, что это битва проиграна.

— Родители тоже так одеваются? — спросил он натянуто.

Она улыбнулась, глаза расширились от радости, и девушка кивнула:

— Иногда, — и провела руками вдоль длины его рук, а затем от груди до талии, поглаживая куртку. — Ох, стой на месте, — она опустила на колени, перед тем как зафиксировать край его брюк.

Святой гробаный ад, это были его фантазии, повторяющиеся снова и снова. Горячая волна ревности не просто пронзила его, она взорвалась, обжигая пламенем, под кожей, зарождаая жаром в груди, мчась вниз по спине, просачиваясь в кости, сжигая все находящееся на ее пути.

— Ты помогаешь мужчинам одеваться? — она не принадлежала ему, чтобы ревновать, и он почувствовал себя тупицей, едва задал этот вопрос, но он был не в силах обуздать неприятные эмоции, грызущие его изнутри.

— Угу, — Джемма вскочила на ноги и отступила назад, открыто восхищаясь ним. — Ты выглядишь... — она с тоской вздохнула и погладила его по щеке, — как испорченный прелестный принц, самый прекрасный из всех, что я когда-либо видела.

Это прикосновение. Этот голос. Этот вздох. *Эта женщина*. Трумэн быстро обернул рукой ее талию, дернул на себя, так резко, что она испустила маленький сексуальный *писк*.

— Испорченный — это не хорошо? — прорычал он, показывая силу своего яростного желания.

Она приложила свою изящную руку в перчатке к его щеке, ее чарующие зеленые глаза захватили в плен его глаза, когда она заговорила своим страстным голосом больше стервы, чем принцессы:

— Испорченный — это крутой, задиристый и самый *горячий* Прекрасный принц из всех, что принцесса когда-либо видела.

Он почувствовал, как ее сердце бьется рядом с его. Попробовал ее дыхание, когда она изогнулась, приблизившись к его губам. И когда ее рука остановилась на его спине, это прикосновение как будто обожгло его. Он коснулся губами ее щеки, вдыхая аромат ванильного шампуня, затем прижался лицом к ее шее, вдыхая другой женский аромат — аромат желания. Она крепче вцепилась в него пальцами, а он сильнее прижал руку к ее спине. Он отстранился, посмотрел в ее глаза, которые потемнели от страсти и доверия.

— Три дня назад принцесс на моем радаре даже не было, — прошептал он напротив ее губ. — А теперь я буду не в состоянии слышать это слово и не вспоминать о том, какой убийственный наряд ты носишь, помогая моим детям.

— Твоим детям, — прошептала она дрожащим голосом.

— Брату и сестре, — поправил он, затем передумал. — Но они младенцы. Они чувствуют, что они — мои дети, даже если они мои брат и сестра.

Она кивнула.

— Я знаю. Я вижу это.

Он посмотрел на Линкольна, крошечного и невинного, наконец, начавшего получать такое питание, которое ему положено, спящего в безопасности и тепле своей кровати, находящегося с теми, кто любит его и присматривает за ним. И на Кеннеди, играющую, улыбающуюся своему отражению в зеркале, с распущенными волосами, вымытыми и расчёсанными. Теперь ее животик сыт, и ее сердце... Ну, он работал и над его наполнением.

— Они мои дети Джемма, — повторил он, — С того самого момента, как я их нашел.

Девушка положила ладонь ему на грудь, и он задержал дыхание в легких. Ее пальцы кружили по его груди, *требовали* взглянуть на нее. Ее взгляд был серьезным и наполнен такими эмоциями, что он не пытался пробраться сквозь них.

— Я знаю, — сказала она.

Он почувствовал руку Кеннеди на своей ноге, когда она попыталась протиснуться между ними. Он и Джемма — оба улыбнулись, отодвинулись друг от друга, чтобы дать ей пройти. Безмолвное страстное желание заполнило пространство между ними, когда Кеннеди протянула ручки вверх к Джемме. Он почувствовал, как его сердце дало трещину, маленькая слеза готова была пролиться при взгляде на его маленькую девочку, которая привязалась в единственной женщине, которая заставляла его чувствовать нечто особенное впервые за многие годы, а, может быть, даже впервые в жизни. Тепло в глазах Джеммы, когда она подняла Кеннеди на руки, а та положила головку ей на плечо, почти сокрушило его.

Трумэн проглотил часть новых и неожиданных эмоций, которые остались комом в горле, и оставил поцелуй на щечке Кеннеди.

— Пора домой, принцесса, — он сказал это Кеннеди, хотя глазами до сих пор изучал Джемму.

Он знал, что должен отпустить все, что было между ними, чтобы дать ей возможность найти более подходящего парня, кого-то, чье прошлое не будет тянуть вниз и нуждаться в объяснении. Но он потратил свою жизнь, делая вещи, чтобы защитить других, и ставил себя на последнее место. Только в этот раз ему хотелось подпитать любящее сердце, которым он обладал, не зависимо от кожи убийцы, которую он носил.

— Поехали домой со мной, — сказал он с надеждой.

Джемма уложила Линкольна в его кровать, пока Трумэн укладывал Кеннеди в постель. Девушка ранее не догадывалась, что он уступил малышке свою кровать. Теперь наличие одеял на диване обрело смысл.

Трумэн лежал с Кеннеди, нежно нашептывая ей что-то, пока она не уснула.

— Сладких снов, маленькая принцесса. Ты в безопасности. Ты любима. Я с тобой.

В горле Джеммы образовался комок. После того как они переоделись из нарядов принца и принцессы, они вернулись в квартиру на разных машинах, так что у нее было достаточно времени, чтобы перестать нервничать и думать о том, куда она едет. Теперь взволнованность исчезла, а ее место заняло нечто волшебное, нечто невероятно мощное. Джемма даже не пыталась задавать себе вопрос о том, что это было.

Трумэн Гритт был сильным, на его теле были татуировки, и он выглядел так, будто не брился несколько недель. У него были все те вещи, о которых она никогда не думала, что

хочет видеть в мужчине, и через два дня он показал ей, что ни одна из этих вещей не имеет значения. И она внутренне съежилась от того, что изначально осудила его так же, как могла сделать это ее мать. Она ненавидела это и поклялась никогда больше так не поступать. Под всей этой грубой броней скрывался добрый, нежный, невероятно преданный мужчина, какого она только могла себе представить. Он не был Прекрасным принцем и не был тем типом мужчин, который ее мать когда-нибудь одобрит. Но он был настоящим, и он был добрым. И в ту же самую секунду, как Тру поднялся и во весь рост расправил свое массивное мускулистое тело, а затем ловко обошел вокруг кровати, которую он, должно быть, купил вчера для Кеннеди. Он посмотрел на Джемму, и в его взгляде безошибочно читалось, что он оставил кусочек своего сердца на матрасе. Джемма почувствовала, что влюбляется в него. Казалось, невозможно запасть на мужчину, которого она едва знала, но в тот момент, когда он взял ее за руку, а второй потянулся за радио-няней — *когда он успел это купить?* — слово «невозможно» потеряло свой смысл.

Глава 9

Достаточно было одного взгляда, чтобы Трумэн и Джемма полностью поглотили друг друга. Они целовались так дико, что, когда открыли дверь в гостиную, то буквально вывалились наружу. Трумэн не мог дернуть ручку, чтобы закрыть дверь и одновременно достаточно быстро поставить радио-няню вниз. Даже несколько секунд вдали от сладких губ Джеммы казались ему вечностью. Он никогда за всю свою жизнь не был так благодарен за заранее разложенный диван, так как в этот самый момент он упал на него вместе с Джеммой в порыве пламенного, страстного хаоса объятий и голодных поцелуев. Ее руки царапали и изучали его торс, пытаясь найти свой путь ему под футболку, от чего он издал первобытный стон. Боже, он хотел ее. Всю ее. Ее поцелуй, ее руки, ее сексуальный ротик, ее податливое сердце. Обхватив ее попку одной рукой, а щеку — другой, он углубил поцелуй, их бедра терлись и толкались друг о друга в таком же бешеном темпе. Она застонала в поцелуе, и от этого звука похоть буквально обожгла его член.

— *бать, Джемма, — выдавил он, радуясь, что дети благополучно спали за закрытыми дверями и не могли их услышать.

Ее глаза широко распахнулись и так же быстро снова сузились.

— Я люблю твой рот.

Она схватила его за голову, заглушая его слова в новом жестком поцелуе, поцелуе, который сказал ему, что с ним она была честной, все было так легко, так охотно. Его руки покинули ее попку, стремясь к большему, двигаясь жестко и быстро по ее бедрам, затем по ребрам к полной груди, вызывая еще один нуждающийся стон. Он немного приподнялся и стащил с нее рубашку. Все его тело содрогнулось при взгляде на ее кремовую кожу и тугие темные соски, напряженные под ее розовым кружевным бюстгалтером, лямки которого были украшены изящными атласными бантиками.

— Христос, — сказал он.

Она улыбнулась ему и провела пальцем по его скуле.

— Извини, — проговорил он. — Я просто... Ты просто.

Не было слов, чтобы описать, как ее красота поразила его, и он не тратил ни секунды, пытаясь это объяснить. Он расстегнул застежку и отвел чашечки в сторону, втягивая один восхитительный сосок в рот и сминая другой рукой. Она выгнулась под ним, сжимая в пальцах его волосы, постанывая и извиваясь, и удерживая его на месте.

— О Боже, это ощущается так хорошо.

Он дразнил и посасывал, задевая зубами чувствительный сосок. Она резко втянула воздух, он улыбнулся, проделывая это снова, любя эту ее дикую сторону. Он отодвинулся, чтобы кончиком языка подразнить медленными круговыми движениями жесткие пики. Покатав другой сосок между большим и указательным пальцами, он сжал его достаточно сильно, чем вызвал еще один непроизвольный стон, и продолжил дарить ей мучительное наслаждение. Ее руки двигались по его плечам, бицепсам, крепко сжимая их, одна нога обернулась вокруг него и остановилась на тыльной стороне его голени. Черт, ему нравились ощущения, когда она запутывалась в нем. Он хотел знать обо всех вещах, которые сводили ее с ума. Нравятся ли ей ловкие пальцы на ее теле, нравится ли, чтобы ее лизали и сосали, а потом какой трах она предпочитает: жесткий и быстрый или медленный и чувственный? Он пошевелился, снова втягивая ее грудь в рот, когда рукой скользнул по ее бедру к местечку между ног.

Святое дерьмо. Ее джинсы были горячими, и, если он не ошибся, влажными. Его член дернулся под молнией джинсов. Он поцелуями проделал путь вниз по ее животу, который вздымался при каждом ее вдохе. Наблюдение за своими татуированными руками на ее нежной плоти делало его сильнее и толкало к дальнейшим действиям. Тру представил, как похоронит себя глубоко внутри нее, как будут подпрыгивать груди, когда она будет объезжать его член.

Он открыл зубами кнопку на ее джинсах, готовый отбросить осторожность и отдаться их дикому безудержному желанию. Уложив детей спать, он одним ударом открыл дверь в свое прошлое. Трумэн хотел быть эгоистичным, взять все, что она могла ему дать, а с последствиями иметь дело позднее, но, только подумав о своих руках под этими джинсами в поисках влажного тепла, которое он так отчаянно жаждал, он пнул свою совесть ногой. Трумэн приподнялся, стиснув зубы, говоря своему чертовому внутреннему голосу заткнулся, но не важно как сильно он пытался убедить себя в обратном, он никогда не был таким типом мужчин. И более того, происходящее, чем бы это ни было, было полной противоположностью того, что он когда-либо чувствовал. Джемма была не цыпочкой из миллиардной, ищущей быстрого траха, которая не заботилась о своем прошлом, а хотела лишь побыстрее найти удовлетворение и уйти. Ему нужно остановить этот быстро несущийся поезд на некоторое время, чтобы позволить ей как минимум принять решение о том, чтобы двигаться дальше, но с ясным осознанием происходящего. Другое шокирующее осознание — он никогда раньше не давал женщине право выбора. Его грудь сжалась от перспективы.

Он неохотно выпустил тонкий джинсовый материал и прижался губами к чувствительной коже чуть ниже пупка, проводя по ней языком, удобно устроившись у нее между ног. Он не мог сопротивляться желанию скользнуть языком за пояс ее джинсов. Джемма выгнула бедра. Он был так близко к избавлению от голоса своей совести, но когда он поднял глаза и увидел счастливое, доверчивое выражение ее лица, другие органы в его теле сжались.

Например, его сердце.

Именно сердце повелело рту прижаться к ее животу в извиняющемся поцелуе. Именно сердце заставило его двигаться вверх по ее телу и застегнуть лифчик, несмотря на ее сопротивление, а также рубашку. Потом, притянув ее в объятия, он прижался к ней щекой, вдохнул ее страсть, ее сладость, ее разочарование, чтобы запомнить все это. Всю ее, потому

как однажды он должен будет ей сказать, что она должна уйти.

— Я хочу сделать так, чтобы ты почувствовала все сильнее, чем когда-либо в своей жизни, — прошептал он ей на ухо, неспособный пока взглянуть ей в глаза. — Я хочу съесть тебя на завтрак, держать тебя за руку и трахать всю ночь, до тех пор, пока оба не потеряем сознание.

— Так сделай это, — выдохнула она.

— Я не хочу причинить тебе боль, — он заставил себя приподняться и встретить ее растерянный взгляд. Тру почувствовал, будто жесткое острие ножа ударило его под дых, стены рухнули, когда ее рука потянулась и сжала орган, которым им руководил.

Ее губы изогнулись в улыбке, она прикусила нижнюю губу и быстро пробежалась пальчиками по его волосам.

— Ты, никак, большой?

Он засмеялся и опустил голову ей на плечо на краткий миг абсолютной и всепоглощающей эйфории.

Когда он снова встретился с ней взглядом, она улыбалась.

— Да, но это — меньшая из моих забот.

Она сgrimасничала, и — вот это да — ее улыбка стала еще шире.

Тру вернул ей улыбку, но реальность вновь показала свою уродливую голову, подавляя этот счастливый момент. Ненавидя, что вынужден портить этот момент, ее, их, он взглянул ей в глаза и сказал:

— Я хочу тебя Джемма. Никогда в своей жизни я никого так сильно не хотел, но если мы пересечем эту черту, то должны быть честными друг с другом с самого начала.

Он сделал глубокий вдох, когда темная ложь, которая жила в нем, поглотила все намеки на улыбку, надежду на все хорошее. Все то, что он чувствовал несколько секунд назад, и болезненная ужасная правда вышла наружу.

— Я не тот человек, которым ты меня считаешь.

Джемма лежала под Трумэном в полном замешательстве. Ее тело все еще находилось в возбужденном состоянии от его прикосновений, поцелуев, а также эмоций, которые волнами исходили от его тела и скользили ей под кожу. Но он поднялся, сел и помог ей сделать тоже самое. Мука в его глазах вызвала дрожь беспокойства, от которого возбуждение рассеялось, а затем и вовсе исчезло.

— Я не... — она с трудом сглотнула. — Я не понимаю.

Он оперся локтями о свои колени и вгляделся в темноту. Напряжение, которое он источал, борьба против чего-то неизвестного, чего-то ужасного, смутило ее еще больше.

Он покачал головой, его подбородок упал на грудь, эти эмоциональные синие глаза закрылись на короткий промежуток времени, словно он отгораживался от нее. Она почувствовала, как он отдаляется, рухнувшие защитные стены снова восстанавливаются, а затем он открыл глаза. Уголки его губ приподнялись и вытянулись в жесткую линию, и он снова начал всматриваться в темноту. Затем глубоко вдохнул широкой грудью. Джемма увидела напряженные плечи, когда он повернулся к ней с холодным, сдержанным выражением лица, как той ночью, когда они встретились в первый раз. В промежутках между вдохами она заметила печаль, переполняющую его глаза, а затем как будто он задернул занавес, его взгляд снова стал закрытым.

— То, что я должен тебе рассказать, создаст массу вопросов, ведь ты думала, что знаешь меня. Это, вероятно, разозлит тебя, и, может быть, даже будет для тебя интересным, если ты можешь доверять своим инстинктам.

— Ты меня пугаешь, — осторожно призналась она.

Он кивнул, его челюсть сжалась от того, что, похоже, происходило в его голове.

— Я знаю. Прости. Но я не могу прикоснуться к тебе так, как мы оба того хотим, пока этот груз висит прямо над моей головой.

Нервный смешок сорвался с ее губ:

— Твои рассуждения звучат так, будто ты — ужасный человек.

Он покачал головой, его губы изогнулись в хмурой усмешке.

— Я уже даже не знаю, что я и кто я, но точно знаю, что я не тот парень, который может получить от тебя большее, не будучи честным с тобой.

— Трумэн, что это значит «что ты больше не знаешь, кем являешься»? — она пододвинулась, оставив несколько дюймов пространства между ними.

Он провел рукой по лицу. Его щетина пришла в движение, когда под ней сжались мышцы, лица.

— Ты спрашивала о моем детстве. Оно полностью отличалось от твоего, но, как я полагаю, ты уже это поняла. Единственная причина, по которой у меня была крыша над головой, это то, что бабушка оставила моей матери свой дом в наследство. И наступил момент, когда она должна была либо продать его, либо отказаться от него. Одному Богу известно. Моя мать была подобно раку. Она уничтожала все, к чему прикасалась.

— Она не уничтожила тебя, — тихо произнесла Джемма, не в силах удержаться, чтобы не погладить его руку.

Его глаза опустились вниз, на руки, а потом они медленно моргнули и оставались закрытыми мгновение перед тем, как снова открыться.

— Да, она это сделала, — он сделал паузу, борьба отобразилась в жестких линиях на его лице, темнота пряталась в его взгляде. — Это чудо, что я смог выжить в детстве, но к тому моменту, когда понял, что она была проблемой... Я был ребенком. Не имел никакого представления о жизни. Я даже не знаю, когда она начала употреблять наркотики. Ей было четырнадцать, когда она меня родила. Моя бабушка была еще жива, и мы жили у нее, но она тоже была бестолковой. Кто знает? Может быть, из-за меня она начала употреблять наркотики. Господь знает, я сейчас на собственном опыте узнаю, как тяжело поднимать детей, но то, как она относилась ко мне, было сделано с притворством.

Трумэн сделал паузу, а она едва могла дышать. Джемма крепче сжала пальцы вокруг его руки. Она хотела помочь ему пройти через его так и не забытое болезненное прошлое, но она чувствовала его воздвигнутые стены и знала, что это маленькое прикосновение он ей позволил только потому, что действительно готов его принять в данный момент.

— Мои воспоминания не достаточно ясны, чтобы помнить все, что произошло со мной в детстве и в подростковом возрасте. Но то, что я помню, это то, что после смерти бабушки все стало совсем плохо. И когда родился Куинси, все стало еще хуже.

— Куинси?

— Мой брат, — пояснил он мягко. — Я, на самом деле, не занимался его воспитанием... в течение многих лет уж точно.

— Я не знала, что у тебя есть еще один брат. Есть еще братья или сестры?

Он покачал головой.

— Ночью, когда я нашел детей, я увидел Куинси впервые за многие месяцы. Последний раз я виделся с ним, когда вытаскивал из наркопритона и пытался помочь ему. Он не хотел ни меня, ни моей помощи. Насколько я знаю, у меня больше нет ни братьев, ни сестер.

Его голос сорвался, и он откашлялся, переместившись так, что его рука соскользнула с моей, и снова уставился в темноту.

— Я сказал ему держаться подальше от детей, пока он не очистится от наркотиков. Я даже не знаю, когда у них день рождения, — его глаза потускнели, и он склонил голову набок, глядя на нее с серьезным выражением лица. — Доктор думает, что Кеннеди где-то два с половиной года, а Линкольну около пяти месяцев, — он прижал указательный и большой палец к переносице, как будто ему больно, и снова отвернулся.

Слава Богу, эти дети были с ним. Слезы навернулись на глаза, и когда она коснулась его спины, он дернулся, поднял глаза к потолку и быстро заморгал.

— На самом деле, ты знаешь, — сказала она мягко, — Ты знаешь их день рождения. Четверг. Пятнадцатое сентября. День, когда ты их спас.

Он повернулся со слезами на глазах, и этот образ навечно оставил след на ее сердце. Он не сказал ни слова, просто подался вперед и обнял ее, сжимая так крепко, что трудно было дышать. Тру обнимал ее в течение долгого времени, и после того, как он был настолько откровенен с ней, ему стало легче держать ее в своих объятиях. Когда он отстранился, слезы исчезли, челюсть снова сжалась, и ее желудок ухнул вниз, понимая, что за этим обликом было намного больше.

Сколько один человек может еще вытерпеть?

Он стал серьезнее, и очередной раз извинился, глядя на нее. Она хотела сказать ему, что не нужно никаких извинений, что никто не может выбирать себе родителей. Но это означало бы, что ей нужно говорить, а ее горло настолько сжалось от переполнявших ее эмоций, что она не могла выдать из себя даже слова.

— Когда родился Куинси, целая вереница мужчин появилась в нашей жизни. Всегда ненадолго и не слишком хорошие. Наркоманы, торговцы наркотиками, коллекторы и другие на день, на ночь, на неделю. Моя мать приходила домой в синяках и под кайфом. Она уходила с парнем в спальню, а мне велела присмотреть за Куинси, как будто это было легко и весело. Эта женщина никогда не обращала на него внимания. Она засовывала ему бутылку в рот, чтобы он замолчал, когда ей нужно было уходить. Я не буду утомлять тебя подробностями моей дерьмовой жизни, но я переехал, когда мне исполнилось восемнадцать, и попытался забрать Куинси с собой. Она натравила на меня одного своего наркоторговца. У него был пистолет, поэтому он более чем доходчиво объяснил мне, что мне пора съ*баться подальше от дома. Я не слушал.

— Иисус всемогущий! Твоя собственная мать сделала это с тобой? — Джемма не могла скрыть неверия.

Он кивнул.

— Бэр Виски, парень которого я встретил, взял меня под свое крыло и научил меня работать с автомобилями. Когда я переехал, он снял мне эту квартиру. Его семья стала моей семьей. Он и Дикси, его сестра, открыли «Автомастерскую Виски», а также держат бар с своими братьями Боунсом и Буллитом, — он, должно быть, уловил любопытство на ее лице, поэтому объяснил. — Это байкерские имена. В любом случае, я жил за мостом, боясь причинить Куинси неприятности, поэтому мы разработали график встреч. Когда наша мать уходила на несколько часов, якобы на работу, но... — он сделал глубокий вдох и медленно

выдохнул. — Так или иначе, в течение двух лет мы виделись каждые несколько дней. Я давал ему деньги на еду, покупал ему одежду и все, что ему было нужно. А потом, в один прекрасный день, я пришел и услышал крики, доносящиеся из дома.

Трумэн закрыл рот и глаза, как будто все, что он должен был сказать, приносило ему физическую боль. Он положил руку на бедро и всем телом повернулся, чтобы она могла видеть лицо.

— Моей единственной целью был Куинси, когда я ввалился в дом через парадную дверь, — его голос был низким и пренебрежительным. Он поднялся на ноги и заметался, вытирая руки о джинсы и, заламывая, пропуская их через волосы, с каждым шагом становилось очевидным его усиливающееся напряжение.

— Куинси сжался на полу с раной на щеке и кровью на рубашке, сотрясаясь от рыданий, — Трумэн стиснул зубы, когда говорил, вены на шее вздулись, а руки сжались в кулаки так, что побелели костяшки пальцев. — Человек, которого я раньше не видел, жестоко насильничал нашу мать. Я пытался стащить его, но он качнулся назад и лишил меня из равновесия. На столе лежал нож...

Джемма задохнулась, слезы текли по ее щекам. Когда Трумэн оперся ладонями на перила, он в изнеможении опустил голову. Воспоминания врезались в него и на мгновение выбили весь воздух из легких. Он хотел сказать ей, что не делал этого. То, что нож уже был в крови, и дело было сделано, когда он вошел в дверь, но слова не приходили, и он знал, что никогда не придут. Его брат, может быть, и облажался, но Трумэн не мог отказаться от надежды, что в один прекрасный день Куинси найдет свой путь к более чистой, лучшей жизни. И Трумэн не был бы человеком, если бы затравил брата. Он хранил бы их секрет, пока не испустил бы последний вздох, независимо от цены, которую пришлось бы заплатить.

Подняв глаза к беспросветной темной бездне, он сказал.

— Я не должен был попасть в тюрьму. Парень был вовлечен в какой-то огромный нарко-синдикат. Государственный защитник назвал это «убийство в состоянии аффекта». Но моя мать солгала в суде. Она сказала, что не была в опасности. За двадцать два гребаных года она не сумела сделать ничего, чтобы считаться нормальным родителем, и она как-то получила справку о том, что чиста от наркотиков, и засадила своего сына в тюрьму.

Глава 10

Джемма думала, что самоубийство отца будет самым худшим, с чем ей когда-либо придется столкнуться. Она думала, что худший выбор, который мог сделать человек, — это оставить своих близких позади. Но это? Трумэн попал в ужасную ситуацию, где у него не было выбора, кроме как спасти свою мать и брата от ужасной беды, которую она сама привела в их дом. И их мать не только не вернула домой сына, который поставил свою собственную жизнь в опасность, чтобы спасти ее, но еще и отправила его в тюрьму? Ее мысли крутились вокруг этого ужасного сценария гораздо больше, чем допускало ее воспитание. Она вся дрожала, дышать было тяжело, слезы бежали по щекам, и когда она наконец-то нашла в себе мужество взглянуть на него, Трумэн все еще стоял к ней спиной. Его плечи подались вперед, как будто весь воздух выпустили из легких.

Ее прошиб озноб, когда она пыталась переварить все, что он ей сказала. Он убил

человека.

Убил.

Он взял нож и закончил жизнь человека.

Для того, чтобы спасти свою семью.

Как человеку обработать эту информацию? У нее был миллион вопросов, а также множество страхов.

Хотел ли бы он сделать это снова? Стабилен ли он? Говорил ли он ей правду?

Вдох — выдох. Сделать выдох. От этого зависело, сколько она могла держать себя в руках.

Линкольн захныкал, его было слышно через радио-няню. Трумэн медленно повернулся. Он не взглянул на нее, когда прошел через дом, будто на автопилоте, и скрылся в спальне.

Она выпустила долгий выдох и схватилась за край дивана, пытаясь понять часть его прошлого, которую он ей открыл.

Когда Трумэн вернулся в комнату, она стояла на трясущихся ногах, пытаясь примирить человека, которого пришла узнать, с человеком, который только что сделал ошеломляющее признание. Это было слишком — его болезненное выражение лица, боль в ее сердце, груз его признания.

— Я не ожидал, что ты еще здесь, — сказал он сдержанно.

Ее глаза наполнились слезами, и она рукой прикрыла рот, не доверяя тому, что может произойти. Эмоции ключом били у нее внутри, так как мысли кружились вокруг: его храбрость, его преданность, его преступление. Услышанное ею признание не меняло того, что она чувствовала к нему. У слов нет кнопки «удалить». Они были болезненной, тяжелой истиной, так не похожие на постоянное проявление добра с его стороны, которое она наблюдала, все это приводило ее в смятение. В то же время, все хорошие качества, из-за которых она обратила на него внимание с самого начала, усиливались с каждой минутой проведенного вместе времени и отказывались исчезать. Мысли металась, пытаясь одержать победу над грузом негативной полученной информации, и подняться над темнотой, вынуждая ее жадно глотать воздух.

Тру кивнул, покорно приняв решение, отразившееся в ее взгляде. Он взял радио-няню и развернулся, чтобы уйти.

— Трумэн, — его имя с отчаянием слетело с ее губ, и когда он повернулся, ее сердце открылось. Она знала, как выглядит опустошенность. Она видела этот взгляд на лице матери, после того, как отец совершил самоубийство, и она видела его в своем отражении в зеркале все последующие недели, когда их мир рухнул в пропасть, и мать стала еще холоднее, теряя себя в чем-либо, но заботясь о своей дочери.

— Я не... Я не могу, — слишком тяжело справиться с эмоциями, она сделала шаг назад и рукой схватилась за перила, чтобы стабилизировать равновесие и мир, вертящийся вокруг нее.

— Все хорошо, Джемма, — успокоил он ее. — Вот почему я не позволил зайти этому далеко.

«Ты остановил нас. Даже на фоне этой страсти ты думаешь обо мне». Она, не задумываясь, прикоснулась к его руке, нуждаясь в контакте, несмотря на запутанное положение. Его пальцы дрожали также как и ее.

— Это... — она проглотила вздох, пытаясь успокоить нервы. — Это тяжело принять.

Он с серьезным видом кивнул:

— Я не мог ввести тебя в заблуждение.

— Ты...? Сколько времени ты был...? — она даже не могла вымолвить это слово. Казалось, если она произнесет его, то сделает все происходящее еще более реальным.

— Я сидел шесть лет, вместо восьми, к которым был приговорен за сознательное непредумышленное убийство, и вышел шесть месяцев назад. Каждый четверг утром я отмечаюсь в офисе условно-досрочного освобождения и буду делать это до окончания всего назначенного мне срока. Не проходит и дня, чтобы я не думал о том человеке. Я хотел спасти свою мать и защитить Куинси, но ни одна часть меня не хотела его убивать. Я хотел остановить его. Мне нужно было остановить его.

Он тяжело дышал, четко проговаривая все слова. Какого это для него — жить с таким грузом на плечах, потеряв все, в том числе и любовь своей матери? Сколько раз ему приходилось объяснять свое прошлое? *Сознательное непредумышленное убийство. Шесть лет в тюрьме.*

«Тюрьма», — это слово эхом отдавалось у нее в голове.

— Джемма, я клянусь тебе, я никогда в своей жизни не употреблял наркотики, и...

Она подняла руку, не в силах больше слушать. Не сейчас. Это было слишком больно после того, как она почувствовала симпатию к нему. Слишком страшно подумать, что его прошлое действительно было реальностью. Для любого. Слишком подавляет — думать о том, свидетелем чего он стал, как пережил все, что с ним случилось. Ей нужно пространство. Время. Воздух.

Ей нужно подышать воздухом.

— Мне жаль, — сказала она, и, протиснувшись мимо него, убежала.

Трумэн стоял на балконе еще долго после того, как услышал, как уехала Джемма. Он провел шесть лет, отчаянно разыскивая способ, с помощью которого можно отключать эмоции. И сегодня, в то время как боль бежала по его венам, и гнев грыз его изнутри за все те моменты его жизни, которые он не выбирал. И он понял, что подавлял эмоции слишком адски долго.

Когда его мать нанесла ему непоправимый ущерб, он почувствовал, будто она ударила его ножом в грудь. Тот нож уже был воткнут слишком глубоко, когда за него взялся Куинси. Когда он пытался помочь Куинси, тот обернулся к нему с ненавистью в глазах, это выглядело, будто он выдернул нож, воткнутый матерью, и разрезал грудную клетку на кусочки с ловкостью морского пехотинца. Когда он узнал, что у него есть еще брат и сестра, которые жили жизнью, какую не должен познать ни один ребенок никогда в своей жизни, Трумэн почувствовал, как кто-то схватил его зияющие раны со всех сторон и разорвал их, разрешая внутренностям вытекать наружу.

Уход Джеммы он прочувствовал, как небольшой укол. Он не знал ее достаточно долго, чтобы точно сказать, что именно она вытягивает весь воздух из его легких.

Его следующий шаг — перестать думать. Он должен двигаться дальше, отгородиться от прошлого, чтобы не сделать выбор в свою пользу. Только он не думал, что принял неправильное решение, потому что будет делать это снова и снова для того, чтобы защитить Куинси. Но на этот раз он будет достаточно умен, чтобы отправить свою мать в полицию и дать Куинси постоянный дом, вместо того, чтобы оставить его без какой-либо защиты от

грязных привычек нашей матери. Она всегда оставляла Куинси одного. Она оставляла Куинси с ним. И тогда она посадила его в тюрьму.

На пороге в спальне Тру отправил все эти воспоминания подальше, заставляя их остаться снаружи комнаты. Он не мог позволить ни одной из этих ужасных эмоций прикоснуться к детям. Закрыв глаза, он глубоко вдохнул, используя все умственные методики Бэра, которым он научился, чтобы очистить свой разум. Методики, которые помогли принять взрослую жизнь. Только тогда он вошел в спальню и включил радио-няню очень тихо, убедившись, что он мог все слышать. Бэр поделился системой мониторинга в качестве подарка, когда приходил чуть ранее. Он также присматривал за детьми, чтобы Трумэн смог сходить в душ до того, как увиделся с Джеммой. Бэр также занимался детьми, пока Трумэн работал. Когда Трумэн попал в тюрьму, то предложил бороться за опеку над Куинси, но Бэр не был совершенно чист перед законом, и Трумэн был обеспокоен, что правда выйдет наружу. У него не было шансов, что брата не будут судить как взрослого, поэтому не собирался впутывать Бэра в преступление, сказав ему о том, что произошло на самом деле.

Он поцеловал Кеннеди в лоб.

— Люблю тебя, принцесса, — затем, склонившись над кроватью, коснулся губами лба Линкольна и расслабился, почувствовав, что лихорадка спала. — Люблю тебя, приятель.

Его сердце, казалось, увеличилось в размерах в груди. Он не знал, увидит ли когда-нибудь Джемму снова, но знал, что не было никакого гребаного шанса смотреть на этих детей и не вспоминать ее.

С помощью монитора в руке, он запер входную дверь, включил свет на крыльце и направился обратно. Он осторожно вынес с балкона металлический ящик и спустился по ступенькам и через деревянные двери прошел к автомобильной свалке. Вес его принадлежностей для рисования был привычным и тревожным. Он остановился в воротах, проверил видео на мониторе и включил громкость. Услышав звук радио громко и ясно, он проделал свой дальнейший путь к одной из машин, все еще не имея возможности избавиться от своих демонов, настроил монитор и распаковал вещи для рисования.

Одиннадцать оттенков черного, в том числе его любимых: ворон, паук, обсидиан, жир, копоть. Семь оттенков серого. Рукавицы и метеоритный дождь были у него серыми. Образ Джеммы вдруг заполнил его разум, когда она любовалась его рисунками, держа Линкольна и глядя на него сверху вниз после того, как он наткнулся на нее в спальне, и, наконец, со слезами на глазах, когда она протиснулась мимо него, сбегая с его квартиры. Он с трудом дошел до мастерской с монитором в руке и достал другую коробку красок. Трумэн не планировал создавать произведение искусства. Он не думал о стиле или дизайне, или о чем-либо другом. Его искусство было продолжением его самого, родившееся из войн, старых и новых. По мере того как знакомый звук аэрозоля успокаивал, разрушая его душу, он исчез в воспоминаниях о прошлом.

Когда Линкольн захныкал, Тру очнулся и удивился, что прошло уже три часа. Он собрал свои вещи и направился в квартиру, ни разу не оглянувшись. Он никогда не оглядывался назад. Это был единственный способ уйти от демонов, оставив их позади, но сих пор они ускользали от него, пробираясь сквозь щели под дверью, через трещины в его броне и приклеивались к нему словно клей.

В воскресенье вечером Джемма открыла дверь своей квартиры и, упершись рукой в бок, устала на Кристалл.

— Сколько раз тебе нужно услышать «я в порядке», прежде чем ты мне поверишь?

Кристалл закатила глаза и прошла в дом.

— Я уверена, мои соседи снизу оценят твои армейские ботинки.

— Ты так думаешь? — Кристалл притопнула ногой три раза. — Я надеюсь, им понравятся мои изорванные джинсы и футболка с черепом тоже. Если нет, я отправлю ботинок прямо им в задницу, — она прошествовала в гостиную и огляделась вокруг, подняла диванные подушки, проверила за шторами и под столом.

— Что ты ищешь? — Джемма была не в настроении играть в игры. Она хотела провести вечер, пытаясь пережить утрату в компании с одним из фантастических любовных романов, чтобы увести свои мысли от Трумэна и закончить воссоздание героев всех историй в своей голове, представляя, как могла бы измениться история, если бы главный герой был экс-заключенным, отмотавшим срок за убийство человека.

— Мою лучшую подругу, Джемму Райт. Может быть, ты знаешь ее? Она твой двойник, но она звонит мне, когда дерьмо случается в ее жизни. Она не отсиживается в своей квартире и показывает мне приемлемую для большинства людей долю дерьма, — Кристалл двинулась дальше, вторгаясь в личное пространство Джеммы. — Джемма не говорит, что все хорошо, когда она в порядке. Она говорит девчачьи слова, такие как «потрясающе» или «превосходно». И она не говорит «хорошо», когда это не так. Она говорит, что «зла» или «сердится», или хочет что-нибудь разбить.

Джемма закатила глаза.

— Я была награждена звонком моей дорогой мамочки чуть ранее. Я исчерпала свой лимит и не могу вникать в еще одну дискуссию, — ее мать, наверное, получила бы сердечный приступ на месте, если бы знала, что дочь встречается с парнем, который сидел в тюрьме. Почему это приносит ей некое подобие радости?

— Что случилось? Может, ее слуги забыли подать чай, и она хочет, чтобы ты подорвала свою задницу, проехала два часа и сама все сделала?

— Я не ответила. Она оставила сообщение, — Джемма повела плечами назад и использовала соответствующий высокий тон: — «Джеммелин, дорогая. Не забудь про сбор благотворительных пожертвований за два истекших месяца. Обязательно носи жемчуг. Все правильные девушки носят жемчуг». Бла, бла, бла.

— О, мамочка Райт, вы немного шалуныя, не так ли? — Кристалл поиграла бровями. — Жемчужное ожерелье — убойная идея, но это может быть чересчур приторно, — она вяло, как флегматичный парень, махнула рукой.

Они обе пошатнулись, что вызвало у Джеммы такой необходимый смех.

— Почему она докучает тебе звонками? Она знает, что ты исполнишь все свои дочерние обязанности и все сделаешь правильно. Носи свои красивые жемчужины. Их блеск не похож на приторный леденец. Добавь к ним новое сказочное платье от Дон (*Прим. Имеется в виду платье бренда Donna Karan*), и ты будешь убегать с работы после обеда.

— У меня есть кое-что лучше для тебя, — отрезала Джемма. — Почему ее беспокоит все, что касается меня? — Джемма побрела к дивану и плюхнулась на него.

Кристалл последовала за ней к дивану, но осталась стоять.

— Потому что всем известно: богатые люди нуждаются в детях, приспособленных жить в Джоннес. Не дай Бог, кто-то будет иметь то, что не может иметь. В конце концов, за

деньги можно купить все, верно? Даже нянечек, чтобы заменить отсутствующих родителей, — она положила руку на бедро и посмотрела на Джемму. — Я только что пришла из магазина.

— И?

— И... твой крутой татуированный засранец оставил сообщение. Ты не хочешь объяснить мне, почему он оставляет для тебя сообщения в магазине, а не отправляет их тебе на телефон?

Живот Джеммы скрутило. Она была одновременно и счастлива, и печальна от того, что он искал ее. Она все еще слишком потрясена, чтобы думать нормально, поэтому беспокойно заерзала на краю дивана.

— Мы никогда не обменивались номерами.

Кристалл плюхнулась рядом с ней и изучающе посмотрела в лицо Джеммы.

— Угу. Что произошло прошлой ночью?

— Что за сообщение он оставил?

— Око за око? — Кристалл вскинула подбородок.

Эмоции Джеммы все были написаны на лице. Она сдерживала свою печаль целый день, и каждый раз, когда она думала, что все уже под контролем, гнев вновь прорывался и отдавался болью в сердце. Это была гонка до финишной прямой, и она взбиралась над каждой нежелательной эмоцией и, время от времени, снова падала на задницу.

— Сиськи низкого качества? — Кристалл выгнула бровь, и они обе рассмеялись.

— Да, он получил сиськи и... мне нравятся его татуировки? — выдавила Джемма между приступами смеха.

— Или он получил сиськи и дал тебе взглянуть на татухи? Так тату есть на его большом и толстом? — Кристалл просто упала от смеха. — Наконец-то ты получила какой-то дивиденд от своих девочек.

Возможность, хоть и ненадолго, выйти из собственной головы, пребывающей в хаосе, вызвала у Джеммы слезы на глазах.

Кристалл взяла одну из книг в мягкой обложке с журнального столика, ее смех уже затих.

— Четыре женских романа не являются хорошим знаком. Давай, — она встала на ноги и потянула Джемму за собой. Она схватила ключи Джеммы и потащила ее к входной двери.

— Куда мы идем? — спросила Джемма пытаясь не отставать от Кристалл, которая тащила ее вниз по лестнице.

— В «Luscious Licks». Так или иначе, я собираюсь выяснить, почему Трумэн сказал, что ты можешь забрать свою машину и оставить ключи от арендованной на сидении, так что тебе не надо будет с ним видеться.

Джемма остановилась на тротуаре.

— Он сказал что?

Кристалл схватила ее за руку и потянула в кафе-мороженое на углу.

— Он сказал, — тихо ответила она, — сказал, что знает, что ты не хочешь его видеть, но он закончил ремонт твоей машины и оставил ключи на переднем сидении. Попросил, чтобы ты сделала тоже самое с арендованной машиной. Джем, что случилось?

Она до сих пор не могла заставить себя произнести то, что он ей открыл.

— Я расскажу тебе. Мне нужно несколько минут, — *или целая жизнь.*

Они молча шли к «Luscious Licks», и запах сладкого совершенства доносился до них и

дарил ощущение счастья, которое Джемма не была готова принять.

— Эй, подружки, — Пенни, жизнерадостная владелица «Luscious Licks», посмотрела на них поверх морозильной камеры. Волосы у нее были цвета грецкого ореха и собраны в модную прическу, удерживающуюся большим зажимом. Ее светлая улыбка превратилась в жесткую линию. — Эээ, что происходит?

Кристалл обняла Джемму.

— У нас был не очень хороший день.

— Значит, получите мороженое на развес. Немедленно, — Пенни помахала рукой над панелью ассортимента. — Хотите, чтобы я для вас смешала особенный «Уходи хмурый день»? Или это проблема с мужчиной? Тогда я могу взбить его в десерт «Дрянная куча дерьма». Много шоколада с крошками печенья «Oreos» и леденцами.

Джемма посмотрела на панель вкусов.

— Я не думаю, что мой желудок способен переварить что либо, но спасибо, Пен.

— О, один из тех дней, — Пенни обернулась и заполнила чашку мороженым, а потом пошла и стукнула по железному шкафчику, где, как было известно, у нее хранились крошечные бутылочки с ликером, и полила чем-то сверху. Она передала мороженое Джемме: — Съешь это. Коричневый сахар и бренди. Немного вкусняшки, чтобы расслабиться.

— Спасибо, Пенни, — даже об одной мысли о еде желудок Джеммы скрутился, но она не могла отказаться от предложения Пенни. Джемма потратила несчетное количество времени, рекламируя это мороженое в различных общественных информационных буклетах. Пенни была объектом ее первой статьи, когда она только переехала в Харбор, и она всегда чувствовала вдохновение, находясь здесь. Но сегодня все, что она чувствовала, это желание поехать в другой конец города и увидеть Трумэна.

Кристалл заказала четыре вкуса в мягкий рожок и фактически пускала слюнки, пока Пенни передавала его ей. Красочные слои манго, фисташки, черники и лимона были фаворитами Кристалл. Сочетание Джеммы заставило ее чувствовать тошноту.

Пенни обошла прилавков и обняла Джемму.

— Это за счет заведения, для обеих моих любимых принцесс.

Группа подростков зашла через переднюю дверь, шумя и веселясь вокруг.

Пенни понизила голос и сказала:

— Маленькая рыжеволосая является собственностью мальчика с модной стрижкой, — потом громче добавила: — Удачи вам в вашей мрачности сегодня. Я надеюсь, что мороженое поможет, а если нет, есть магазин спиртных напитков за углом, — она подмигнула и отвернулась принять заказ у посетителей.

Пока Кристалл искала стул, Джемма направилась к двери:

— Давай вместо этого посидим у воды.

Они ели мороженое в тишине, пока держали свой путь к пляжу. Ей нравилось, что Кристалл знала ее достаточно хорошо, чтобы не подталкивать к откровениям. Она также любила то, что подруга знала, когда ее нужно вытащить из квартиры. Это было как раз то, что нужно, чтобы попытаться переосмыслить все и понять некоторые вещи.

Они сняли обувь и шли, чтобы посидеть на песке у воды. Находясь рядом с водой, Джемма всегда пребывала в прекрасном расположении духа, но сегодня это едва притупляло ее боль.

— Когда я не слышала тебя прошлой ночью, я думала... Ты оказалась у Трумэна.

— Я была у него. Я была с ним, — признание раскачивалось у нее в груди как корабль во время шторма.

— И? В чем заключается проблема? — Кристалл посмотрела на Джемму, смешивая оставшееся мороженое в своем рожке в кашлицу. — Я никогда тебя такой не видела. Обычно, когда у тебя плохой день, ты поглощаешь такое количество мороженого, с которым только можешь справиться. Что случилось?

Джемма поставила свою чашку на песок и посмотрела на людей на пляже и на волны, набегающие на берег. Она пыталась выразить словами то, что чувствовала, пытаясь осознать это при свете дня, но ей так и не удалось.

Она покачала головой, ее голос был слабым.

— Все нормально. У меня есть вся ночь. Когда будешь готова, чтобы излить свое сердце, я здесь. Или знаешь, я могла бы пойти и выбить из него все дерьмо.

Джемма рассмеялась и похлопала Кристалл по ноге. Она была одета в то, что Джемма называет «скелетом джинсов», которые были черного цвета с горизонтальными порезами по всей ноге.

— Он мог бы раздавить тебя с одной завязанной за спиной рукой, — она поняла, что только что сказала и добавила. — Но он никогда не сделает этого.

Кристалл доела свой рожок и перевела тему на магазин, давая Джемме небольшую отсрочку, уводя разговор от событий прошлой ночи.

— Я видела, что новые детские тренажеры использовались в магазине, и мне интересно, в чем дело.

— Ты должна была видеть его, когда мы играли по всему магазину. Кеннеди выбрала все эти наряды для него. «Темный Принц», «Цветочный Принц», который был веселым и, конечно же «Прекрасный Принц». Он не сопротивлялся, как это делают некоторые ребята. Он посмотрел в лицо этой маленькой девочки и сказал, что сделает все, что она только захочет.

— Похоже, он любит этих детей, — сказала Кристалл.

— Он любит. И так сильно, Крис. Он хочет, чтобы они чувствовали себя в безопасности и любимыми, и я не сомневаюсь, что он сделает все, что нужно, чтобы убедиться в этом, — так же, как он сделал для своей матери и брата. Боль в ее сердце усилилась с этой мыслью. — Я вчера поступила очень плохо с ним.

— Тогда почему его голос звучит так, будто потерял лучшего друга в этой машине и почему вы в одиночестве, вместо того, чтобы проводить время вместе?

Джемма посмотрела на воду. Она дискутировала сама с собой снова и снова и собиралась поговорить с ним после обеда. У нее было так много вопросов, но каждый раз, когда она собиралась озвучить их, печаль поглощала ее.

— Ты когда-нибудь хотела парня так сильно, что при мысли о том, что ты не можешь быть с ним, ощущала желание плакать, но ты не можешь предельно точно назвать причину этому — ты просто чувствуешь это в костях? — спросила она неуверенно.

— Да. Помню тринадцатидюймовый Тео, парень из средней школы о котором я тебе рассказывала?

— Так много приключений, и так мало времени, — сказала Джемма. — Я серьезно.

— Тогда ответ нет, потому что я никогда не встречала человека, который мог бы иметь дело со мной, не думая, что я фрикс по той или иной причине.

Джемма посмотрела на свою великолепную черноволосую подружку. У нее было

несколько пирсингов в одном ухе, и одета она была как панк-рокер из восьмидесятых большую часть времени. Но она была смешной, доброй и щедрой. Она была самым верным и честным другом, какого только может иметь человек. Так что, если она и была адреналиновым наркоманом, который, вероятно, ходит по канату над Нью-Йорком, есть ли кто-то смелее ее?

— Я не думаю, что ты фрик, — сказала Джемма.

— Это потому, что тебе нравится мой фрикерский вид. И потому, что ты наименее субъективный человек, которого я знаю.

— Я думаю, что была такой, а теперь не уверена, — она сделала глубокий вдох и рассказала о разговоре с Трумэном. К тому времени, как она поведала обо всем, глаза были уже не настолько заплаканы, и она была не так взволнована, как прошлой ночью.

— Святое дерьмо, — Кристалл уперлась ногами в песок.

— Я знаю.

— Его собственная мать посадила в тюрьму, после того, как он спас ее задницу? — сердито сказала Кристалл. — Кто так поступает?

— Наркоманы, я думаю. Это то, что ты выделила больше всего для себя?

— Ну, нет, — сказала Кристалл, — Вся эта история сумасшедшая, но он видел, как какой-то мудака насилует его мать, и ты говорила, что он пытался оттащить парня прочь. Он сделал то, что должен был сделать. Он не только защищал свою мать. Ты сказала, что его младший брат тоже был там. Я представляю, как он это сделал, — легко сказала она, — Если бы кто-то насилывал мою мать, нет ничего, чего бы я не сделала, чтобы остановить его. Я не думаю, что в тот момент были бы какие-то другие мысли. Мама. Насилуют. Убить ублюдка.

Просто один звук его голоса разрывал Джеммы. Было трудно думать о чем-то подобном с участием своей матери. По правде говоря, ей было трудно думать о своей матери в принципе. И, действительно, это запутанная ситуация. Дело в том, что ее мучил вопрос, как она расскажет матери, что встречалась с человеком, который сидел в тюрьме за сознательное непредумышленное убийство.

— Это также объясняет все то, что ты говорила о нем. Не удивительно, что он такой защитник.

Он был именно таким. Она знала, что был.

— Но...он убил человека.

— Насильника и наркоторговца, — указала Кристалл. — Совсем не столп общества.

— Как человек мог пройти через это?

— Как человек или как ты? — спросила Кристалл, — Потому что это звучит так, словно он старается жить дальше вот уже на протяжении многих месяцев, а то, как ты говоришь о нем, дает мне понять, что он справляется с этим куда лучше, чем большинство парней, которых я знаю.

Джемма откинулась на песке, глядя на посеревшее небо. Кристалл легла рядом с ней.

— Если бы ты ничего не чувствовала к нему, и если бы думала, что он представляет угрозу для тебя или детей, ты бы уже позвонила в Социальную службу по защите детей или мне, чтобы защитить вас. Ты боишься его? — спросила Кристалл.

Джемма покачала головой.

— Нет, — честно ответила она. — Нисколько.

— Чего ты боишься? Что твоя золотоискательница-мать взорвется в приступе гнева или того, что он невнимательный и не такой стабильный, как твой отец?

Джемма повернулась к ней лицом. Даже если эти вещи были правдой о ее родителях, она ненавидит высказывать это вслух.

— Нет. Я имею в виду, мы знаем, что, вероятно, моя мать запрет меня в башне и выбросит ключ, если обнаружит это, но для этого ей придется покинуть свой трон. Мы обе знаем, что этого не произойдет. И Трумэн более, чем заботлив, и я не думаю, что он не стабилен.

Если бы он был таким, я бы заметила уже это, правильно? Они не позволили бы выйти ему из тюрьмы. К тому же, нестабильный человек не делает приоритетом своего младшего брата после того, как съезжает, или держится подальше от наркотиков, потому что знает, что они делают с человеком. Нестабильный человек будет выбирать легкий путь и принимать наркотики, чтобы убежать от этой жизни.

— Вот о чем я думала, но что я знаю?

— Ты знаешь меня, ты знаешь людей, которые раньше были в тюрьме. Твой брат один из них, — Кристалл ненавидела говорить обрете, Джеде, но она знала, что ее подруга не будет возражать, учитывая, что она собирается пройти через это.

— Он был вором. Он и есть вор, — Кристалл уставилась в темное небо. — Из того, что сказал мне Джед, если ты определенный тип человека, никакое количество времени, проведенное в тюрьме, не изменит тебя. Он был арестован через два месяца после того, как освободился, и это было только потому, что его поймали на горячем. Итак, основываясь на этом, если Трумэн был человеком, который мог убить без угрызений совести, то он, вероятно, слетел бы с катушек за все это время неоднократно, а не только тогда, когда насиловали его мать.

— Он вырос с ней, с ее постоянно приходящими мужчинами. Он сказал мне, что никогда на них не набрасывался. Даже после того, как он съехал, парень угрожал ему пистолетом, чтобы тот держался подальше от дома, но он не принял ответные меры. Он просто продолжал возвращаться, чтобы присматривать за Куинси. Но я не знаю, как ты принимаешь это. Он убил человека. Даже не верится. Когда я смотрела на него, после того, как он рассказал мне, я не видела убийцу. Я видела человека, который не предполагал, что на него лягут заботы по воспитанию брата и сестры, он никогда не знал об их существовании. Человек, который готов был отказаться от моей помощи, потому что думал, что я могла причинить им вред. Но он убил человека. Он сидел в тюрьме. Тюрьма, Кристалл.

— Да, — сказала она строго. — Он убил человека, чтобы защитить гребаную задницу своей матери и младшего брата. Он попал в тюрьму, потому что защищал свою семью, но в некотором смысле вы оба сидели за решеткой. Ты выросла в закрытом сообществе, откуда редко выбиралась, тебя охраняли двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, ты вынуждена была делать вещи, которые презираешь. Что хуже? Быть заключенным и ненавидеть своих родителей, или сидеть в тюрьме за то, что остановил мужчину, который мог стать убийцей единственного родителя и младшего брата, как думаешь?

— Это не то же самое, — неубедительно произнесла Джемма.

Кристалл сделала глубокий вздох, и ее глаза стали серьезными, когда они становились такими, значит, в разговоре не место шуткам.

— Нет. Ничто не может быть таким же, когда человек пырнул ножом мужчину, который насиловал его мать. Представь себе, как жить с этим до конца своих дней.

Слезы застилали глаза Джеммы.

— Теперь, — мягко сказала Кристалл, — представь, как воспитывать детей женщины, которая отправила тебя в тюрьму.

Слеза скатилась по ее щеке.

— Это не правильно, что он мне нравится так сильно? Такое ощущение, что он хороший. Он остановил нас, когда мы дурачились, чтобы рассказать об этом. Он мог бы переспать со мной, а потом рассказать. Но он сказал, что хотел быть честным во всем.

Кристалл повернулась набок, чтобы видеть ее лицо.

— Это многое говорит о нем, правда? Это не плохо, что он нравится тебе так сильно. Ты видишь в нем то, что никогда не видела ни в ком другом. Нечто достойное твоего большого сердца. За все те годы, что я знаю тебя, я никогда не видела, чтобы ты так плакала из-за мужчины.

Трумэн положил Линкольна в детский манеж и сел в шезлонг рядом с ним. Он взглянул на Кеннеди, которая сидела на коленях у Бэра, ее голова покоилась на его плече. Бэр пришел в мастерскую чуть ранее, во второй половине дня, чтобы поработать немного с мотоциклом, и застрял здесь на обед. Они пожарили гамбургеры на гриле, а потом Трумэн поделился с другом историей о Джемме.

— Я просто хочу, чтобы Джемма была здесь, — Трумэн провел рукой по волосам и откинулся на спинку шезлонга.

Кеннеди подняла головку:

— Джемма, — ее милое личико посветлело при звуке этого имени.

— Нет, принцесса, — ответил Трумэн.

Бэр поцеловал ее в щечку и осторожно притянул головку опять к своему плечу.

— Она не придет, мужик. Это нереально много, чтобы принять. Ты никогда не сможешь увидеть ее снова.

— Она в какой-то момент должна будет приехать и забрать свою машину, — Трумэн надеялся мельком ее увидеть, когда она придет. — Я просто должен знать, что она в порядке.

— Она не в порядке. Как она может быть в порядке? Чувак, который ей нравится, только что признался, что сидел в тюрьме за убийство человека. И не смотря на все твои благородные поступки, для девушки типа Джеммы ты большой злой волк.

Трумэн оперся локтями на ноги.

— Скажи мне то, чего я не знаю.

Бэр погладил Кеннеди по спинке, когда ее веки отяжелели.

Руки Трумэну казались пустыми, как и он сам.

— Ты когда-нибудь думал о том, чтобы завести семью? Перед тем, как появились эти двое, такая мысль никогда не приходила мне в голову, и, честно говоря, до появления Джеммы я никогда не хотел видеть женщину в своей жизни, как и их. Но теперь я и дня не могу представить без них, — *и я адски скучаю по ней.*

— Я достаточно думал об этом, — Бэр задумчиво посмотрел на Кеннеди. — Когда-нибудь я хочу получить все то, с чем столкнулись вы. Я люблю детей. Я люблю семью. Но также я люблю разнообразие. Ты же знаешь меня.

— Да, знаю, — он усмехнулся термину «разнообразие», но ему было известно, каким

преданным был Бэр. — Ты спас меня мужик. Уже даже не подсчитать какое количество раз.

— Нет, я не делал этого. Никто в этой жизни не может спасти кого-то еще, кроме себя. Ты знаешь это. Ты сам спас себя. Ты вытащил свой зад из автобуса и нашел себя здесь, и ты также вытащил сюда своего брата. Мужик, — сказал Бэр, — даже будучи подростком, ты работал намного усерднее, чем большинство мужчин, которых я знаю.

Трумэн улыбнулся, вспомнив те острые ощущения, которые получал от учебы, и от выполнения поставленной перед ним задачи.

— Ты дал мне шанс выйти из ада, в котором я вырос. Ты научил меня, что это — иметь чувство гордости, — он встал и начал расхаживать, и в этот момент фары засветились в начале подъездной дорожки. Его пульс ускорился.

— Это она? — спросил Бэр.

— Кто еще приходит сюда так поздно? Я сейчас вернусь, — он оставил для Джеммы записку в ее машине, но хотел увидеть ее лицо, когда она будет ее читать.

— Чувак, — крикнул ему вслед Бэр, — ты сказал, что ей не придется тебя видеть.

Трумэн перестал идти, и незнакомый автомобиль выехал на стоянку. Пассажи́рская дверь открылась, и кто-то высокий, слегка пошатываясь, вышел из нее.

— Это не она, — он оглянулся на Бэра. — Останешься с ними, ради меня?

— Ты знаешь, что да, — Бэр поднялся на ноги и встал между стоянкой и детским манежем.

Глаза Трумэна надолго застыли на Куинси, худощавое тело которого медленно двигалось к нему. Волосы брата падали ему на глаза. Его тело покачивалось как дерево на ветру, когда он накренился вперед.

— Это достаточно далеко, — прокомментировал Трумэн, пытаюсь понять, кто сидит за рулем старого седана с низкой посадкой, но было слишком темно.

— Эй, мужик, — невнятно пробормотал Куинси.

Трумэн скрестил руки на груди.

— Кто в машине?

— Никто, — Куинси положил руку в передний карман, затем вынул ее, а затем снова засунул в карман.

— Я вижу, ты здесь не для того, чтобы получить помощь по очистке организма от наркотиков.

Куинси отвернулся, и Трумэн сделал шаг вперед, принимая серьезный вид, смотря в остекленевшие глаза брата, полуприкрытые веками.

— Я использовал все деньги на кремацию мамы, — его слова слились в невнятные слоги. — Я надеялся, что ты мог бы помочь мне.

— Чушь собачья. Я дал тебе деньги.

Его брат отвернулся, а затем снова посмотрел на машину.

— Если я не заплачу...

Еще одни передние фары сверкнули и съехали с главной дороги на длинную подъездную дорожку. *Джемма*. Внутренности Трумэна скрутило. Он не хотел видеть Куинси или его приятелей возле Джеммы или детей. Он подошел ближе, смрад и запах тухлятины от недостатка чистоты и обилия наркоты стал сильнее.

Мир, в котором он растил его и боролся за него.

Мир, в котором он пытался спасти своего брата от всего.

Мир, который испортил всю его совершенную жизнь.

Он не может даже лгать самому себе. Он сделал свой выбор, когда решил спасти задницу брата, но это не остановило весь гнев и разочарование, разливающиеся в нем.

— Я сказал тебе, чтобы ты оставался в школе. Я сказал тебе, чтобы ты держался. Где же ты потерял свой путь? — полностью понимая, что приближается автомобиль Джеммы, терпение Трумэна достигло предела. — Ты создал чертов беспорядок в жизни, которой живешь. Если ты не хочешь избавиться от нее, то не показывайся здесь снова. Мама умерла. Ты получил свободу, или ты слишком облажался, чтобы самому о себе позаботиться?

Джемма замедлилась, когда объезжала автомобиль, работающий на холостом ходу. Трумэн помахал ей, не желая, чтобы кто-нибудь видел ее. Она продолжила ехать в дальний конец стоянки, где была припаркована ее машина, и остановилась рядом с ней.

— Съ*бывай отсюда. И больше никогда не приноси это дерьмо в мою семью снова.

Куинси смотрел мимо Трумэна на Джемму, которая залезла в свою машину. Трумэн вошел в его поле зрения.

— Ты хочешь знать, когда я сбился с пути? — спросил Куинси голосом, полным ненависти. — На следующий день, когда ты сел в тюрьму. Мама предложила мне наркотики, и там никого не было, чтобы остановить меня.

Трумэн схватил его за воротник и удар спиной об машину.

— Даже не пробуй винить меня за свой херовый выбор. Я был там каждый чертов день, — он стиснул зубы и понизил голос. — Я гнил в клетке, чтобы тебе не пришлось этого делать.

— Я тоже гнил, — он вырвался из рук Трумэна и залез в машину.

Автомобиль объехал Трумэна и умчался, оставив столб пыли на своем пути.

Трумэн посмотрел через стоянку на Джемму, которая стояла с широко раскрытыми глазами после увиденной сцены. В ее руке была записка, которую он оставил в ее машине, шелестящая на ветру. Его ноги приросли к месту. Он хотел подойти к ней, чтобы извиниться за всю свою гребаную жизнь. Для того, чтобы убедить ее дать ему шанс.

Их глаза встретились. И электрический заряд прожег путь между ними, несмотря на все его признания и ужасную сцену с Куинси.

Он не заслуживает осуждения за то, что навсегда изменило его жизнь.

Но когда она забралась в машину, разорвав связь, он знал, что она тоже этого не заслуживала.

Глава 12

Музыка перестала отдаваться эхом, когда семь маленьких принцесс прошли свое финальное дефиле и спустились вниз с подиума во вторник после обеда. Лучи света мелькали, словно волшебные звезды, когда Кристалл двигалась как профессиональный фотограф, щелкая затвором фотоаппарата, делая один кадр за другим. С ее длинными черными волосами и надетыми слоями серой и серебристой тафты она выглядела как призрачная принцесса и талантливый фотограф одновременно. Джемме очень повезло, что она в ее команде. После дефиле Джемма должна сделать большое дело — презентовать имениннице специальную драгоценную тиару. После группа сможет сделать фотографии с Кристалл и Джеммой. И под конец, Кристалл сделает фотографии детей с их родителями — теми из них, кто на самом деле остался с детьми на празднике. Сегодня это только два родителя. На одного больше, чем обычно. Родители предпочли уйти и иметь несколько часов свободы. Это всегда ее беспокоило. Неужели родители не хотят видеть, когда их ребенок

находится в состоянии абсолютного счастья? Для нее стало сюрпризом, что родители полностью спокойны, оставляя детей с незнакомыми людьми, даже несмотря на то, что она прекрасно знает, что с ней и Кристалл дети в абсолютной безопасности.

Джемма в последний раз проверила мешочек с леденцами. На ней была юбка из листьев и наряд принцессы Гардении, который шумно шуршал на каждом шагу. Она потянулась через стол, чтобы поднять яркие цветы и плющ, оборачивая вокруг руки и удерживая их, чтобы они не перепутались с бантиками на мешочках. Затем, рассекая воздух, направилась к столу регистрации, чтобы получить специальную тиару для именинницы, и не могла сопротивляться желанию взглянуть на рисунок Трумэна, который он оставил в конверте и приклеил к входной двери магазина сегодня утром. Перед ее глазами моментально возник образ дракона, которого она увидела, когда впервые заглянула в конверт с эскизом и запиской, которую он для нее оставил. Ее сердце дрогнуло, как и первые три раза, когда она читала записку. Другой темный и впечатляющий рисунок из его священного альбома. Зловещие оттенки черных и серых тонов на бумаге. Рисунок дал понять, что он не делил его с кем-либо. И все же он оставил ей два рисунка здесь, в магазине, даже после того, как она сбежала из его квартиры без единого слова объяснения. Первый рисунок он оставил приклеенным к двери, на нем изображен человек, пытающийся протолкнуться через слишком узкое отверстие: лицо искажено, зубы оскалены от усилий, обеими руками он как будто пытается раздвинуть пространство, в котором застрял.

В записке было написано откровенно и душераздирающе: *«Ты знаешь мою историю. Мне больше нечего скрывать»*. Она представила себе картину, автопортрет Трумэна за решеткой, или, может быть, он пытается вырваться из жизни, в которой он родился и вынужден был расти. Она не знала, права она или нет, но очень хотела это знать.

Ее разум вернулся обратно к записке, которую он оставил в ее машине той ночью, когда она поехала после работы забрать свою машину и увидела, как какой-то парень хлопнул перед ним дверью машины и уехал. Записка была чувственная и простая, хотя она знала, как ужасно тяжело, вероятно, ему было ее писать *«Прости за мое прошлое. Я понимаю, почему ты не хочешь быть частью меня и моей жизни, но клянусь, я не плохой парень. Дети и я, мы скучаем по тебе. Тру»*. У нее не было объяснения тому, что она видела, но, что странно, ее это абсолютно не беспокоило. К Трумэну она относилась как к человеку, она понимала, он это заслужил. Она не знала, почему так ему доверяла, особенно после услышанной истории о его прошлом, но что-то внутри подсказывало, что она должна ему доверять. И не важно, сколько раз она говорила себе, что не должна ему доверять, она отменяла эти советы.

Каждая записка, раскрывала немного больше того человека, которым он являлся. Но записка, которую он оставил сегодня вместе с рисунком дракона, содержала часть его души *«Погоня за драконом — это сленг, который подразумевает вдыхание паров из подогретого морфия, героина, оксикодона и других наркотиков. С тех пор, как я что-то помню с детства, я всегда хотел убить дракона, который заманил мою мать на смерть и поглотил полностью моего брата. Мы скучаем по тебе. Тру»*.

Она посмотрела на записку. Я тоже по тебе скучаю. По всем троим.

— Принцесса Гардения, — Кристалл позвала ее через комнату, напугав Джемму и выводя ее из ступора. — Пришло время вручать тиару малышке по случаю дня рождения.

Она схватила тиару, нацепила профессиональную улыбку, которую практиковала с юности, и эффектно направилась дарить праздник.

— Как ты думаешь, мне нужно нанять няню? — спросил Трумэн у Дикси, когда кормил Линкольна. Мастерская закрыта уже в течение часа, но он и Бэр работали допоздна, и Дикси задержалась, чтобы присмотреть за малышами.

— Абсолютно нет, — возразила Дикси, заключая Кеннеди в объятия. — Они такие же дети Виски, как и Гритт сейчас.

— Ты знаешь, она права. Возможно, нам потребуется некая помощь, когда малыши начнут ползать, но сейчас мы вполне справляемся, — Бэр потянулся к Кеннеди, но Дикси отвернулась, чтобы он не смог ее забрать. Она уткнулась носом в шейку Кеннеди, чем вызвала взрыв смеха.

— Я надеялся, что ты это скажешь, — Трумэн думал также. Ему была ненавистна идея о том, что кто-то будет следить за детьми. Он не мог себе представить, что не будет находиться с ними 24 часа в сутки 7 дней в неделю. Он думал, что все, что нужно детям, это быть в безопасности и счастливыми, но понял, что этого не достаточно. Он и Кеннеди, — оба скучали по Джемме. И хотя Линкольн не мог еще спрашивать, как Кеннеди, Тру чувствовал, что ему тоже ее не хватает. Трумэн скучал по всему в ней. Ее улыбке, ее нахальному репертуару и даже по ее раздражающим вопросам. Но больше всего он скучал по тому, как она смотрела на него, как она касалась его, — рукой здесь, а пальцем проводила вниз по щеке, — и он скучал по любви, которую она каждую минуту проявляла к детям. Тоска каждый раз наполняла его, когда Кеннеди произносила ее имя.

Он надеялся, что, отделяя свое прошлое от себя, он не поделится им больше ни с кем. Джемма со временем приехала бы к нему и дала еще один шанс показать, кем он является на самом деле. Часть его хотела рассказать ей правду о том, что это был Куинси, что он убил того мужчину, но он никогда не толкнет своего брата под автобус. Даже ради Джеммы. Он провел шесть долгих лет за решеткой. Он знал, что такое — ждать, за последние 48 часов Бэр неоднократно напоминал ему, что он может больше никогда не увидеть ее снова, но это не значило, что он собирался сдаваться. Даже на пути в ад он не отказался бы от нее.

Трумэн передал Линкольна своему несчастному приятелю, Бэру. Друг блеснул улыбкой, когда расположил ребенка в своих руках, и это наполнило теплом сердце Трумэна. Он без тени сомнения точно знал, что если с ним что-то случится, то Виски возьмут к себе на воспитание детей. Однажды ему придется иметь дело с тем, чтобы узаконить все происходящее, но не существует никакого способа получить право опеки над детьми, будучи осужденным за уголовное преступление, и он не был готов заниматься этим сейчас.

— Я тут подумал, — произнес Трумэн. — У нас есть старый офис, который можно использовать, как склад, и несколько акров двора. Если бы я платил за это, что вы думаете насчет того, чтобы создать игровую зону прямо за дверью и закрепить офис за детьми как игровую комнату? Там уже есть ковер, так что все, что нам будет нужно, это очистить офис и покрасить его. Там два хороших окна, которые могут пропускать свежий воздух. И я думаю, мы можем заменить нижнюю часть стен на оргстекло, чтобы можно было за ними наблюдать.

Дикси и Бэр обменялись одобрительными улыбками.

— Кроу может получить для нас разрешение на что угодно, — взволновано сказала Дикси.

Бэр насупился.

— Если он так считает, то пусть поищет разрешение в твоих трусиках.

Дикси потрепала Кеннеди за носик.

— Ты слышишь, какой глупый дядя Бэр? Он дурак, не правда ли?

Кеннеди захихикала, а Трумэн приподнял бровь глядя на Бэра.

— Ты знаешь его как Ленса Берка, парня, который владеет «Mid-Harbor — материалы для дома». Кроу его байкерское имя, и у него были отношения с Дикси с тех пор, как мы были детьми.

— И интрига растет, — подразнивал Трумэн. — Что случилось с Лэнсом? Он не очень хороший парень?

Дикси закатила глаза.

— Существует ли вообще хороший человек для меня в глазах моих старших братьев? — она резко вздохнула и усадила Кеннеди вниз, чтобы та поиграла в манеже. Скрестив руки, она сердито посмотрела на Бэра. — Он поставит для нас нормальную цену, — она опустила глаза и увидела, как маленькие ручки Линкольна хватаются за подбородок Бэра. — Или вы собираетесь уйти в сторону, потому что думаете, что он попросит что-то взамен? Потому что если это так, — она перебросила непослушные красные волосы через плечо с самоуверенной ухмылкой, — то, видимо, вы понятия не имеете, как хорошо все вы воспитали меня.

Бэр опустил свой взгляд на Линкольна. Приблизил к нему лицо, позволяя ребенку засунуть пальчики в рот:

— Хорошо, но я позвоню Кроу. Не ты.

— Ты невозможен, — застонала Дикси. — Но хорошо, все, что угодно, для этих маленьких кексов.

Они обсуждали свои идеи, и как только договорились о планировке, сразу начали набрасывать план игровой, чтобы начать ремонт. Бэр и Дикси настаивали на разделении расходов на материалы, так как ремонт значительно повлияет на стоимость помещения.

Позже Трумэн накормил и выкупал детей. Он взял несколько вещей, которые удачно приобрел. Детская ванночка, которую Джемма заставила его купить в «Уолмарт», безусловно, помогла больше заинтересовать Линкольна в купании. И до тех пор, пока он добавлял пузыри в ванну Кеннеди (еще одно большое спасибо Джемме), она была готова принять ее в одиночку. После того, как уложил детей спать, он подошел к тумбе и выдвинул нижний ящик. Адреналин колющими движениями прошел сквозь его грудь от вида альбома с рисунками. У него также была коробка, которую он хранил в шкафу в спальне. Он прикоснулся к ним, понимая, что они хранят все, что когда-либо происходило, и не нужно было смотреть фотографии после создания этих рисунков. Он мог скрывать их в шкафу, снова оставить их в кромешной тьме, засунуть в ящик, но образы никогда не покидали его, чтобы он ни делал.

Поднимая эскизы один за другим, он нашел тот, который хотел оставить для Джеммы завтра утром. Он осторожно вытащил эскиз, написал записку на полях и положил в конверт. Красивое лицо Джеммы всплыло в его сознании, когда он писал ее имя на конверте. Он положил его на журнальный столик, собрал все свои вещи для рисования и радио-няню, запер входную дверь и распахнул стеклянную, ведущую на балкон, — и его мир перевернулся при виде Джеммы, стоящей перед ним, ее рука застыла в воздухе, как будто она собиралась постучать.

Глава 13

— Джемма? — спросил Трумэн тихим шепотом, выпуская из рук металлическую

коробку и лоя ее до того момента, как она упадет на пол.

Джемма прокручивала этот момент в своей голове столько раз, думая, что все ее эмоции под контролем, но ничто не могло ее подготовить к пульсирующему узелку на шее и теплу, словно магнитом притягивающим ее к нему. Она подняла гимнастические устройства для младенца, которые позаимствовала у себя в магазине. Ее оправдание, чтобы приехать сюда. Первый шаг, но она его сделала. Слабовольная и более робкая, чем когда-либо прежде, но, тем не менее, она сделала это.

— Я... Эм, — мне нужно было тебя увидеть. — Я принесла это для Линкольна.

Он посмотрел на детские игрушки, нахмурил брови, разочарование исказило черты его лица. Он поставил коробку вниз, а затем закрыл дверь за собой. Не обращая внимания на игрушку, он подошел ближе, как будто не мог выдерживать расстояния между ними. Как и не имело значения закрытое пространство.

— Джемма, — прошептал он. Его синие глаза были теплыми, наполненными благодарностью и такой тоской, которую она чувствовала, когда та будто бы обернулась вокруг нее, подталкивая к нему ближе еще на один шаг. — Я скучал по тебе.

Он поднял руку, как-будто собирался прикоснуться к ее щеке, она резко втянула воздух и знакомый поток электричества прошиб ее тело. Когда он опустил руку, не касаясь ее, она хотела пнуть его, виня за свое сбившееся дыхание.

— Я... — она положила игрушку для ребенка на пол. — Мы можем поговорить?

Он кивнул, поворачиваясь к дивану, на котором они сидели, когда он позволил ей прикоснуться к своему прошлому. Ее сердце пустилось вскачь, когда он присел рядом. Она не знала, с чего ей начать разговор или что нужно сказать. У нее была так много вопросов, но сейчас, когда она находилась рядом с ним, казалось, все те вопросы просто-напросто улетучились, ушли прочь, уступая желанию вновь оказаться в его руках. Она не боялась его, ни в малейшей степени. Она увидела слишком много о том человеке, которым он был раньше, узнав правду о его прошлом, которое превращало все добро во зло.

Она несколько раз моргнула, пытаясь очистить свой разум. Но то, как он смотрел на нее, будто нуждался в ней настолько сильно, насколько она нуждалась в нем, хотел ее так же отчаянно, как она хотела его, — все это разрушило весь ход ее мыслей.

Оказалось, что ей и не нужно было задумываться. Правда сама вырвалась наружу:

— Я не могу перестать думать о тебе и о детях.

Его губы дернулись в полуулыбке, заставляя дрогнуть ее сердце.

— У меня очень много вопросов, но они кажутся грубыми и эгоистичными. Например, как ты двигаешься дальше, после всего пережитого, и что ты чувствуешь, сделав то, что ты сделал. Но все это нездоровое любопытство, потому что, безусловно, ты был опустошен и в ужасе. Ты сказал мне так много той ночью. Я просто... Пытаюсь сложить все это вместе, — ее слова текли стремительным потоком, так быстро, что она не могла их остановить. — Я никогда не могла представить себе, что свяжусь с кем-то, кто побывал в тюрьме, или сделал то же, что и ты. Но я сомневаюсь в том, что ты сможешь повернуть время вспять и пойти другим путем, — она приподняла одно плечо. — Но я не хочу уходить, только из-за того, что ты пытался защитить свою семью. Я видела тебя с малышами и провела с вами достаточно времени, чтобы понять, что ты не жестокий. Но мне нужно осознать это. Все это, до тех пор, пока ты не устанешь объяснять. Я не буду винить тебя, если тебе надоест отвечать на мои вопросы, потому что, ты знаешь, какой я могу быть.

— Это естественно — хотеть знать, но ты мне нравишься такой, поэтому не

расстраивайся. Меня не стошнит от объяснений. Это прошлое. Я боялся рассказать тебе, но теперь, получив возможность, я отвечу на все интересующие тебя вопросы и расскажу то, что ты должна знать, — он сделал достаточно долгую паузу, чтобы попытаться собраться с мыслями. — Ты спрашивала о том, как я смог двигаться дальше. Каждое утро я просыпаюсь и вижу сцену, в которой присутствуют моя мать, брат, кровь, насильник. И я должен сознательно себе напоминать, что там произошло, потому что не чувствую себе тем, кто на самом деле это совершил. Я не жестокий человек, несмотря на то, что сидел за решеткой. Иногда я вспоминаю сцену, двигаясь с самого начала происшествия. Я не могу это объяснить, но для меня не существует иного выбора. Я продолжаю идти, рассказание никогда не исчезает, несмотря на то, что насильники мою мать. Я хочу... Я хочу, чтобы все было иначе.

Она прижала палец к его губам, эмоции, звучавшие в его голосе, слишком болезненные, чтобы слушать дальше.

— Я не хочу заставлять тебя вновь это пережить. Я хочу, чтобы ты знал, я тебя не боюсь. Возможно, со временем у меня появятся вопросы, и я хочу знать, что для тебя это не составит проблемы.

— Джемма, — он на время закрыл глаза, тяжело дыша. Когда он вновь распахнул их, то накрыл своими пальцами ее. — Те рисунки, которые я тебе посылал, могут ничего не сказать, но они все для меня. Мне нечего больше скрывать. Ты слышала самое худшее.

— Я знаю, как они много значит для тебя, — сказала она мягко. — Спасибо, что поделился ими со мной, — она посмотрела вниз на его руки, на синие чернила, покрывающие кожу. Ей хотелось бы знать больше. Были ли эти татуировки похожи на его рисунки? Показывают ли они ужасы пережитого в прошлом? — Что они обозначают?

— Рисунки?

Она кивнула головой, желая знать о нем все, что только можно узнать.

— Твои тату, — она подняла на него глаза. Ее пальцы сжали его. — Все хорошо?

Губы Тру сжались в жесткую линию. Он тяжело дышал, его грудь вздымалась с каждым вдохом, тогда он вернул свою руку на ее, переплел их пальцы и сильно сжал.

— Все, что ты делаешь, прекрасно. Я просто рад, что ты здесь, разговариваешь со мной, и не боишься меня.

— Я не боюсь тебя, — повторила она.

Не говоря ни слова, он потянул ее руку к своим губам и поцеловал ее. Его член дернулся, ощущая ее кожу. Но то, что она увидела в его взгляде, обрадовало ее. Она полностью расслабилась, потому что эмоции, которые она видела в нем, поглотили ее.

Он водил ее пальцами по своим татуировкам, объясняя значение одной за другой:

— Туз пик — это карта смерти. Напоминание. Я сделал ее после того, как вышел из тюрьмы, — он провел ее пальцами по изображению на левой руке. — Это символ байкерского клуба Виски. Они спасали меня много раз. Я в долгу перед ними

Когда он прокладывал ее пальцами путь вниз по одной руке и вверх по другой, объясняя каждое тату, то все больше раскрывал свою жизнь перед ней. Тату символизировали силу, которая напоминала, что даже в самые худшие времена он должен оставаться сильным. Сотни крошечных точек образовывали взрыв с одной стороны руки, выходя за пределы видимости, рассказывая об его разрушенном мире и о том, как он это понимал, тонкие линии тату образовывали сети, чтобы поймать осколки, потому что он еще не был готов их отпустить. Эти знаки изначально давали визуальное предостережение для людей держаться

подальше от подобной личности человека, находящегося перед ней. Его способности преодолевать душевную боль и страдания доказывали его силу. Его преданность семье и друзьям нашла отклик во всех потаенных уголках души Джеммы, которые она так пыталась скрывать, многие годы она думала, что никто не коснется их.

От звучащих в его голосе эмоций ее сердце билось сильнее, а тело воспылало жаром.

Он отпустил ее руку, и тут она поняла, что дрожит. Его лицо было серьезным, когда он потянулся к низу своей рубашки.

Он смотрел на нее с немым вопросом в глазах, и она кивнула, желая увидеть *все*. Он стягивал свою рубашку медленно, будто был не уверен, что она действительно готова увидеть то, о чем спрашивала, показывая чернильные узоры, которые она уже однажды видела, но не имела возможности рассмотреть детали. Она сосредоточилась на тату, которое заняло все огромное пространство его груди. Это был грозный, злой, обнаженный дракон, его позвоночник изогнулся дугой, шея вытянута вверх, он выдыхал пламя — синее, как и все его татуировки — на искривленное, изрубленное дерево, абсолютно лишенное листьев. С противоположной стороны был изображен человек, который пытался такими знакомыми разрисованными руками удержать дерево. Одна нога согнута в колене, другая отведена назад — он пытался устоять в борьбе с драконом.

Его боль была такой глубокой, что у Джеммы на глаза навернулись слезы.

— Не жалею меня, — сказал он грубо.

Она покачала головой.

— Я не жалею тебя. Я потрясена тем, через что ты прошел. Поражена тем, что ты вернулся и стал человеком, которым сейчас являешься.

Он удержал ее взгляд и снова тяжело задышал.

— Ты хочешь увидеть остальные?

Она кивнула.

— Каждую из них.

Его лицо оставалось серьезным, когда он расстегнул кнопку на джинсах. Тут она вспомнила фото, которое ей послала Кристалл и добавила:

— Ну, за исключением, если у тебя есть тату, эм... — она посмотрела на его промежность.

Он издал хриплый смешок, который у обоих вызвал улыбку.

— Извини, но некоторые места не предназначены для того, чтобы наносить на них краску.

— Слава Богу, — она издала вздох облегчения.

Он отпустил джинсы.

— Джемма, ты знаешь, как я на тебя реагирую, если я сниму брюки... — его дыхание было тяжелым. Она вообще дышала с трудом. Он проскользнул рукой ей под волосами и обхватил сзади затылок. — Джемма, — произнес он грубо. Что-то первобытное промелькнуло в его глазах.

Она скользнула рукой по его груди к его щеке и почувствовала напряженность мышц, когда пыталась подтянуть его поближе.

— Джемма, — предупреждение ясно читалось в его голосе. Его взгляд разгорался, путешествуя по ее лицу, ища подтверждение, что она не совсем уверена в своих чувствах. — Если бы у меня была возможность изменить свое прошлое, я бы... — произнес он возбужденно и осекся.

Его близость была наркотиком, заманивающим ее. Она хотела пробраться ему под кожу и почувствовать то, что чувствовал он, для того, чтобы испытать свои силы и облегчить его боль.

— Я не собираюсь убежать, — она понятия не имела, почему дала такое обещание, но ею двигало настойчивое желание плотской близости с ним. Она наклонилось, будучи не в силах больше говорить.

Он притянул ее к себе, клеймя горячим, жестким поцелуем, расшатывая все ее чувства, а затем поцеловал дико, завладев ее губами и не в состоянии ими насытиться. Он углубил поцелуй, крепко прижимая ее к себе, и это чувствовалось так восхитительно. В течение этих дней она рассекала его прошлое, пока все не ушло, и остался лишь поток огненной лавы, сбивающей все на своем пути. Она прижалась ртом к его шее и укусила, получив в ответ сводящие с ума звуки страсти. Он переместил свой вес, и она опустилась на спину, провоцируя трение их тел. Его бедра двигались напротив нее в жадном, гипнотизирующем ритме, и он замедлил поцелуй, сладко отменяя все оставшиеся сомнения.

— Джемма, — выдохнул он ей в рот. — Кажется, мы были уже здесь раньше.

Она улыбнулась.

— Нет, там, куда мы направляемся прямо сейчас, мы не были.

Его волчий оскал вернулся, а глаза наполнились порочным желанием.

— Останови меня сейчас, если собираешься останавливаться, потому что я думаю, что займусь с тобой любовью, думаю, что трахну тебя, поэтому прошу тебя о снисхождении — когда на нас не останется одежды, ты получишь всего меня. Я не смогу остановиться.

— Не останавливайся, — все, что она могла вымолвить.

Его рот накинудся на нее, жесткий и голодный. Джемма вцепилась ему в спину. Его руки двигались вверх и вниз по ее бокам, груди, дальше по бедрам, как будто он не мог поверить, что она лежала под ним. Она была там, с ним, поглаживая его кожу и упиваясь тяжестью его тела на себе. Поцелуй был грубым и мягким одновременно, то слабея, то воспламеняясь, и волны экстаза с каждым толчком его бедер раскаляли добела искры в ней, вызывая дрожь и охватив пламенем всю ее сердцевину. Он сорвал через голову ее рубашку, за ней последовал лифчик, затем его умелый рот начал орудовать на ее груди. Она схватила его за голову, поток звуков вырывался из ее легких. Это ее не смутило. Напротив, ее нетерпение росло с каждым движением его языка, с каждым прикосновением его губ, сначала мягких, потом твердых, а затем его рот снова слился с ее. Его грубая щетина царапала ее щеки, а его руки — Господи, эти руки — двигались по ее телу властно и уверенно, умело сметая все на своем пути, и это было все, что ей было необходимо для того, чтобы продолжать дышать.

Управляемый огромным потоком эмоций, он не мог думать связно, и только одно не мог проигнорировать. Трумэн приподнялся над Джеммой, и посмотрел вниз на великолепную, доверчивую девушку, лежащую под ним:

— Я хочу тебя, в своей постели.

Она улыбнулась ему, в ее глазах сияло желание, когда она потянула его обратно.

— У тебя больше нет кровати.

— Я завтра куплю кровать.

Он снова обрушил свой рот на ее, и они оба засмеялись, но этот смех быстро сменился жадным порывом страсти. Тепло растеклась вниз по всему его телу. Ему нравилось чувствовать ее обнаженную грудь напротив своей, ее сердце билось быстро и яростно рядом с его сердцем. Он хотел обладать каждым дюймом ее тела, заклеить ее, пометить, что она принадлежит только ему. Он привык к быстрому бессмысленному сексу, когда вошел, трахнул и вышел. Это желание было новым и таким чертовски реальным. Ему не хотелось просто трахнуть ее, он хотел заняться с ней любовью, подарить ей наслаждение. Он с необузданным желанием целовал ее тело и прокладывал себе путь вниз по ее телу, чтобы снять с нее джинсы.

Трумэн поднял голову, нуждаясь в последний раз в ее одобрении, прежде чем впервые ее попробовать. Она приподняла бедра, стаскивая джинсы вниз, тем самым давая ему зеленый свет, который был так ему необходим. Ее джинсы упали на пол, а воздух вырвался из легких с гортанным стоном. Он решил воспользоваться моментом, чтобы почувствовать ее сочную и сладкую киску, и, положив на нее ладонь, он начал целовать внутреннюю поверхность бедра, ощущая, как Джемма извивается под ним, и его пульсирующий член начал молить об освобождении. Он провел языком по ее сексуальной щелочке, и она застонала. Хорошо, черт возьми, ее вкус божественный, и запах ее возбуждения манит его, притягивая магнитом. Она была чертовски сексуальной, он выругался, стиснув зубы. Он должен продвигаться медленно, подводить ее к высшей точке наслаждения разными способами, но с медленным исследованием придется подождать. Он нуждался в ней прямо сейчас. Подняв ее ноги, он положил их себе на плечи и накрыл ее киску своим ртом. Он сосал и лизал, засунув язык так глубоко, что ее внутренние мышцы сжались вокруг него, стимулируя его взять больше. Она извивалась и стонала, вцепившись ему в плечи, когда он заполнил ее. Тру подвел свои пальцы к ее центру, ввел их в ее киску и всосал клитор, зажав между зубами. Ее бедра качнулись вверх, все больше вжимаясь в его лицо, и она выкрикнула его имя возбужденным шепотом. Он знал, что она старалась быть тихой ради детей, и это заставило его сердце еще больше трепетать.

— Тру.

Так чертовски сексуально, так чертовски реально. Он остался с ней, трахал ее своим пальцами, ласкал ее своим ртом, пока она приходила в себя, спускаясь с пика наслаждения. Потом, он прижался ладонями к внутренней стороне ее бедер, раздвигая их, и шершавым языком прошелся по чувствительной плоти медленными, повторяющимися движениями. Она ногтями впиалась в его кожу и жадно глотала ртом воздух, а ее тело все еще дрожало и сотрясалось после оргазма.

— Больше, Тру. Пожалуйста.

Он продолжал дразнить и ласкать ее медленно, растягивая ее удовольствие, пока она хваталась за подушки, моля его о большем. Только после этого он прижался ртом к ее киске и дал ей то, что она хотела, вознося ее вверх, выше и выше, пока она не разбилась в потоке бурных эмоций.

Когда последняя дрожь прошла сквозь ее тело, он поцелуями проложил путь по ее животу, дегустируя степень ее возбуждения с каждым касанием губ, затем сгреб ее в свои руки. Она открыла свои глазки, и удовлетворенная улыбка осветила ее лицо.

— Больше, — она умоляла его, и гребаный ад, он тоже хотел больше.

Он снова ее поцеловал, на этот раз мягче, желая быть как можно ближе к ней. Ее вкус еще остался у него на губах, их языки сплелись, и это было так чертовски жарко, что она не

сопротивлялась ему. Он опустил руку между ее ног, решая довести ее до максимального пика наслаждения, и медленно поглощал ее крики удовольствия. Боже, он мог делать это всю ночь напролет. Чувствовать ее кульминацию в десять раз лучше, чем он себе представлял, но ему необходимо находиться внутри нее больше, чем ему был необходим следующий вдох. Он стянул с себя джинсы, стараясь удерживать свой вес над ней, и, остановившись, застыл.

— Презерватив, — выдавил он, — в спальне.

Он снова поцеловал ее, долго и медленно, не желая расставаться с ней, даже на секунду. Когда он сдвинулся вверх, она удержала его.

— Еще нет, — прошептала она и завлекла его в следующий поцелуй.

Ее рука запуталась в его волосах, а другая спустилась вниз, прижимая крепче его к себе и удерживая за бок. Когда их губы оторвались друг от друга, она удерживала свои близко, она прижалась к его шее, и проложила дорожку их легких поцелуев до самой челюсти.

— Мне нравится твой запах, — шептала она, обдавая его кожу жарким дыханием. — И то, как твое тело подходит моему телу, — ее пальцы двигались по его спине, касаясь легко, словно перышко, как будто она всю ночь провела под ним. Она прикасалась к нему с любовью, как никакая другая женщина в его жизни, и пробудила в нем другие жизненные потребности. Потребности в том, чего у него никогда не было. Несмотря на сильное желание почувствовать прямо сейчас, как она обволакивает его своим внутренним жаром. Это было то, что он хотел: ее прикосновения, ее поцелуи, ее мягкие вздохи от удовольствия.

— Мне нравится то, какой ты большой, — выдохнула она. — И защитник. Ты заставляешь меня чувствовать себя в безопасности.

— Несмотря на мое прошлое? — он не мог не задать этот вопрос, прежде чем вернуться к ее губам.

Она смотрела на него снизу вверх с такой сладкой улыбкой, что все его переживания испарились.

— Может быть, наоборот, из-за твоего прошлого.

Он поцеловал ее в уголок губ, чувствуя себя так, будто получил самый большой подарок в мире, и затем снова прижался к ней, перемещаясь и укладывая их на бок. Он скользнул одним коленом между ее ног, а другой накрыл ее бедро, полностью переплетая их тела.

— Ммм. Ты видишь, мы идеально подходим друг другу, — прошептала она ему в шею, а ее пальцы так и продолжали гладить его спину, нежно выводя на ней узоры. — Ты наш, «Скорбящий Тру», самый верный защитник, из всех существующих.

— Наш?

Она зевнула и положила руку на его щеку.

— Мой и детей.

Он задался вопросом, может ли она слышать, как ухнуло его сердце, все чувствовалось сильнее из-за этой потрясающей женщины. Он нежно ее поцеловал, упиваясь ощущением ее тела, прижавшегося к нему и безопасно расположившемуся в его руках, в голове он снова и снова проигрывал ее слова и мечтал, чтобы это никогда не заканчивалось.

— Джемма, — ком застрял у него в горле, подавляя все слова, которые он хотел сказать. «Я держу тебя. Чувствую, как ты прикасаешься ко мне. Это все, чего я хотел». Он был твердым как сталь, его член упирался в ее влажные завитки и теплую кожу, но по тому, как она прижималась к нему, по тому, как ее дыхание успокоилось, он понял, что она уснула. Все внутри него встало на свои места, и, в конце концов, — Боже, наконец-то — он

почувствовал, что обрел контроль над своей жизнью.

Глава 14

Джемма проснулась на диване в гостиной Трумэна, ее обнаженное тело было прикрыто мягким теплым одеялом. Солнце только-только выглянуло из-за горизонта, голос Трумэна звучал через радио-няню. Обернув вокруг себя одеяло, она не чувствовала ни паники, ни смущения из-за отсутствия на ней одежды. Тепло распространилось по всему ее телу при виде его на экране радио-няни с Линкольном на плече. На нем не было рубашки, на нем были надеты только темные боксеры. Его большая рука двигалась вверх и вниз по спинке младенца и медленно выводила круги. Она не могла видеть лицо ребенка, но увидев, как повисла его ручка, поняла, что малыш снова уснул.

Она нашла свою одежду, аккуратно сложенную рядом, улыбаясь мыслям о Трумэне, когда надевала трусики и блузку, потом подошла к перилам, чтобы понаблюдать за восходом солнца. Слушая через монитор любимый голос Трумэна, она знала, что поступила правильно, когда пришла сюда прошлой ночью, чтобы его увидеть. Он не был человеком, которого нужно бояться.

И прошлая ночь...

Она вздохнула.

Достаточно только вспомнить, как он держал ее, как он раздевал ее, ломая все барьеры, и освободил ее, даря ощущение невесомости и магию. Электрический импульс между ними бесспорно был взрывоопасным, но их тесная духовная связь оказалась гораздо глубже. Когда она лежала в его объятиях прошлой ночью, они были идеально синхронны, и дышать становилось легче, когда он наполнил ее неожиданным счастьем. Она не хотела засыпать, но не могла помочь ему расслабиться после всех тех интенсивных оргазмов и просто задержалась в крепких и горячих объятиях Трумэна. Поскольку она не хотела просыпаться в объятиях Трумэна, проснуться от проявления его любви к Линкольну было еще лучше. Он отдал этим малышам всю свою любовь, ей хотелось бы принять участие в их воспитании, и она знала лучше, чем кто-либо, что ничто не вытеснит это желание. Эти дети нашли свой дом в ее сердце, и они счастливики, что у них есть он.

Эта полнота чувств сразила ее, как будто она действительно могла почувствовать на ощупь, попробовать и увидеть их. Она задумчиво смотрела сквозь море изувеченных и забытых автомобилей, когда услышала приближение Трумэна. Когда его руки сомкнулись вокруг ее талии и теплые губы коснулись ее щеки, она улыбнулась и повернулась в его объятиях, от него исходил запах мятной зубной пасты и мыла.

— Извини, что оставил тебя одну, — сказал он хрипло сонным голосом.

Она почувствовала себя женственной и миниатюрной рядом с его огромным телом. Её нежный гигант. Её несчастный Тру. Она не сомневалась в том, что ее нежный гигант может превратиться в существо наподобие Халка, если того будет требовать ситуация. Ее сердце сжалось при виде татуировок на его груди, хотя ясно видела это уже во второй раз. Она очертила шею разгневанного дракона своими пальчиками и прижалась губами к огню. Она не могла изменить его прошлого, и каким бы страшным оно не было, оно сделало его тем человеком, каким он стал, так же как отсутствие родительского внимания и любви и самоубийство отца сделали из нее ту, кем она являлась сейчас. Когда она взглянула на него, то ее удивил направленный на нее пристальный взгляд.

— Ты выглядишь обеспокоенным. У Линкольна опять поднялась температура?

— Нет, — ответил он серьезно. — Просто пытаюсь прочитать тебя. Появилось ли сожаление с наступлением нового дня?

Она покачала головой и улыбнулась ему.

— Только то, что ты обнажил свою душу передо мной, а мне нечем поделиться с тобой, чем-то равноценным.

От облегчения его лицо осветилось.

— Ты поделилась со мной большим, чем тебе кажется, — он наклонился и поцеловал ее в плотно сомкнутые губы. Затем рассмеялся, беря ее лицо в ладони: — Однако я хотел бы, чтобы ты раздела со мной лучший поцелуй.

Она крепче сжала губы, чтобы избавить его от своего утреннего «свежего дыхания»:

— Я не почистила зубы.

Он рассмеялся и опустил руки:

— Мой рот был похоронен между твоих ног прошлой ночью. Ты действительно думаешь, что я буду переживать, чистила ли ты зубы?

Что-то изменилось. Может быть, все стало по-другому. Она не была уверена ни в чем. Его слова прозвучали легко, его улыбка стала более естественной, а его скромный смешок, на самом деле, очень ей понравился, особенно то, как нерешительно он вырвался. Он отдавал ей еще больше, доверял больше, чем признавался. Она смотрела в его глаза. Видела там облегчение и что-то гораздо более сильное. То, что он ей сказал, было нечто особенным, и ей нужно было это услышать, чтобы она перестала думать о содеянном с сожалением, а только верила в лучшее.

Когда его рот обрушился на нее, она также почувствовала разницу в его поцелуе. Он целовал ее более интимно, придерживая одной рукой за щеку, а другой, придерживая за талию, сплетая их тела вместе. Это был опьяняющий и клеймящий поцелуй. Поцелуй, который говорил «Ты моя, а я — твой».

Это был тот самый поцелуй, которого она ждала всю жизнь.

Когда их губы разомкнулись, он пальцами заскользил по ее щеке, задевая нижнюю губу, затем поцеловал ее снова, теперь уже легко и нежно. Ох, как же ей нравились легкие и нежные поцелуи.

— У тебя идеальный вкус по утрам, — сказал он с гордой усмешкой.

Она сморщила нос.

Как будто доказывая свою точку зрения, он поцеловал ее снова и облизал ее губы.

Она рассмеялась, обожая эту новую версию Трумэна.

— Мне жаль, что я заснула прошлой ночью.

— Мне нет.

— Но ты... — *довел меня до оргазма несколько раз*, — я не отплатила тебе взаимностью.

— За всю свою жизнь я не касался людей так, как ты прикоснулась ко мне прошлой ночью, — в его словах звучали глубокие эмоции. — Я хочу заняться с тобой любовью, но то, что я хочу с тобой, больше, чем просто близость и масса чувств, которые скапливаются между нами. Это видеть твою сонную улыбку, когда ты прикасаешься ко мне, и слушать все те вещи, которые ты говорила пришедшей ночью. Я никогда не думал... Я никогда не думал...

Он обнял ее, прижался щекой к ее макушке.

— Я никогда не думал, что мне кто-то нужен, но я начинаю думать, что я просто ждал тебя.

Трумэн насвистывал, стоя возле задней части своего пикапа, маневрируя с матрасом, которое он купил, пока доставал его из кузова, где его ждал Бэр, чтобы помочь занести матрас наверх. Было семь часов вечера, и Дикси приглядывала за детьми. У него было отличное настроение целый день. Линкольн дважды описал его при смене памперса, и даже это не смогло омрачить его день.

— Кто-то расслабился прошлой ночью, — сказал Бэр, хватая матрас.

— Нет, — Трумэн спрыгнул с кузова и сдвинул матрас, чтобы схватить его.

Они несли матрас вокруг мастерской к лестнице, ведущей на балкон. Джемма допоздна проводит праздник в магазине и освободится не раньше девяти, что даст ему время закончить все дела и уложить детей спать.

— Тогда почему у тебя такое хорошее настроение? — спросил Бэр, когда они тащили матрас по лестнице.

— Потому что она вернулась. И она все исправила.

— Джемма? Она вернулась?

Трумэн не смог не усмехнуться.

— Ага.

— И она спокойно относится к твоему прошлому, к детям и Куинси? — на вершине лестнице Бэр остановился и облокотил матрас о перила. — Открой дверь. Я подержу его.

Трумэн распахнул дверь, и они внесли матрас внутрь.

— Я думаю, что она отлично отнеслась к этому, может не совсем спокойно, но я и не ожидал вообще ее увидеть, — он кивнул на диван. — Давай прислоним его к спинке дивана.

— Достаточно прохладное объяснение покупке матраса, — ухмыльнулся Бэр. — Это значит, что весьма скоро ты получишь разрядку.

— Это не то же самое. Я имею в виду это. Не пойми меня неправильно, она супер горяча, и я жду не дождусь близости с ней, но это не все, чего хочу на самом деле.

— Хорошо, мужик. Я рад за тебя. Не так много женщин есть в этом мире, которые согласятся со всем тем дерьмом, которое присутствует в нашей жизни. Ты что-нибудь слышал о Куинси? — помолчав, спросил Бэр.

— Нет. Я оставил ему сообщение с предложением о помощи... снова.

— Никто не сможет сказать, что ты не преданный сукин сын.

Несмотря на щемящую боль в сердце из-за Куинси, он улыбнулся словам Бэра, думая о Джемме.

— Он член семьи. Я не хочу, чтобы он крутился вокруг детей, когда он так облажался, это не значит, что я всегда буду приходить ему на помощь, — нуждаясь в смене темы, Трумэн пересек комнату, направляясь к нише, где хранил свои инструменты. Куинси был единственным человеком, который мог испортить ему настроение. — Помоги мне. Я хочу снести все эти вещи вниз.

— Все это? — Бэр поднял в недоумении бровь. — Даже верстак?

— Ага. Я сделаю здесь вместо одной спальни две. В итоге, мы построим здесь стену, — он взмахом руки указал, где именно.

— Мы? Разве это не мое жилье?

— Ой, верно. Ты не против? — Трумэн начал снимать инструменты со стены и

укладывать их в коробку.

— Нет. Конечно, нет, — Бэр был занят набором сообщения.

— Горячее свидание?

— Да, с моими братьями, — он посмотрел на Трумэна и покачал головой, затем вернулся к своему вибрирующему от пришедшего сообщения телефону. — Булет и Боунс в пути, чтобы помочь, — он засунул свой телефон в карман.

Полтора часа спустя Трумэн, Бэр, Булет и Боунс переместили все личные вещи вниз в автомастерскую и принесли коробки с постельными принадлежностями, подушками, простынями, коврами и другими вещами, которые купил Трумэн.

Трумэн подмел в нише, и они раскатали и постелили там ковер, а также установили кровать.

— Никакого каркаса для кровати? — спросил Боунс.

Трумэн пожал плечами:

— Что я знаю о каркасах для кроватей?

Булет провел рукой по бороде и отпил немного пива. Во все свои шесть футов и пять дюймов он был на два дюйма выше Трумэна и обоих своих братьев. Красочные татуировки вились вокруг его рук, и Трумэн знал, что татуировки также покрывают каждый дюйм его груди и спины.

— Эта маленькая куколочка связала твои орехи в узел, да?

Трумэн улыбнулся:

— Только ты мог сказать такое. Приятно быть с кем-то, кто на самом деле о тебе заботится.

— Я считаю, что наш маленький мальчик вырос, — дразнил его Боунс. Он приехал прямо с работы и все еще одет в белый халат и слаксы. Никто бы не догадался, что под этой профессиональной одеждой скрываются татуированные плечи крутого байкера.

— Эй, — крикнул Бэр. — Мы заботимся.

— Да, но он не хочет, чтобы ты сосал его член, — ответил Булет хрипло, еще больше забавляясь. — Или ты хочешь? — спросил он, пошевелив бровями.

Трумэн рассмеялся:

— Чувак, я хочу, чтобы ты держал свою противную бороду подальше от моего хозяйства. Здесь ты можешь жить только, если станешь мышью. Это все, что могу тебе предложить.

— Эй, дорогой, я люблю свою бороду, — Булет погладил ее рукой. — Она щекочет бедра девчонок.

Однажды в качестве подянки брата Булета сбрили ему бороду, когда он спал, но сейчас мысли Трумэна перескочили к оставшейся части сюрприза для Джеммы.

— Кто-нибудь имеет хоть малейшее представление о списке необходимого?

Продавщица посоветовала ему купить занавески. Он понятия не имел, для чего нужны были эти занавески, но когда она показала ему, он понял, что должен был купить их вместе с постельным бельем. Эти занавески были невероятно женственными, что напоминало ему о Джемме, поэтому он специально купил их, чтобы использовать в новой обстановке.

Трое братьев в замешательстве переглянулись между собой.

Трумэн вытащил свой телефон и написал сообщение Дикси. Через несколько минут она вошла в дверь, держа за ручку Кеннеди и удерживая Линкольна на руках.

— О, Боже! Это место теперь настолько отличается от всего хлама, что здесь был от

автомастерской, — ее сапоги на высоком каблуке процокали по деревянному полу.

— Тумэн, — сказала Кеннеди и подняла ручки, чтобы он взял ее. — Джемма пришла? — она с каждым днем говорила все больше, тем самым согревая его сердце осознанием того, что теперь у них все будет хорошо. Джемма осталась на завтрак, и Кеннеди была на седьмом небе от счастья, наблюдая за ней.

— Да, принцесса. Но, возможно, ты будешь уже спать, когда она вернется. Хочешь, я напишу ей смс, чтобы она поцеловала тебя, когда придет, — он поднял ее на руки, и она утвердительно кивнула. — Будет сделано, — он поцеловал ее в щечку и повернул в сторону своей кровати, которую покрывали слои простыней и одеял цвета земли. — Что ты думаешь о моей новой кровати?

— Класиво, — ответила она.

— Немного краски, занавесок и несколько растениями, и у тебя будет маленький романтический уголок, — отметила Дикси, сидя на матрасе и проводя рукой по покрывалу, — Оно действительно мягкое.

У него не было времени на покраску, но в один прекрасный день...

— Маленький романтический уголок. Я думаю, что это была моя реплика, — Булет забрал Кеннеди из рук Трумэна и поцеловал в щечку, почесав своей бородой ее подбородок. Она захихикала, и он передал ее обратно Трумэну. — Даже Кеннеди любит мою бороду. Ладно, увидимся, умник, — он коротко обнял Трумэна одной рукой, затем наклонился и поцеловал Линкольна, который находился на руках Дикси.

— Я тоже пошел. У меня свидание. Дай мне знать, если что-нибудь понадобится, — Боунс стукнул Трумэна по спине, поцеловал Кеннеди в макушку и потряс Линкольна за ножку.

— Увидимся. Спасибо за помощь, — видеть, как его друзья любят детей, прекрасно, это дарило его сердцу ощущение наполненности. Трумэн поставил Кеннеди на пол, и Бэр поднял ее.

— Беех, — хихикнула Кеннеди.

— Я не Беех, — он потерся своим носом о ее носик, от чего она захихикала. — Ты будешь хорошо себя вести сегодня ночью?

Она кивнула.

— Хорошо, потому что ты знаешь, что если этого не сделаешь, то тебя ждут последствия, — он пощекотал пальцами ее животик.

— Пощекочите монстра! — завизжала она. — Тумэн! — она потянулась к нему, и он взял ее на руки.

— Удачи сегодня ночью, приятель, — Бэр похлопал его по плечу.

— Спасибо за вашу помощь.

— Не за что. О, и я говорил с Кроу. Ограждение будет доставлено к нему завтра, а остальное на заказ.

— Ты скала, мужик. Спасибо, — трудно было поверить в то, насколько сильно изменилась его жизнь за последние несколько дней, но это были чудесные перемены. Он был счастливее, чем когда-либо мог вспомнить.

Он опустил на матрас рядом с Дикси, и Кеннеди поползла к середине кровати и улеглась там.

— Ты проделываешь прекрасную работу с этими маленькими ребятами, — сказала Дикси, протягивая ему Линкольна.

Он убаюкивал малыша в одной руке, целуя его в лоб.

— Спасибо. Я не хочу навредить им, ты же знаешь. Они такие маленькие.

— Трумэн ты не сможешь навредить им. Ты знаешь, как делать людям только добро, — она обернула руку вокруг него и вздохнула. — Прежде, чем вникать во все нюансы списка необходимого, который, я уверена, будет достаточно приличным, не хотел бы ты немного сбросить груз? Поговорить о Джемме или детях?

Его улыбка была естественной. Только мысли о детях или Джемме делали его счастливым.

— О чем тут говорить? В один день я выживал, а на следующий день начал жить. Этот хаос с графиками и нескончаемым уходом с утра до вечера, но...

— Ты даешь им все то, чего у них никогда не было.

— Да. Я надеюсь, что так и есть. И Джемма? Я даже не знаю, что сказать Дикс. Она.. все самое важное.

— Я допускала это, когда получила твое смс, — она посмотрела на Кеннеди, которая лежала на боку в полудреме. — Хочешь, чтобы я помогла уложить детей? Тогда мы сможем приступить к работе. Пройдут годы, прежде чем у меня появятся дети, так что это забава для меня.

— Эй, ты никогда не знаешь наверняка. Посмотри на мою жизнь.

Его телефон завибрировал, оповещая о новом смс, он достал его из кармана и улыбнулся, увидев фото Джеммы на экране. Он сфотографировал ее утром на стоянке, прежде чем она отправилась домой. У нее в глазах появился мечтательный взгляд, такой редкий. От этого взгляда его сердце переворачивалось в груди.

Он открыл и прочитал сообщение: «Опаздываю. Одного из детей тошнило на протяжении всего вечера. Вероятнее всего, я не смогу освободиться раньше десяти. Ты все равно хочешь, чтобы я приехала?».

Он набрал быстрый ответ, пока Дикси укладывала Линкольна в кроватку: «Определенно. Не могу дождаться, когда снова тебя увижу».

Ее ответ пришел сразу: «Вот как. Я боялась, что мне придется взять свои слова с *скорбющим Тру* обратно».

Он поднял Кеннеди на руки, отнес ее в спальню и взял сборник рассказов «Сказки на ночь» с комода, задумываясь о том, что он делал раньше вечерами, прежде нашел всех их — всех троих.

Глава 15

Джемма держалась за перила, когда поднималась в квартиру Трумэна. Она едва могла передвигать ногами в ее тесной и очень короткой кожаной юбке и сапожках на четырехдюймовых шпильках. Она ощущала себя Пизанской башней, но сегодняшним вечером она была в образе рок-принцессы. Девять тринадцатилетних девочек нарядились сегодня в черный бархат и кожаные платья согласно с четким требованием именинницы «никаких кружев». Они произвели фурор, на время перекрасив волосы в розовый и фиолетовый цвет, с ярким макияжем и соответствующими теме разговорами.

Двери в квартиру распахнулись, и колени Джеммы подкосились при виде Трумэна, чисто выбритого, в шикарной белой рубашке с закатанными до локтей рукавами, в черных джинсах и его крутых черных ботинках.

— Святая корова, — она не могла оторвать глаз от него и его соблазнительной очаровательной улыбки.

Он скользнул рукой по ее бедру, пока он неторопливо оглядывал все ее тело:

— Привет, милая.

Милая. Ее нижняя губа попала в плен к его губам, когда он резко дернул ее на себя, а она оступилась на каблуках. Она схватилась за него, чтобы не упасть. От него шел пряный, такой приятный запах, и она наклонилась ближе, чтобы полной грудью вдохнуть и ощутить его аромат. Хриплый смех зародился в его груди, забирая последние клетки ее мозга.

— Моя девочка похожа на горячую цыпочку-байкершу, — он уткнулся носом в ее шею. — Пожалуйста, скажи мне, что ты не позволила другим парням увидеть тебя в этом, потому что если ты сделала это, то их жен ожидает сюрприз сегодня ночью.

Ее тело буквально мурлыкало от его восторга.

— Я полагаю, тебе это нравится?

— Даже если бы я был геем, уверен, ты смогла бы вернуть меня играть за свою команду, — он поднял ее голову за подбородок и подарил медленный глубокий поцелуй, который превратил и без того трясущиеся колени в жидкую массу. Он крепче сжал ее, улыбаясь во время поцелуя. — Боже, я люблю это.

— Ты знаешь, что обладаешь абсолютной властью над моими ногами?

— Несомненно, — он снова захватил ее рот в поцелуе, руки продвигались к ее попке, прижимая ее к своему твердому телу. — Мне нравится, когда ты работаешь так много, что нуждаешься в том, чтобы повиснуть на мне.

Он поцеловал ее в шею, его запах снова окружил ее, успокаивая и унося в состояние эйфории.

— Тру... — она обернула рукой его шею и притянула еще ближе. Она прижалась лицом к его лицу, и ее тело снова задрожало, захватывая страстными ощущениями от его гладкой кожи.

— И я люблю, когда ты произносишь мое имя, затаив дыхание. Каждый. Чертов. Раз, — он всосал мочку ее уха в рот, а она обвила пальцами его предплечья. — И когда ты прикасаешься ко мне так, как сейчас.

С каждым поцелуем, каждым хрипло произнесенным словом, каждым прикосновением она просто слетала с катушек. С тех пор, как они снова сошлись вместе, она открыла для него дверь в своем сердце, и она не могла даже представить, чтобы она когда-либо закрылась. Девушка снова потерлось о него щекой. Это был невероятно чувственный и захватывающий по своей силе жест. Вглядываясь в его глаза, она вспомнила то, что видела в своем сне и сказала:

— Мне нравится твоя борода. Она отросла при мне и стала такой же частью тебя, как и все остальное, связанное с тобой. Ты не должен был бриться ради меня.

Он робко пожал плечами, но его улыбка сказала ей, что он оценил ее слова.

— Я подумал, что буду выглядеть соответствующе в случае, если я загляну к тебе в магазин, когда у тебя будут клиенты.

— О, Тру, — она затащила его в другой поцелуй, глубоко тронутая его вниманием, — Ты мне нравишься таким, какой ты есть, с бородой или гладко выбритым, это вообще не имеет значения. Видя то, как ты полностью поглощаешь меня, мне, честно говоря, абсолютно все равно, кто и что думает по этому поводу, — ее снедало чувство вины, потому что независимо от того, сколько бы она не пыталась ее игнорировать, мать устроит ей настоящий ад, но она не собиралась позволить ей повлиять на становление отношений с Трумэном.

— Я рад, что ты пережила свою покерную ночь. Маленькая девочка, которой было

плохо, в порядке?

— Мы не будем вдаваться в подробности, но да. Она в порядке. Слишком много пунша и вращений на красном ковре не сулило ничего хорошего имениннице «Принцессе Петти», — она снова коснулась его щеки, удивляясь его точенному подбородку и отмечая тонкий белый шрам, проходящий параллельно его челюсти. Она поцеловала его шрам и легкую щетину. Несмотря на его реакцию, она проследила его шрам пальцами. Ей хотелось, чтобы он знал, что бы не послужило причиной этого шрама, он не напугает ее и не заставит убежать.

— Как...?

— Тюрьма, — ответил он тихо.

Ее сердце разрывалось от мыслей о нем за решеткой, и еще больнее за него, за то, что он пережил там. Джемма не хотела заставить его снова пережить весь тот ужас, впоследствии которого он получил этот шрам. У него есть и гораздо более глубокие шрамы. Тот вид шрамов, которые никогда невозможно будет увидеть. Она верила в то, что когда он будет готов, и даже если уже готов поговорить о тех годах, он даст ей об этом знать. Она прижалась в еще одном поцелуе к его шраму, а потом к губам.

— Не представляю, как можно скучать по человеку так, как я сегодня скучала по тебе, — призналась она, когда он повел ее к двери.

Он остановился перед тем, как зайти внутрь, и запутался руками в ее волосах, притягивая ее лицо ближе.

— Я тоже. Я боялся признаться тебе, насколько сильно скучал по тебе. Боялся быть слишком...

— Тру, — она задыхалась. Вообще с трудом дышала. — Мне никогда не будет достаточно. Пожалуйста, отдай мне всё и много. Мне нужно слишком много. Ты мне нужен.

Они поцеловались с невероятным голодом двух людей, которым никогда не будет достаточно, которые готовы отдать всего себя друг другу.

Они вошли внутрь, продолжая целоваться. Цветочный аромат ударил ей в нос в тот момент, когда ее глаза привыкли к темноте. Пламя свечи танцевало на столешнице кофейного столика. Посреди гостиной спускался с потолка и стелился по полу подобно арабскому занавесу отрез полупрозрачной цветной ткани. Крошечные белые огоньки праздничной гирлянды сверкали вдоль каждой панели, пересекаясь с ветвями зеленой лианы. Ее рука метнулась к стремительно бьющемуся сердцу, когда Тру вел ее вперед к месту, где прозрачные панели расходились. Под всей этой красотой был расстелен красно-белый плед для пикника. Детский чайный набор, подготовленный для двух персон, окруженный свечами, дополняла одна роза и графин с вином и двумя бокалами.

— Трумэн, — прошептала она дрожащим голосом.

— Я не был уверен, хочешь ты чай или предпочитаешь вино, так что я принес и то, и другое. И я надеюсь, что чистая крепость ягод лучше, чем крепость чайных листиков.

— Это идеально. Ты идеальный.

Отрицание в его глазах словно прошло сквозь нее, но это и хорошо, потому как он был прав, не существует по-настоящему идеальных людей.

— В идеальном мире, — сказала она тихо, — у нас обоих были бы любящие родители, и тебе никогда не пришлось бы столкнуться с тем, через что ты прошел. Мы не росли в идеальном мире, но для меня, ты — идеальный.

Он снова притянул ее, крепко прижимая к себе, и прижался губами к ее губам. Его сердце билось быстрее, поэтому он произносил слова увереннее и громче, чем когда-либо

мог.

Он прижимал ее к себе, когда они вместе обходили вокруг волшебного занавеса.

— О, Боже мой, Трумэн, — она даже не была уверена, сорвались ли слова с губ, так сильно она была охвачена восхищением и шоком. Ниша, в которой размещались инструменты, большие металлические ящики, лестницы и другие принадлежности, превратилась в самую роскошную спальню, которую она когда-либо видела. И это нисколько не связано с роскошной мебелью, которой тут, кстати, не было. Ей с трудом верилось в то, что Трумэн пошел на все эти хлопоты ради нее. Золотые занавески от пола до потолка, окружающие высокий матрас, который расположился поверх белого пушистого ковра. Воздушное кремовое стеганое одеяло, несколько подушек и мягкие вязаные пледы коричневого оттенка, брошенные поперек матраса и покрывающие почти всю ширину кровати. Также на окнах теперь были шторы, отбрасывая тусклый, очень романтичный лунный свет, пробивающийся через окно. На полу возле кровати находилась покрывка с большой свечой внутри. Ей понравилась эта покрывка больше всего, потому что она любила его мир. Эту жизнь он создал для детей и для них. Он прошел через многое, чтобы дать ей нечто красивое и значимое, когда все, что ей было нужно, — это он.

Она повернулась лицом к человеку, который, видимо, внимательно прислушивался, когда занимался починкой ее автомобиля, и был поражен ее перекрученной жизнью, и позаботился и о том, чтобы сделать для нее что-то столь же большое и значимое, когда он обладал такой малостью.

— Я думаю, что мое сердце разорвалось, — она моргала влажными от слез ресницами. — Как ты...? Кто же заботился о детях? И твоя работа?

— Мои друзья оказали мне небольшую помощь.

Она обняла его и поцеловала. От того факта, что он попросил своих друзей помочь ему сделать все это, подарок стал для нее еще более особенным, потому что Трумэн никогда не просит о помощи.

— Я думаю, мне нужно создать новый наряд принца в своем бутике. Принц Трумэн. Потому что будь то настоящий или вымышленный принц — он не смог бы даже свечку для тебя поддержать.

Трумэн наполнил их бокалы, играя с пальцами на ногах Джеммы. Джемма ходила поцеловать детей на ночь, как Трумэн пообещал Кеннеди, и они давно сбросили свою обувь, прикончив несколько бокалов вина. Они лежали под навесом, играя в игру, сплетая прошлое друг друга, как будто всегда были знакомы. Эта игра позволили им представить и испробовать те вещи, которых они были лишены в детстве, несмотря на то, что считали, что провели все свое детство по-особенному. Играя в эту игру, он смог почувствовать себя ближе к Джемме.

— Ты помнишь ту ночь, когда тебе было шестнадцать, я перелез через забор вокруг твоего дома и забрался к тебе в спальню? — он провел пальцем вниз по ее руке, наслаждаясь тем, как она дрожит под его прикосновениями.

Она наклонилась ближе, теребя пуговицы на его рубашке, ее пальцы быстро их растегнули, чтобы позже прикоснуться к его обнаженной груди.

— Как я смогу забыть ночь нашего первого поцелуя?

— Это была ночь для первого во всем, — он отставил бокалы в сторону и нежно

опустил ее на пол, возвышаясь над ней. Она смотрела на него снизу вверх наполненным похотью взглядом. Он очертил путь вниз от ее подбородка к шее, вдоль декольте к первой кнопке на ее черном кожаном жилете, затем медленно расстегнул его.

— Это была первая ночь, когда ты позволила мне прикоснуться к тебе, — он поцеловал пики каждой груди. — Ты помнишь? — ему хотелось, чтобы все эти вещи оказались правдой, поэтому ему нравилось воображать их и одновременно познавать Джемму.

— Это был наш первый раз, — возразила она, выгибаясь всем телом под ним.

Он проложил дорожку из поцелуев по ее плечу, вдоль изгиба шеи и впадинке между ключицами.

— Был ли это первый раз?

Ее глаза сузились, а дыхание снова стало тяжелым.

— Нет, но я должна была играть недотрогу. У тебя были все те другие девушки до нас, и каждый знает, что парни хотят иметь то, чего не могут получить.

Ее пальцы очертили татуировку вниз по его руке, остановившись в пространстве между его большим и указательным пальцем, где она выводила маленькие круги, посылая разряды тепла прямо к члену:

— Ты помнишь, как однажды я пришел к тебе домой и обнаружил тебя сидящим с Куинси на крыльце, выходящем на задний двор?

Его желудок сжался при воспоминаниях о брате, но это была часть игры, и он знал, что это был ее способ показать ему, что она не настраивает его прошлое или его семью против него самого.

— Да. Ты тогда носила эти маленькие сексуальные шортики, которые сводили меня с ума, — он просунул руку ей по юбку, и она втянула воздух.

— Целенаправленно, — она взяла его за руку и потянула выше по бедру. Его пальцы задевали кружева на трусиках. Губы растянулись в порочной улыбке, а в зеленых глазах заблестели похотливые огоньки. — Ты помнишь, что сказал мне тогда?

Он провел пальцами по краю ее трусиков. Ее глаза взволновано прикрылись, а раскрытые от возбуждения губы испустили вздох. Наклонившись ниже, он провел языком вдоль ее верхней губы.

— Скажи мне, малышка, что же я тогда тебе сказал.

Ее глаза распахнулись.

— Ты сказал... — ее слова звучали хрипло и глухо.

Она приподнялась, и он запечатлел поцелуй на ее губах, такой горячий, что мог расплавить металл. Затем углубил поцелуй, чувствуя, как ее сердце бьется все быстрее. Она ухватилась за него и теснее прижала его к себе, и ее тело — *Боже, ее восхитительное тело* — прогнулось под ним дугой, все ближе прижимаясь.

Когда их губы разомкнулись, она, задыхаясь, хватала ртом воздух и между вдохами произнесла:

— Ты сказал мне, что произошло кое-что плохое, и попросил дождаться тебя. Я пообещала, что буду ждать.

— Джемма, — ее имя прозвучала, как мольба.

Она приложила палец к его губам, заставив его замолчать.

— Ты помнишь, что еще сказал мне?

Сдерживая эмоции, собирающиеся вырваться из его груди, поэтому только покачал головой. Она погладила его по щеке, и он прильнул к ее ладони, желая впитать в себя

каждую ее частичку. Начиная от ее сладких слов до обжигающего блеска в глазах.

— Ты сказал: «Не волнуйся детка. Это не займет много времени, но вместе мы наверстаем все те вещи, которые упустили».

Он вглядывался в ее лицо, пытаясь найти серьезность, а увидел только уязвимость и желание.

— Я мечтал, чтобы мы были вместе, когда были моложе. Теперь, когда ты присутствуешь в моей жизни, я хочу, чтобы каждый день был лучше предыдущего. Я хочу вспоминать с тобой все, о чем мы мечтали и чего хотели. Поляну, волшебную фею и сильные руки, окружающие нас, когда нам одиноко или страшно.

— Я знаю, — ответила она, — И я бы прошла через все это ради тебя.

Боль, выжигающая все изнутри, никогда их не сразит.

— Ты действительно хорошо умеешь притворяться в игре.

— Только сейчас я не притворяюсь.

— Ты убиваешь меня, детка. Тырываешь мне сердце одним единственным словом.

Она снова прикоснулась к его щеке, и все его тело затопило теплом. У нее была сила разрушить его, а также сила, чтобы заставить его чувствовать себя любимым. Он был полностью и совершенно — ее, и он больше не мог ждать ни секунды, чтобы сделать ее своей.

Он обрушился на ее рот с дикой яростью, подминая ее под себя, и это было таким правильным, что она находилась там. Они пожирали друг друга ртами, поглаживая и ощупывая тела через одежду, вырывая умоляющие стоны сквозь губы. Задрав ей юбку до талии, он сорвал с нее трусики одним жестким рывком, уничтожая кружевной материал. Она схватила его за волосы и дернула к точке пульсирующей боли, посылая разряд электрического тока сквозь него. Ее бедра приподнялись, и он вошел в нее пальцами, сгибая их, пытаясь найти точку «G», которая доведет ее до безумия. Джемма застонала ему в рот, извиваясь под натиском его руки, насаживаясь ему на пальцы глубже, пока не закричала сквозь поцелуй. Он оторвался от нее, нуждаясь в том, чтобы видеть ее лицо, когда она бьется в муках экстаза. В промежутках между вдохами он наслаждался запахом ее разгоряченной кожи, пил из ее опухших розовых губ и внимал шепот, вырывающийся из них. Он должен взять ее, почувствовать всю ту страсть, окружающую его. Его рот опустился на ее губы в жестоком и настойчивом поцелуе, когда он поднял ее в своих руках. Она обвила руками его шею, не разрывая поцелуя, когда он нес ее сквозь занавески к кровати, задернув их так, чтобы остался небольшой зазор. Кеннеди еще не пыталась вылезать из постели, но на всякий случай лучше иметь некий барьер, пока он не построит перегородку.

— Нам нужно быть тихими, — сказал он.

— Я знаю, — прошептала она и потянулась к нему.

Он отбросил ее руки, медленно качая головой.

— Ничто не встанет между нами в этот раз, — он снял с себя одежду, и ее глаза уперлись в его жаждущий член.

Она облизала губы.

— Ты даже понятия не имеешь, что я запланировал для этих грешных уст, — он увидел тень беспокойства, промелькнувшую на ее лице, и его сердце рухнуло вниз, зная, что она переживает за это. — Я чист. Я делал тест. И я уверен, что ты мучаешь себя вопросом, так что... Там, в тюрьме не было ни одной чертовой задницы. Во всяком случае, не для меня, и я никогда не занимался сексом без презерватива. Черт, милая, я не входил в девушку с тех пор,

как отправился в тюрьму. Никого не было до тебя. Я хочу всю тебя, Джемма, но не хочу, чтобы ты делала то, что заставит тебя чувствовать себя не комфортно. Ни сейчас, ни когда-либо, когда ты со мной.

Она вздохнула с облегчением.

— Спасибо, что рассказал мне, — ответила она застенчиво. — Я немного нервничала на счет этого.

— Я знаю, и это нормально. Ты всегда должна знать, что можешь рассказать мне обо всем, что тебя беспокоит, — он улыбнулся. — Не то, чтобы ты часто сдерживалась.

Она ответила ему улыбкой.

— Я довольно настойчива.

— Будь настойчивой. Не сдерживайся со мной. Не мучай себя проблемами, желаниями или чем-либо другим.

Не говоря ни слова, она приподняла свои бедра, расстегнула юбку, потом, ерзая, освободилась от нее, демонстрируя ему таким образом свою готовность. Когда она потянулась к пуговицам на своем жилете, он взял ее за руку и потянул, ставя коленями на матрас. Ее щеки заалели, и она закусил уголок своего рта. Он опустился на колени, взял ее лицо в свои руки и поцеловал ее так, как будто никогда не захочет остановиться.

И потом снова поцеловал ее.

— Я хочу видеть тебя.

Дрожащими руками она начала расстегивать жилет, но он был слишком заведен, чтобы стоять и просто наблюдать за этим, не играя при этом с ней. Он схватил ее за бедра, проводя руками по ее соблазнительным изгибам, пока она расстегивала одну, вторую и, наконец, последнюю кнопку, отодвигая кожу в сторону, открывая прекрасный вид на ее красивые груди. Кожаная ткань обтягивала соски, скрывая ее плоть от его глаз.

— Ты так красива, — его руки скользнули к ее попке, отчего ее щеки залил румянец, когда он тихонько прокладывал дорожку поцелуев от плеча до изгиба шеи. Когда она испустила длинный дрожащий вздох, он припал губами к ее шее и втянул кожу. Она выгнулась напротив него, постанывая и жадно сжимая его бицепсы.

— Больше, — умоляла она.

Его руки соскользнули с ее задницы, перемещаясь к внутренней стороне бедра, задевая ее влажные складочки. Она качнулась туда и обратно, потираясь о его пальцы по всей их длине, покрывая их своим возбуждением, когда он захватил ее губы в другом жестком поцелуе. Его язык протолкнулся между губ и исследовал глубины ее рта, заклеив ее, пока он подразнивал ее бутон, а она продолжала покачиваться, тяжело дыша, выгибаясь и двигаясь напротив него.

Он приподнялся, заглядывая в ее наполненные страстью глаза. Он хотел дать ей все не только в постели, а также надежность и безопасность, в которой она нуждалась и заслужила за веру в него, которую она отдала с такой легкостью.

— Позволь мне любить тебя, детка.

Тру перевернулся на спину, направляя ее, пока ее киска не оказалась напротив его жаждущего рта. Она, низко застонав, прижала ладони к стене, когда он любил ее ртом, глубоко просовывая в нее свой язык, пока она объезжала его рот, как будто это был его член. Он схватил ее за бедра, задевая зубами самый чувствительный комочек нервов. Она захныкала и прикрыла ладонью свой рот, прежде чем ее тело дернулось, достигнув кульминации. Он плыл на волнах удовольствия вместе с ней, любя ее до самого конца. Затем

он положил ее на спину и потянулся за презервативом, который припрятал рядом с кроватью. Его сердце с силой билось о ребра, пока он разрывал упаковку зубами и раскатывал по всей своей длине. Он так долго ждал этого момента, который до самых маленьких деталей был расписан в его голове, но это — ничто, по сравнению с видом Джеммы, лежащей под ним, и ее глаз, наполненных желанием.

Она протянула руку и обхватила его яички, дразня его, в ее глазах мелькали хулиганские искорки.

Он схватил ее за руки и прижал их над ее головой, вынуждая ее согнуть ноги в коленях и раскрываться еще шире. Это было своего рода рефлексом, как и всегда во время секса. Он посмотрел вниз на Джемму, готовый сделать все, что нужно, оправдывая ее доверие. В ее глазах он смог прочесть все это. Он почувствовал, как его сердце распахнулось еще больше, срывая последние замки того, как он жил до сегодняшнего дня.

Она слишком хороша. Слишком сладкая, слишком сексуальная, слишком реальная.

Он отпустил ее руки, и она сразу потянулась к нему. В эти несколько секунд открылась правда.

— Я хочу, чтобы ты полностью обернулась вокруг меня, пока не почувствуешь, как сильно я тебя хочу. Я хочу, чтобы ты почувствовала мое желание, чтобы знала, как заставляешь меня чувствовать, когда ты рядом, потому что я хочу, Джемма, быть для тебя всем, в чем ты нуждаешься.

Он поцеловал ее, медленно погружаясь в нее, желая запомнить каждую восхитительную секунду. До сих пор ощущая во рту вкус ее желаний, рождая потребность оказаться гораздо глубже. Он чувствовал ее грудь, прижатую к его, ее пальцы, надавливаемые на его поясницу. Запах ее возбуждения смешался с ее собственным уникальным сладким запахом — запахом Джеммы. Когда он был похоронен нереально глубоко, то почувствовал, как они стали одним целым, он посмотрел в ее глаза, пораженный безмолвными эмоциями.

Их губы сомкнулись, находя свой, необходимый им ритм. В течение нескольких секунд они дико сминали шепот и поцелуи, и смех, и о, мой Бог! Прямо сейчас. Она обвила ноги вокруг его талии, что позволило ему и дальше погружаться в нее. Когда они достигли ошеломляющего пика, когда посыпались звезды и Земля перевернулась, они поглотили крики наслаждения друг друга.

Скользкие от пота, они не знали, где начинался Трумэн, а где закончилась Джемма. Он потерялся: в ней, с ней и для нее. Страсть до краев наполняла ее глаза, когда она потянулась к нему, а он встретил ее на полпути в горячем и удивительном поцелуе, со всей глубиной и эмоциями, зная, что это все — только начало.

Глава 16

Джемма прислонилась к дверному косяку спальни, одетая в одну из рубашек Трумэна, подол которой почти достигал ее колен, слушая, как он пытался накормить Линкольна с бутылочки. Сейчас было четыре тридцать утра, и он был одет в пару черных боксеров и футболку. Она не могла дождаться, когда снова окажется в его руках. Они дважды занимались любовью, после чего она удовлетворенно уснула в его объятиях и проснулась от того, что начал плакать Линкольн. Трумэн встал с кровати с возмущенным стоном и сожалением об упущенном сне. Но все-таки предложил Джемме немного поспать, когда она предложила покормить Линкольна.

Он поставил бутылочку на комод, и Джемма положила себе на плечо тряпочку для

отрыжки, кивком показывая ему, чтобы отдал ей ребенка. Она любила эти моменты с детьми и любила улыбку на лице Трумэна, которая появлялась, когда он укладывал ребенка ей на руки и терся носом о ее нос в эскимосском поцелуе.

— Когда я была маленькой, — прошептала она, нежно поглаживая Линкольна по спине, — я пришла домой и спросила об эскимосских поцелуях. Я только знала, что они существуют, и чувствовала, что пропустила, что-то очень веселое. Мои родители не смогли мне подарить ни одного такого поцелуя, это так тяжело? Просто потереться своими носами о мой в течение одной секунды. Вместо этого я прослушала целую лекцию о том, как это грубо — называть их «эскимосскими поцелуями», и что маленькие девочки не должны спрашивать о поцелуях.

Трумэн подошел ближе и прижался губами к затылку Линкольна. Затем наклонился и снова потерся носом о нос Джеммы.

— Начиная с сегодняшнего дня, ни один день не пройдет без «эскимосских поцелуев». Я тебе обещаю.

Как может столь незначительное значить так много?

Она нежно его поцеловала, и Линкольн, наконец, отрыгнул. Они оба улыбнулись. Она положила ребенка обратно в его кроватку, погладила его маленькую головку, а затем они вернулись обратно в свою импровизированную спальню.

— Однажды ты станешь удивительной матерью, — сказал он, когда они забрались в кровать. Тру просунул одну руку под ней, она положила голову ему на грудь, и он поцеловал ее в макушку.

— Может быть, — сказала она немного несчастно.

Он сильнее сжал руки вокруг нее.

— Определенно точно. Разве тебе не хочется своих собственных детей? Я только предположил...

— Моя любовь к детям похожа на злую шутку Бога, — она попыталась закончить эту игру, но тугой узел скрутился внизу ее живота. В прошлом она всегда переживала о том моменте, когда придется рассказывать людям, что она не может иметь детей, но у нее не было такого страха перед Трумэном. Он открылся ей, и ей хотелось сделать то же самое — отдать ему и разделить с ним свои глубинные переживания. Даже самые тяжелые из них.

— Почему?

Она положила руку ему на талию, черпая от него силы, подобно перекачиванию крови.

— Для того, чтобы на самом деле понять злую шутку, нужно иметь понятие об остальной части моей жизни, но я не хочу тебя утомлять.

Он приподнял ее подбородок и поцеловал в губы.

— Пожалуйста, утоми меня. Я хочу знать все о тебе.

Она с трудом сглотнула, собирая все свое мужество, чтобы начать рассказ с самого начала.

— Я уже говорила тебе, что все, что я когда-либо хотела от своих родителей, это не материальные ценности. Но мне не хватало не только их времени и внимания. Я не уверена, что они действительно были способны кого-то любить.

Его пальцы в успокаивающем жесте коснулись ее волос, а потом спины. Она закрыла глаза, упиваясь его умением точно знать, что ей нужно.

— Ты знаешь о моих постоянных нянях и до смешного стою графике, но когда ты кого-то любишь, по-настоящему любишь, к примеру, как ты любишь Линкольна и Кеннеди,

или как ты любишь Куинси, не обращая внимание на его нынешнюю ситуацию, ты не отвернешься от них, — ее горло сдавило от печали и злости, с которыми она впервые повстречалась еще много лет назад.

Он подтянул ее выше, крепче прижимая к себе, и заправил прядь волос ей за ухо. Она сфокусировалась на тату на его груди, напоминая себе о том, что его утрата была гораздо больше, чем ее.

Трумэн нежно приподнял пальцами ее подбородок и снова заглянул ей в глаза. Большим пальцем погладил ее щеку в успокоительном жесте. Именно такая поддержка придала ей мужества продолжить рассказ.

— Когда мне было восемь, инвестиционная компания моего отца переехала на юг. Я была только ребенком, так что мне мало что объясняли, но я многое подмечала и знала — что-то не так. Он был зол все время. Нервничал. А мой отец никогда не нервничал. Он не был слабым. Он говорил мне, что слабость порождает некомпетентность. Это было великое высказывание, и мне кажется, я не до конца понимала, что оно значит, но говорила, что понимаю, ну, ты знаешь, как это делают все дети. Потом начали происходить все эти странные вещи. У него был автомобильный парк, и он уменьшился. Моя мать всегда была холодной, но стала еще холоднее, злее, так, что они едва два слова могли сказать друг другу. И в один из дней одна из моих нянь пришла, чтобы забрать меня из школы, и я никогда не забуду тот день. У меня было так много нянь, иногда они менялись через день, но в этот раз они послали Бэна. Бэн был лучше других. Не любящим, но когда мне было грустно, он поднимал мой подбородок и говорил: «Подбородок, маленькая леди, солнце все еще светит».

Трумэн внимательно слушал, его глаза наполнились сочувствием.

— Бэн был огромный, как и ты. Он носил черный костюм. Они всегда были одеты в черное, все мужчины и женщины, которые работали на моего отца, потому что у него была безумная потребность в профессионализме. «Выгляди уверенно. Будь уверенным». Я начала ненавидеть слово «уверенность» и боролась против того, чтобы носить черное, даже туфли. Я была немного надоедливой ребенком в этом смысле, — старый гнев отозвался спазмом в животе. — Мой отец беспокоился о том, что носит его персонал, но не мог подарить мне чертов эскимосский поцелуй?

Слезы стекали вниз по ее щекам. Она не могла и не хотела их останавливать, глубоко погрузившись в воспоминания, переживая их, как будто это было вчера.

— Я никогда не забуду Бэна, который опустил вниз свое большое тело и опустился на колени рядом со мной. Он взял обе мои руки в свои, и я знала, что что-то не так, потому что никто из сотрудников никогда так до меня не дотрагивался. Она положила ладони Трумэну на грудь, вспоминая, как чувствовались руки Бэна на ней.

— Он держал... — она всхлипнула сквозь слезы, заставляя слова литься. — Он держал меня за руки и смотрел прямо в мои глаза с этим извиняющимся, но одновременно строгим взглядом, и он сказал: «Твой отец умер. Пришло время ехать домой, маленькая леди». Как будто я могла еще что-то сделать. Как будто это было нечто, что каждая маленькая девочка когда-то должна услышать.

Трумэн прижал ее к себе.

— Милая. Мне очень жаль.

Ее грудь сжалась, а пальцы впились в его кожу.

— Мой отец, человек, который проповедовал силу, был слишком слаб, чтобы столкнуться лицом к лицу с банкротством. Поэтому он принял решение покинуть нас. Я

хотела иметь отца, — ее последние слова утонули в рыданиях. Она плакала так, как будто не пролила не слезинки за все эти годы после смерти отца, она избавляла свое тело от рек гнева и злости, океана боли и разочарования, пока у нее просто не осталось слез, чтобы плакать. И Трумэн держал ее крепко, в безопасности, бормоча слова поддержки, пропитанные любовью. Он не должен был говорить, что любит ее. Она знала это, она ощущала любовь в каждом его вдохе.

Только тогда она смогла проглотить всю свою боль и до конца раскрыла ему правду.

— В то время, когда моя мама и я должны были подбадривать и поддерживать друг друга, чтобы попытаться понять, как жить дальше, она отправилась на поиски своего следующего спонсора. Вместо того, чтобы пережить горе с дочерью, моя мать исчезла. Я видела ее даже меньше, чем раньше. Число моих нянь сократилось до двух, и я находилась под их опекой каждую минуту дня. Я ела в компании с одной из них, стоя рядом со столом, как будто была заключенной, без обид, и я просыпалась в одежде, выбранной для меня, и один лишь Господь знал, где моя мать. Она вышла замуж через пять месяцев после смерти отца. Мой новый отчим много путешествовал, и она отправилась с ним.

Джемма потянулась вверх и села, чтобы видеть лицо Трумэна. Она знала, что ее глаза были, вероятно, красными и опухшими, и у нее, наверное, был огромный нос, как у Рудольфа, но Трумэн был достаточно храбрым, чтобы признаться ей в более серьезных вещах. Она обязана ему и самой себе быть столь же честной.

— Я выросла среди скандалов, поэтому я говорила, что забросаю своих детей любовью, а не вещами. Я никогда бы не игнорировала их, даже если бы они капризничали или во что бы то не стало хотели поделиться глупой историей. Вообще никогда.

— Ты бы искупала своих детей в любви. И это как подарок для меня и их. Ты беспокоилась, что будешь похожа на свою мать?

Она покачала головой, желая, чтобы все это было так просто.

— Нет. Я чувствую слишком много, чтобы быть холодной. Такие люди, как ты и я? Мы не можем отключать наши эмоции. Жестокая шутка в том, что когда я была подростком, и у всех моих подруг начался цикл, у меня он так и не приходил. Оказывается некоторым мечтам не суждено сбыться. Я родилась без матки и с укороченным... эммм, — эту часть было признать гораздо труднее, несмотря на то, что она давно смирилась с этим. Это было не совсем то, что хочет рассказать любая женщина своему парню.

Трумэн смотрел на нее с таким сочувствием, что это сделало признание немного легче, чтобы продолжить.

— С укороченным влагалищем. Это называется синдром МРКХ (*Прим. Синдром Рокитанского-Кюстнера-Майера-Хаузера является патологией внутренних половых органов женщины, при которой у нее от рождения отсутствуют или находятся в недоразвитом состоянии влагалище и матка*). Это не наследственное или генетическое. Это редкий врожденный дефект. Я не хотела вывалить это все на тебя, понимаю, это слишком много информации, но я не хотела рассказать только половину истории. Я никогда и никому не говорила об этом, кроме моей лучшей подруги.

Она отвернулась, смутившись. Нежным прикосновением он снова повернул ее лицо к себе.

— Свалить на меня это? Это твое тело, и нет ничего отвратительного в этом. Честно говоря, я не заметил ничего необычного... там, внизу. Заниматься с тобой любовью было самым прекрасным опытом в моей жизни. На самом деле.

Тру поцеловал ее так жестко, что она захотела, чтобы он целовал ее вместо того, чтобы рассказывать остальную часть истории, но она, поразмыслив, решила, что хочет, чтобы он знал все.

— Это потому, что существуют чудеса медицины. Я перенесла несколько операций, когда была моложе, чтобы исправить эту часть, но я никогда не смогу иметь собственных детей, — она положила руку на свой бесплодный живот. — Я никогда не узнаю, как это — чувствовать, когда внутри тебя растет ребенок.

— О, милая. Мне так жаль, — его голос был полон сожаления.

— Спасибо, но на самом деле мне повезло. Я родилась с яичниками, так что в один день могу использовать суррогатное материнство, если когда-нибудь решусь на этот шаг. Кто-то все же сможет родить моих детей.

— Я не буду притворяться, что знаю, каково это — быть женщиной и не быть способной выносить собственных детей, но что я знаю точно, так это то, что любой ребенок, которого ты будешь воспитывать, будь он твой собственный или нет, будет чертовски счастлив.

— Тебя не беспокоит то, что я не смогу забеременеть? — спросила она осторожно.

Нежная улыбка появилась на его красивом лице, и он снова покачал головой, снова возвращая ее в свои объятия, на этот раз нежнее, понимая, что никто не сможет обездолить его, он итак отдал ей все, что имел за душой.

— Нет, милая. Это меня не беспокоит.

Он прижался губами к ее губам в серии медленных, пьянящих поцелуев, разгоняя все ее страхи.

— Есть одна вещь, которую я понял с Кеннеди и Линкольном, — сказал он тихо, — это то, что они твои, в традиционном понимании или нет, не имеет значения. Сердце не заботит родословная или биологические родители. Это просто знание, знание и умение любить, так же как наши легкие знают, как дышать.

Глава 17

В течение следующей недели Трумэн и Бэр установили забор вокруг детской площадки со стороны двора и начали ремонтные работы в офисе. По вечерам Боунс и Буллет приходили помогать, а Джемма и Дикси, которые стали близкими подругами, брали детей на прогулку или сидели с ними во дворе, пока Трумэн с ребятами работали. Чаще всего они сидели и обедали вместе, грелись, лежа на спине, и играли с детьми. Они еще не начали строить перегородку в своей квартире, но они обязательно до нее доберутся. С кормлением Линкольна рано утром и ремонтными работами поздно вечером, дни Трумэна были длинными и утомительными, но он не переживал из-за тяжелой работы, ведь он делал ее вместе с друзьями.

Его взгляд метнулся к Джемме, которая держала на руках его малыша. Она выглядела сексуально в паре обрезанных шортиков, белой майке и розовой толстовке, когда шла по траве к Кеннеди, которая очаровательно выглядела в розовых легинсах и толстовке, которую он купил ей в первую ночь, когда они встретились. Прошло восемь дней с тех пор, как они впервые занимались любовью, и их сексуальная жизнь стала горячее, а любовь становилась все глубже с каждым днем. Независимо от того, каким уставшим он был в конце дня, все, что ему требовалось, это одна из нежных улыбок Джеммы, чтобы взбодрить его. Каждую ночь, после того, как дети засыпали, Тру с Джеммой падали в объятия друг друга, забываясь в

животной страсти и нужде. А после, насытившись друг другом, они занимались любовью. Два совершенно разных чувства, оба интимные и важные, и оба приносящие невероятное удовольствие. У него были проблемы с запоминанием времени, до того как он встретил ее.

Она помахала перед ним рукой, как будто он отключился от мира, и прошептала:

— Если ты продолжишь так на меня смотреть, то сожжешь мою одежду, — затем поднялась на цыпочки и поцеловала его.

— И это было бы плохо, потому что...?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она переложила Линкольна на плечо и шлепнула Трумэна по заднице.

— Сохрани его до того момента, когда мы вернемся в постель, мальчик любви. Если ты сейчас сожжешь мою одежду, то мы не доберемся до пляжа.

Он жил там полгода, но так и не спускался к гавани. Этот вечер был идеей Джеммы. Дети должны узнать общество, в котором живут. Что может быть лучше прогулки по воде и сладкого вафельного рожка? Она знала, как быть семьей. Просто это была еще одна вещь из длинного списка, которую он в ней обожал. Хотя большую часть ночи она провела у него на квартире, он все равно оставлял ей рисунки утром на двери магазина, как делал прежде. Он боялся распространяться о призраках своего прошлого, но Джемма не боялась демонов, которые создали эту непроглядную тьму в его душе, и это стало его очищением от яда, снедающего его изнутри. Их совместная жизнь текла плавно, и Трумэн начинал чувствовать, что у него есть настоящая семья. Если бы он только мог протянуть руку Куинси, но тот снова выстроил стену между ними.

— *Молозеное*, — прозвенела Кеннеди.

Кеннеди сунула ему в руки пучок полевых цветов, напоминая о том, что говорила Джемма о желании просто бегать по лугу и быть обычным ребенком, когда она была моложе. Его удивило то, что в ней не было злобы, несмотря на ее воспитание. Любовь, которую она дарила ему и детям, заставляла его иногда чувствовать себя эгоистом, получая ее так легко.

— Мы уже уходим, милая, — Джемма погладила Кеннеди рукой по волосам, распутывая своенравный пучок и снимая розовую заколку.

Это была лишь одна из тех небольших вещей ради детей, для которых Джемма находила время, что заставляли его задуматься о ее детстве. Кто закалывал ей заколками волосы, когда она была маленькой девочкой? Ее няни? Или это была еще одна вещь, которую она упустила в жизни?

Они спускались вниз к «Сладким Губкам». Еще одно «впервые» для Трумэна. Возле небольшого строения фисташкового цвета высились две громадные скульптуры рожка с мороженым. Он поднял Кеннеди на руки, а она приняла позу, пока Джемма фотографировала их. Есть вместе с детьми мороженое — это казалось таким нормальным, это нужно сделать обязательным для большинства людей. Но он был так занят, пытаясь удержать на плаву себя и Куинси, когда они были детьми, что кафе-мороженое даже не возникало на его радаре. Теперь его мозг промчался открывающимся возможностям. Может ли жизнь быть такой, как эта? Нормальной? Он настолько сильно хотел этого, что становилось плохо.

Удерживая Линкольна одной рукой, другую он накиннул на плечо Джеммы и наклонился для поцелуя.

— Спасибо тебе, — произнес он тихо.

Она посмотрела на него с любопытством:

— За что?

— За еще одно мое «впервые» и, возможно, если бы я не встретил тебя, то пропустил бы эти моменты, — она не только расширила рамки его мира и мира детей, она его изменила, даже не пытаясь это сделать. Он больше не чувствовал себя как, будто его удел — вечно что-то охранять.

Он придержал дверь для Джеммы, чтобы она могла спокойно пройти.

— Джемма! — на вид девушке, что приветствовала их, было лет двадцать с небольшим. Волосы были завязаны в неряшливый пучок и больше похожи... на солому? Вымыв руки и вытерев их полотенцем, она обошла стойку, ярко улыбаясь: — Кто достал тебя, чтобы ты появилась здесь сегодня? — она присела напротив Кеннеди.

Кеннеди передвинулась за ногу Джеммы и взглянула из-за нее на дружелюбную женщину. Джемма обняла Кеннеди и погладила ее по спине, успокаивая, так сладко, что естественно сердце Трумэна не выдержало и ухнуло вниз.

— Привет Пен, это Кеннеди, — Джемма опустилась на колени рядом с Кеннеди, — Кеннеди, это мой друг Пенни, она любит давать маленьким девочкам рожки с мороженым.

Кеннеди с опаской посмотрела на Пенни. Она вышла из своей скорлупы дома, но на людях где было много незнакомцев, по-прежнему терялась.

— Какой твой любимый вкус? — спросила Пенни.

Джемма взглянула на Трумэна:

— Мы для того и здесь, чтобы это выяснить, — она подняла Кеннеди на руки и подошла к витрине с мороженым. — Я думаю нужно попробовать несколько.

— Такая девочка мне по вкусу, — сказала Пенни, — она поднялась на ноги и улыбнулась Трумэну. — Но, для начала, кто этот татуированный молодой человек с ребенком на руках, который идет прямо за вами? Сталкер?

— Я не могу поверить, что не познакомила вас, — она коснулась руки Трумэна, глядя на него так, что выражение ее лица заставило его внутренности сделать кульбит. — Это мой парень, Трумэн. А этот маленький парень, — она погладила Линкольна по щечке, — его маленький мальчик. Брат Кеннеди.

Эти пять слов заставили его потерять бдительность.

Мой парень и его малыш. Трумэн раньше никогда не был чьим-то парнем. Слышать, как Джемма спокойно об этом говорит, так охотно и с гордостью в глазах, усиливало важность ее роли в их жизни. Для них обоих. Услышав, как Джемма назвала Линкольна его маленьким малышом, ему хотелось исправить это, они стали настолько близки, даже дети чувствовали, что они не только его, но он держал язык за зубами.

— Парень Джеммы? И вы идете в пакете вместе с этими двумя очаровательными детьми? Где же ты его прятала? — Пенни подошла и обняла его. Она сжала его бицепсы, а потом похлопала его по животу.

Трумэн посмотрел вверх ее головы на Джемму, которая смеялась над его неудобствами.

— Приятно познакомиться и с вами тоже, но у меня нет оружия, так что не падайте духом.

— Падать духом? Ха! У меня отличное настроение, — Пенни рассмеялась и вернулась за прилавок, — Я должна почувствовать все, пока могу.

— После того, как она получит все, — сказал Джемма.

Трумэн любил собственнический блеск в глазах Джеммы.

Кеннеди попробовала кучу вкусов, и, в конце концов, остановилась на праздничном торте, а когда они сделали заказ, на него нахлынула печаль. Он был уверен, что Кеннеди никогда не получала торт ко дню рождения. Он посмотрел на Джемму, которая, по-видимому, задумалась о том же. Они были настолько синхронны, в спальне и вне ее, что это никогда не перестанет его удивлять.

К тому времени, как они прощались с Пенни, Кеннеди вышла из своей скорлупы. Она одарила ее сладкой улыбкой и полным ртом мороженого, перед тем как они вышли на улицу.

— Давайте возьмем коляску и спустимся вниз к пляжу. Этот вечер слишком прекрасен, чтобы ехать домой, — Джемма открыла багажник своего автомобиля, и Трумэн передал ей Линкольна, чтобы достать сложенную коляску. Эта девушка принесла столько радости в его жизнь и жизнь детей. Он не мог больше ждать, чтобы показать ей, как она его изменила. Он покажет ей этим вечером, когда они вернуться с прогулки, и он закончит картину, которую начал, как казалось, целую жизнь назад. Демоны, которые стимулировали каждое его действие, трансформировались в нечто иное, что нашло отражение в его последней картине. Впервые с тех пор, как он был подростком и впервые начал рисовать, уединившись на свалке, он хотел поделиться ею с женщиной, которая своим светом разогнала его тьму.

— Разве Пенни не классная? — голос Джеммы вытащил его из своих мыслей.

— Да. Пенни всегда такая?

— Да. Она вся такая бунтарка, не находишь?

Он посадил Кеннеди в коляску, а затем опустил детское кресло, и, укутав Линкольна в одеяло, уложил его. Он притянул к себе Джемму, соприкосновение их тел рождало тепло.

— Я не люблю, когда другие женщины прикасаются ко мне.

Джемма поднялась на цыпочки и прижалась губами к его губам в поцелуе со вкусом мороженого:

— Я думаю, что это делает тебя идеальным парнем.

— У нас не достаточно фотографий? — спросил Трумэн, поднимая Кеннеди на руки и отряхивая от песка ее маленькие босые ножки.

Джемма улыбнулась, зная, что у него есть больше миллиона. Трумэн построил вместе с Кеннеди замок из песка. Они собрали много ракушек, чтобы положить дома в вазу и наблюдали за заходом солнца, пока Кеннеди пыталась опережать волны, карабкаясь вверх по берегу. Джемма сделала тонну фотографий. Одна из них стала ее любимой, она сделала ее, когда Линкольн вредничал. Это была красивая фотография с восходящей луной на заднем плане и Линкольном, спящим как в колыбели на груди Трумэна. Трумэн смотрел на Линкольна так, как будто это было самое захватывающее из всего, что он видел, и маленькая ручка Линкольна тянулась к его щеке.

Это был самый прекрасный вечер, который Джемма могла вспомнить.

— Ты счастлив, когда у тебя есть дети, — она сунула телефон в карман и помогла Трумэну посадить Кеннеди в коляску. — Нам нужно сделать фотоальбом, чтобы мы смогли смутить Линкольна перед его первой подругой и Кеннеди перед ее выпускным вечером, или когда она будет выходить замуж. Это важные обряды, пройти которые мечтает каждая маленькая девочка.

— А ты проходила через эти обряды? — он толкнул коляску на дорожку и притянул

Джемму к своему боку.

Она посмотрела на его красивое лицо. Он так тяжело работал в последнее время, но выглядел более расслабленным, чем она когда-либо видела, а затем поняла, что тоже была более расслаблена в последнее время. Трумэн был к ней настолько внимательным, и каждый раз, когда видел ее, он спрашивал, как прошел ее день, и счастлив был видеть ее, они даже строили совместные планы. Это такое прекрасное чувство — быть обожаемым и желанным. Возможно, они пришли из разных миров, но в какой-то момент они объединились, потому что он понимал ее как никто и никогда.

— Нет. Добавим все наши фотографии, — призналась она, вспоминая те ужасные времена, когда ей говорили, как стоять, что носить и насколько широко улыбаться. Глубоко внутри она задавалась вопросом, если она ухватится за эту надежду, и все мечты станут реальностью, как и человек, который будет счастлив жить с ней, не заставляя ее ежедневно чувствовать, что она не так хороша и совершенна, как ее родители. Трумэн смог стереть этот глубочайший страх. Единственная вещь, которую он хотел, это она.

— Ну, тогда, мне придется много тебя фотографировать, когда ты об этом не знаешь, — он обернул руку вокруг ее шеи и сказал — Я влюбился в тебя Джемма. Я хочу все сделать правильно вместе с тобой.

Он был настолько серьезным и заботливым, с гораздо более глубокой душой, чем любой другой человек, которого она встречала. Влюбился? Она перегнулась через край. Мурашки побежали по коже.

— Я тоже влюблена в тебя.

Группа парней проходила мимо, и он еще крепче сжал ее. Она любила его, так что в ней разжегся собственнический инстинкт. Она поймала его взгляд, наблюдающий за парнями на пляже, которые заметили ее, стреляя в них глазами. Она заметила, что это был тот же взгляд, какой он применяет, защищая детей. Когда Кеннеди побежала к волнам, он сделал то же самое, выглядя великаном рядом с миниатюрной девочкой. И когда люди заглянули в коляску, чтобы посмотреть на красивого ребенка, а Линкольн был очень красивым ребенком, с его пушистыми рыжеватыми волосами и сливочным цветом кожи, Трумэн стоял с одной стороны от малыша, наблюдая за незнакомцами как ястреб. Но прямо сейчас он был полностью сосредоточен на ней, и она никогда не чувствовала ничего более невероятного или более жаркого.

— Я чертов счастливчик, — он притянул ее для другого необыкновенного поцелуя.

Дети уснули в машине на обратном пути домой, а Джемма мысленно летала в облаках, пока они укладывали детей в кровати. Трумэн включил радио-няню, как он делал каждый раз, когда они выходили в гостиную, после того, как уложили детей, и брал ее за руку, когда они покидали комнату детей. Как только он закрыл дверь, то зафиксировал ее руки над головой, прижав к стене своим телом, и поцеловал. Поцелуй прожигал своей силой настолько, что все полыхало от похоти и жара. Его бедра вжались в ее, когда он углубил поцелуй, постанывая и посылая вибрации в клетки ее мозга.

Когда их губы разомкнулись, она прикусила его нижнюю губу и немного потянула:

— Я почти умираю от желания заниматься этим всю ночь.

Он затянул ее в следующий потрясающий поцелуй. От него пахло морем и песком, унося ее на крыльях желания утонуть в нем.

— Пойдем со мной, — прошептал он ей в губы.

Она пойдет за ним куда угодно. Сделает с ним все, что он хочет.

Если бы только ее ноги могли двигаться.

Его губы изогнулись в удовлетворенной улыбке:

— Боже, я обожаю, когда с тобой это происходит, — он обернул руку вокруг ее талии, приблизившись к ней. — Давай, сладкая. Я хочу кое-что тебе показать.

Он схватил радио-няню, запер дверь и повел ее на улицу, снова целуя, направляя ее вниз по лестнице.

— Хочет ли одноглазая змейка поиграть в траве сегодня вечером? — вопрос звучал глухо и грязно, и было горячо, как в первый раз, а от них обоих буквально разлетались искры.

Спустившись, он снова прижался к ее губам, осыпая восхитительными поцелуями.

— Моя змейка всегда хочет поиграть в твоей травке, — он потерся носом о ее, — и сердце пропустило удар. — Но я хочу кое-что тебе показать, прежде чем сорву с тебя одежду и сделаю разные грязные вещички с тобой.

— Ммм. Мне нравится эта идея «грешного пути», — она проследовала с ним через ворота к свалке, держась за него как можно крепче. Она никогда там не бывала, вокруг было очень темно.

Трумэн достал из кармана свой телефон и включил на нем фонарик, освещая кучу ржавых и изувеченных автомобилей.

— Не двигайся, — сказал он, удерживая ее напротив себя.

— Зачем? Ты собираешься уйти и укусить меня? Потому как кажется, будто здесь живут монстры, — она схватила его за руку, и он усмехнулся.

— Нет. Потому что хочу, чтобы ты была рядом со мной, — он улыбнулся ей сверху вниз, направляя фонарик на землю. Даже в темноте она видела тепло в его глазах. Он снова поцеловал ее долго и мучительно медленно, успешно стирая все ее беспокойство.

Он обвел ее вокруг фургона, и когда поднял фонарик, море призраков ожило. Она крепко вцепилась в него, впитывая пугающие картинки. Темные глаза, затуманенные мучениями и безжизненные, клешни, клыки и скелеты, выпадающие из дверных проемов. Изможденные мужские лица со стеклянными глазами находились в водовороте дыма, направленного от злых взглядов и искривленных ртов. Каждый автомобиль в поле ее зрения служил полотном для рисунков. И она знала, что это были призраки прошлого Трумэна. Она передвигалась на дрожащих ногах, скорее не от страха, а от суровой реальности, отравляющего прошлого, которое окружало их. Ужасающие, невероятно подробные художественные образы ожили на автомобильных дверях, капотах и боковых панелях. Злодеи были нарисованы с внутренней стороны стекла, царапали его когтями, пытаясь выйти. Она никогда не видела ничего подобного, не видела оживших страхов, ненависти и уязвимости, изображенных на его эскизах. Все изображения были сделаны в оттенках черного и серого, и все это было настолько реально, что она могла чувствовать их пульс и дыхание.

— Тру, — должно быть, она отпустила его, не осознавая этого. Он обнял ее за талию, затем прижал к себе, и они уже вместе продолжили путь по лабиринту жизни Трумэна.

Лица с густыми бровями и тощими бородами искоса смотрели на них невидящими глазами. Она остановилась позади фургона, впитывая образ маленького мальчика, свернувшегося в позе эмбриона в том, что выглядело как гнездо гигантской птицы. Птица с длинными зазубренными когтями вылетела из темного облака выше, она была настолько яркой и реалистичной, что Джемма буквально почувствовала ее дыхание и отшатнулась от Трумэна. Он притянул ее ближе, и они обошли фургон, направляясь к длинному черному

автомобилю с отсутствующей крышей. На боковой панели был точный портрет Трумэна: высокий парень, одетый в синие джинсы. Луч яркого солнечного света опускался вниз к руке, образуя ладонь на его спине, которая будто бы направляла его вперед. Ноги также были вырисованы очень четко. У Джеммы перехватило дыхание при виде мучительной красоты перед ней. Это был единственный раз, когда был использован другой цвет в картинах сердитого мира, изображенного в черных и серых цветах. На дверной панели был изображен ребенок, его руки и ноги тянулись вверх, и улыбка расцветала на губах. Взгляд на клочок волос цвета клубники — и у нее образовался комок в горле. Линкольн. Присевшая рядом с ним девочка совершенно точно была Кеннеди, одетая в розовое платье, одна маленькая ручка тянулась к Линкольну, другая к передней панели, в направлении... *ее*.

Она едва могла дышать, когда увидела себя глазами Трумэна. Она носила яркий желто-зеленый комбинезон. Он изобразил два прозрачных крыла, растущие из ее спины. Ярко золотой и белый цвета сверкали на темном фоне. Одна рука была протянута к детям, другая тянулась выше, как и ее взгляд, — к Трумэну. Джемма попыталась набрать в легкие воздух, она смотрела, внимательно проследив за полоской солнечного света, который вился вокруг Трумэна, под детьми и на две руки, обнимающие их. Свет проделал петлю вокруг талии Джеммы, как кнут, от чего она смотрелась единым целым с лучами света, который словно притягивал их друг к другу.

Трумэн поднял свой телефон выше и осветил на окно автомобиля. Тени парили над изображением человека, которого она видела возле мастерской ночью, когда забирала свою машину. Куинси. Еще один кусочек света остановился поблизости, но не охватил его. Как будто Трумэн никогда не достигнет своего брата, но он знал, что только Куинси должен сделать следующий шаг. И в этих темных облаках было лицо женщины. Женщины, с которой она была незнакома, но видела ее в лицах своих детей.

Джемма повернулась к Трумэну и схватила его за рубашку, пытаясь освободиться от воздействия увиденного. Его лицо было маской печали и надежды, силы и решимости. Этот мужчина, этот невероятный человек должен быть слишком изранен, чтобы знать, что значит любить. Слишком сломан, чтобы принять жизнь. И все же, он стоял здесь, собравшись с силами силами, раскрывая свои слабости и страхи, обнажая истерзанную душу. Он был сильнейшим из людей, которых она знала, и она хотела его, его всего.

Ее руки сомкнулись вокруг его шеи, располагаясь на его тугих мышцах, притягивая его лицо ближе к себе. Противоречивые эмоции сверкали в его глазах, но она потянула его сильнее, желая разделить с ним его борьбу. Он знал беды, отчаяние и лишения. Он выжил, спасая своих братьев, сестру и мать. Он должен был разрушиться, но его болезненное прошлое одарило хладнокровием и достоинствами, которые наложили печать его красивое лицо. Он положил телефон на землю и схватил ее за руки своими сильными руками. Она знала, что он мог видеть, что она прочувствовала все, что он показал ей, будто вместе с ним прошла через ад. Он должен был увидеть бушующий огонь в ее глазах, обжигающий кожу, а также ощутить сексуальную пульсацию. Если бы он только почувствовал ее потребность быть ближе к нему. Мощные эмоции, которые не могли остаться незамеченными.

— Я хотел, чтобы ты увидела, как повлияла на меня, — сказал он сдержанным голосом, в котором звучала похоть. — Ты делаешь жизнь нормальной и счастливой, и предоставляешь возможность ее сделать такой, какой только захочется, — он повернулся и посмотрел на невероятно красивые картины, где он нарисовал Линкольна и Кеннеди. — Для них, — он повернулся к ней лицом, — для нас. Я не боюсь раскрыть перед тобой свое прошлое, потому

как знаю, что ты примешь его. Ты примешь меня и поможешь мне справиться с ним и выбросить из головы.

Он прижался к ней всем телом, нуждаясь в тепле, в пламени, которое обжигает как молния. Он схватил ее за бедра, соединяя их тела в одно. Необходимость быть ближе росла внутри нее как вулкан, готовый к извержению. Кожа. Ей нужно было почувствовать его кожу. Она разорвала на нем рубашку, сняла ее через верх и изогнулась, когда начала целовать его грудь. Она провела языком по его соску, и он застонал, его пальцы впились в ее тело. Она снова сделала это, провоцируя его, и он обхватил ладонями ее за лицо, приподнимая вверх, чтобы у нее не было выбора, кроме как смотреть в его серьезные темные глаза.

— Я пришел сюда после того, как сказал тебе, что сидел в тюрьме, — сказал он решительно, почти сердито, хотя он был не в том состоянии, чтобы возвращаться в тот день, первозданная страсть прокладывала путь между ними. — Я думал, что это ярость выливалась из моих рук, но... — он сжал челюсти, придвигая ее ближе, его дыхание участилось. — Была только ты, Джемма. Твое лицо, твои слезы. Твои прикосновения к моей коже. Я мог бы попробовать твои губы своими губами, и ты бы не подпустила тьму ко мне. Ты мой свет, Джемма. Ты — все, о чем я когда-либо мечтал в жизни, и я знаю, что ты можешь получить любого мужчину, которого захочешь, но я чертовски счастлив, что ты выбрала меня.

Она смяла его губы в отчаянном порыве. Голова закружилась в вихре эмоций, когда он взял поцелуй под свой контроль, и она подчинилась ему. Поцелуй был быстрым и грубым, грязным и влажным, и таким чертовски жарким, что весь остальной мир исчез. Он срывал ее штаны, а она его, оба торопились, не желая нарушить поцелуй, пока избавлялись от одежды.

— Презерватив, — он схватил свои джинсы, доставая бумажник, она удержала его за запястье.

— Ты действительно чистый? Ты проверялся?

— Я бы не стал лгать.

— Возьми меня Трумэн. Только ты и никакой преграды между нами. Я хочу чувствовать всего тебя.

Он поднял ее на руки, оборачивая ее ноги вокруг своей талии, и она опустилась на его член, чувствуя крупную головку, которая ласкала ее чувствительные места, и каждый дюйм его толстого, твердого члена, пока он наполнял ее.

— О Боже, Трумэн.

Она прижалась к нему, склоняя голову так, чтобы суметь поцеловать его сильнее. Ощущала, как его сильные руки контролировали ее движения, ускоряя темп, пока он жадно трахал ее. И она чертовски любила его! Он знал, как двигаться, как брать ее грубо и жестко, а затем расслабляться в медленном темпе, пока она не попросит о большем. Он дразнил ее, оттягивая достижение оргазма, и она кружилась в водовороте распутных желаний.

Она впились ногтями в его плечи, разрывая их поцелуй:

— Быстрее. Пожалуйста, Трумэн. Возьми меня. Я хочу почувствовать, как ты теряешь контроль.

Ее спина коснулась стенки фургона, тем самым давая ему возможность вколачиваться в нее жестко и глубоко. Ноги покалывало, внутри нарастала пульсация. Когда он глубоко похоронил себя внутри нее, то уткнулся ей в волосы и прорычал ее имя, и внутри нее произошел взрыв эмоций. Ощущая каждый толчок его освобождения, каждый удар его

сердца, каждый рваный вздох, она не минуты не сомневалась, что не влюбляется в него, нет. Она уже давно любила его.

Глава 18

Осень пришла в Писфул Харбор, и как будто кистью художника окрасила все вокруг. Всплески красного, оранжевого и желтого цвета повсюду, и каждый оттенок, перерастающий от дерева к кустику вдоль дороги, целовали траву и тротуары, обещая в скором будущем голые деревья и холодные ночи. Промозглое утро принесло дополнительные объятия и ночи бесконечных занятий любовью, и Джемма не могла быть еще счастливее. Это были выходные дни перед Хэллоуином, пять недель прошло с того момента, как она встретила Трумена, и это изменило ее жизнь. Она провела большинство ночей в его доме, и, вероятно, было такое количество ее вещей в его квартире, что она стала считать ее своей.

Кристалл достала королевское синее платье. Оно было расшито бриллиантами, со шнуровкой на корсете и дерзким декольте.

— Как насчет этого? — она подмигнула и провела рукой по вырезу горловины, — Совершенно обнаженная шея, это идеально подходит для жемчужного ожерелья.

Они ходили по магазинам, покупая платья для благотворительного вечера по сбору средств, в то время как Трумэн и ребята заканчивали установку двери в их новую спальню. Она предложила взять детей с собой, но он настаивал на том, чтобы она сама вместе с Кристалл купила все необходимое. Он настолько все продумывал, всегда убедившись, что она не забывает про себя из-за него и детей. Она задавалась вопросом, когда он наконец-то поймет, что проводить время с ним и с детьми — ее самое любимое занятие.

Джемма рассмеялась и покачала головой:

— Я действительно не хочу туда идти в этом году.

— Джи, не могу поверить. Мы провели последние три недели, разыскивая подходящее платье по всем магазинам Писфул Харбор. Я знаю, что у нас еще есть много времени до этого события, но с такой скоростью... — Кристалл повесила платье на стойку и посмотрела в зеркало, затянув волосы в пучок. — Может, потому что ты сказала своему мужчине не идти с тобой?

— Ты шутишь? Я никогда не подтолкну его к знакомству со своей матерью и ее ворохом претензий. К тому же, мы с ним обсуждали это, и находиться там, где вокруг много незнакомых людей, слишком для Кеннеди.

Оба — и Линкольн, и Кеннеди, далеко продвинулись вперед за последние несколько недель. Линкольн попытался есть детское питание, но решил заменить еду пальцами и проспал всю ночь, которая стала знаковым событием. И хотя Кеннеди уже менее насторожено чувствовали себя среди незнакомых, люди, которые примут участие в благотворительном вечере по сбору средств, будут не совсем доброжелательными и гостеприимными. Она не собиралась ставить детей в такое положение, даже не хотела идти туда. В дополнение к детям она должна была принимать во внимание Трумэна. У него были свои заботы, и ни к чему был стресс от общения с ее ужасной матерью.

Кристалл отпустила волосы, и они свободно упали ей на плечи, когда она повернулась, и прищурилась, глядя на Джемму:

— Ты до сих пор не рассказывала свой матери о нем, не так ли?

Джемма отвернулась, делая вид, что разглядывает другое платье.

— Джемма Райт, о чем ты вообще думаешь? Если ты не скажешь ей, то она пристроит тебя к одному из тех чопорных придурков, как она сделала это в прошлый раз, и я не думаю, что Тру будет этому рад.

Вздыхнув, Джемма опустила плечи в поражении:

— Это в моем списке первостепенных дел, но ведь ты знаешь, как проходят разговоры с моей матерью, — она даже не хотела думать об этом. Она была счастлива. На самом деле, по-настоящему счастлива, а у ее матери была мания задавливать всех вокруг себя своим счастьем. К тому же, у нее было и без того достаточно головной боли. Трумэн до сих пор ничего не слышал от Куинси, и несмотря на то, что он не хотел об этом говорить, она знала, он переживает за брата.

— Я знаю, и когда она скажет, что ты встречаешься с ним, только чтобы продолжить протестовать против ее желаний, как и то, что он помешает твоему бизнесу, и будет уходить и бла-бла-бла, скажи, чтобы засунула это себе в задницу. Потому что я наблюдала за тобой и Трумэном, и я никогда не видела, чтобы ты смотрела на кого-то так, будто он — твой путь в жизни.

Джемма была рада, что Кристалл увидела, что она просто беспокоится о Трумэне, и у нее был пунктик по поводу матери. Она, видимо, обвинит дочь в том, что та назло познакомила ее с Трумэном. Но правда была такова, что мнение ее матери об отношениях с Трумэном не могли повлиять на ее решение быть с ним. То, что Джемма видела в Трумэне, — это те качества, которые ее мать никогда не заметит, даже если бы он носил костюм миллиардера. Как могла ее мать признать обычную заботу, не знающую границ, любовь, которая приходит в сердце, и твердое понимание, как правильно поступать в той или иной ситуации, когда она сама не обладает такими качествами.

Кристалл взяла Джемму за руку и потащила из магазина:

— Так, давай. Мы едем в Плезант Хилл, — Плезант Хилл находился в часе езды отсюда.

— Что? Почему? — она шла быстро, в ногу с Кристалл, когда они пересекали стоянку.

— Потому что тебе придется поговорить с ней, что означает, что ты расскажешь ей обо всех общественных новостях, о людях которых ты знаешь и о которых заботишься, и наверняка о неправильной дорожке в прошлом твоего мужчины. Она мгновенно начнет рвать у себя на голове волосы, — забираясь в машину, Кристалл подарила Джемме скромную улыбку. — Если она мучает тебя, то будет справедливо ответить ей тем же. Мы собираемся ехать к «Джиллиан».

«Джиллиан» был высококлассным и слегка нелепым магазином одежды.

— Мы едем покупать платье. О, Кристалл. Ты чудо.

Два часа спустя Джемма стояла перед трехмерным зеркалом, одетая в черное кожаное платье с подолом до пола и глубоким вырезом, достающим практически до пупка.

Джиллиан Блейден, владелица магазина и дизайнер многих из выставленных на продажу платьев, передвигалась на четырехдюймовых шпильках, как если бы она родилась в них. Она подвернула свои волосы, в которых чередовались бордовые и темные пряди, и заправила за ухо, медленно обходя Джемму по кругу:

— У тебя прекрасная фигура и лицо настолько утонченное и классическое, что дает вам элегантный и дерзко-сладкий образ, что не так часто можно встретить у женщин. Ты убьешь его своим видом, — она поправила лямки, а затем и складки на талии Джеммы.

— Она права, Джем, — согласилась Кристалл. — Но не позволяй Трумэну увидеть тебя в этом, потому что он измельчит это до того, как ты сделаешь первый шаг на улицу.

Внутренности Джеммы сделали кульбит, когда она представила руки Трумэна на ней. Она повернулась в сторону, любясь тем, как кожа облегла ее изгибы, от чего почувствовала себя сексуально и соблазнительно. Она хотела быть сексуальной и соблазнительной для Трумэна, но от идеи носить это платье на публике без него чувствовала себя неловко. Кроме того, она может довести мать до сердечного приступа, если покажется в нем. Как бы там ни было, она любила свою мать и не хотела испортить ей праздник.

— Моя мать сойдет с ума, если я приду в коже.

— Разве это плохо? — ухмыльнулась Кристалл.

— Я не знаю. Это забавная идея, но чем больше я думаю об этом, тем больше переживаю, во что это в конечном итоге выльется, и ночь будет еще тяжелее, чем уже есть. Я думаю, что мне нужен менее расфуфыренный и вычурный бунт.

Джиллиан взяла Джемму за руку и повела в сторону примерочной:

— Если причина только в этом, то я уверена, что женщина никогда не должна носить платье, в котором чувствует себя неуютно. Независимо от того, в чем причина, — она подтолкнула Джемму и задернула занавеску. — Сними это. У меня есть для тебя платье.

Джемма разделась, и уже через несколько секунд голос Джиллиан зазвучал за занавеской.

— Попробуй это, я думаю, это создаст правильный баланс неповиновения, и оно одно из моих любимых. Мой брат и я создавали его вместе, — она рукой отодвинула занавеску, и на Джемму упала масса черного мерцающего материала, отделанного кружевом.

— Твой брат тоже дизайнер? — она скользнула в платье через голову. Роскошный материал заскользил по ее коже, как шелк, обнимая плечи и бедра, а там разрез показывал ее правую ногу.

— Угу. Мой близнец на самом деле. Джакс. Мы создаем вещи вместе в течение многих лет, но его специальность — свадебные платья, — Джиллиан застегнула платье на спине и повозилась с плечами и талией, а затем отступила назад и оценивающе оглядела Джемму. — Безумно красивая. Иди к трехмерному зеркалу, а я захвачу каблуки.

Как только Кристалл заметила ее, следующую за Джиллиан из примерочной, она соскочила со стула и завизжала.

— О, черт возьми, Джемма. Ты выглядишь потрясающе.

— Правда? — она повернулась, чтобы посмотреть на себя в зеркало, и ее челюсть отвисла. Вырез был чуть ниже ключицы. Черное кружево, собранное в оборки, создавало видимость рукавов. Ткань облегла ее со всех сторон, подчеркивая талию и ниспадая вниз по бедрам. Она посмотрела через плечо назад.

Джиллиан опустилась перед ней на колени.

— Это удобно и сексуально. Вам не нужно ходить на заоблачных каблуках в этом платье, — она отступила назад, и ее улыбка сверкнула одобрением. Рыбий хвост подчеркивает талию и не показывал ничего лишнего, прикосновение кружева выглядит элегантно, а не вульгарно. Что ты думаешь?

— Я думаю, что хочу жениться на этом платье, — чувствуя всплеск бунтарских чувств, она добавила: — И вырез идеальный. Нет места для жемчуга.

Трумэн закрыл новую дверь в недостроенную спальню и посмотрел на великолепную женщину, лежащую на кровати и листующую журнал с детскими костюмами на Хэллоуин.

Она была одета в пару коротких трусиков-шорт, которые едва прикрывали ее попку, и топ, похожий на ремень. Ее ноги согнуты в коленях, и она покачивала ими, когда показывала костюм для Линкольна. Кеннеди уже выбрала костюм. Она собиралась быть самой красивой. Лучшей из всех живущих — феей Динь-Динь.

— Тыква? Такая же, как и у Золушки? — Джемма указала на фотографию младенца в костюме тыквы.

Трумэн лег рядом с ней, провел рукой по ее бедру и сжал попку:

— Мне нравится твоя тыковка.

Она сверкнула надменной улыбкой:

— Я до сих пор думаю, что он должен быть Винни-Пухом. Так сказала Кеннеди, это герой из ее сказок на ночь, и ей должна быть представлена возможность выбрать ему костюм. Она его старшая сестра и это ее право.

Он забросил свою ногу на нее и поцеловал в плечо.

— Ему всего лишь несколько месяцев, а женщины уже распоряжаются его жизнью, — он прижался к ее шее. — Я думаю, он должен носить костюм для мальчиков. Он может быть принцем, как и я.

Она наклонилась к нему, подразнивая.

— Поцелуй меня еще раз и, возможно, я подумаю.

Он потянулся к ее губам, но она отвернулась и указала ему на плечо. Он усмехнулся и снова поцеловал ее в плечо.

— Поцелуй в плечо являются лучшими, — сказала она, задыхаясь от того, что ее тело воспламенилось.

Он продолжал целовать ее плечо, медленно продвигаясь вниз к груди. Тем не менее, глядя в журнал, она протянула руку и подняла его подбородок, чтобы он снова поцеловал ее плечо. Боже, он любил все, что она делала.

— Я думаю, что Кеннеди хочет, чтобы ты был ее единственным принцем, и она довольно ясно дала понять, что Линкольн должен быть Винни-Пухом. Но если ты так непреклонен, не позволяй ему быть плюшевым мишкой, это так, для заметки, я думаю насчет того, чтобы он был одним из «Lost Boys» из ее книжек (*Прим. «Пропавшие ребята» (англ. The Lost Boys) — американский художественный фильм 1987 года, сочетающий в себе элементы комедии и фильма ужасов*).

Он легонько шлепнул ее по попке, зарабатывая сексуальный смешок.

— «Lost Boys» — байкеры в ее книге. Ты знаешь, что я думаю об этом.

— Ты любишь своих друзей-байкеров, — она повернулась на бок и прижалась к нему всем телом. — Просто потому, что мы наденем его в байкерский наряд, не означает, что он выберет этот путь, когда станет старше. К тому же, ты был байкером «Lost Boys». Разве это не лицемерно? — она толкнула его на спину и прижалась губами к его челюсти, затем к шее и продолжала свой путь вниз по его телу что с трудом помогало ему сосредоточиться на чем-либо, кроме ее невероятного рта.

— Я вложу в их головы знания о хороших «Lost Boys». Однажды они узнают разницу между мотоциклетными клубами и байкерскими бандами. Тогда он сможет одеваться так, как он захочет.

— Я провел все свое детство, сочиняя истории обо всем, от волшебной принцессы до женщины байкера, и я не делал их плохими.

Она продолжила его целовать, а он серьезно пересматривал кандидатуру Винни-Пуха.

Была тонкая грань между мотоклубом и байкерской бандой. И думать о Линкольне, который вырос и направился по этому пути, жутко испугало Трумэна. Джемма была права, хоть Линкольн и был слишком маленьким, чтобы Трумэн беспокоился о таких вещах, но он наслаждался тем, что она делала, чтобы убедить его в своей правоте. Ему нравился ее рот на любом участке его тела, но когда стала спускаться вниз, он почувствовал себя еще ближе к ней. Не из-за возбуждающего эротического чувства, а потому, что, казалось, она наслаждалась, доставляя ему удовольствие, а также полученным контролем над его телом и разумом. От вида, как Джемма чем-нибудь наслаждается, его жизнь становилась в миллион раз лучше. Видеть ее было для него чистым блаженством.

Она задела зубами его сосок, усиливая желание, спиралью зарождающееся внизу, делая его член тверже.

— Он был бы супер милым с банданой на своей маленькой головке, в рубашке и джинсах от «Harley», — она обвела языком кубики его пресса, руки задержались на его ребрах, опускаясь вниз.

— Джем... — он сжал пальцами простынь, чтобы не толкнуть ее ниже.

— У меня есть идея. Давай заключим сделку, — она обвела языком вокруг пупка, и его член дернулся в ожидании. — Как насчет того, что ты сможешь написать мне статью в «Local Creative Genius Unveiled» о тебе и твоих работах, и ты сможешь выбрать костюм для Линка.

Она призывала позволить ей написать статью о его художественных работах на протяжении нескольких недель. Джемма была убеждена, что это поможет ему думать, что он гораздо талантливее, чем себя считает. Она даже мечтала, чтобы он иллюстрировал детские книги, которые они написали бы вместе. Она тоже любила составлять истории и сказала, что сюжет их совместных историй был бы поинтересней. Что об этом знал? Он писал рассказы для своих детей, а ведь другие дети могут их возненавидеть.

— Я не хочу внимания, — сказал он честно. — Никто не знает о моих фантазиях. Я предпочитал бы держать его здесь.

Она медленно спустила его трусы с талии, приоткрывая только головку члена, и провела языком над головкой.

— Хм. Что мне нужно сделать, чтобы изменить твое мнение? — она практически промурлыкала каждое слово.

Джемма прижала руки к бедрам, удерживая трусы на середине длины его члена, и пробежала языком по его чувствительной опухшей головке, уводя его от тревожных мыслей. Используя зубы, она потянула трусы вниз, а затем стащила их и бросила на пол. Он приподнялся, и она снова толкнула его вниз.

— Волнуешься, не так ли? — подразнила она.

— Ты сводишь меня с ума.

Озорная улыбка расплылась на ее губах, когда она обхватила теплыми тонкими пальцами его член, вытянув стон из его легких. Он жадно смотрел на нее, как ее язычок слизал капельку предэякулянта, выступившую на кончике члена, и облизала губы.

— Святое дерьмо, Джемма, — он потянулся к ней, и она выпуталась из его рук.

— Мой, — прошептала она, улыбаясь, когда проглотила всю его длину и начала работать с ним рукой и ртом в быстром ритме.

Его голова снова упала на подушку, глаза были закрыты, он вколачивался в ее кулак и продвигался все глубже в ее рот. Она продолжала так хорошо и ловко, работая быстро,

заставляя его терять контроль.

— Вот так, детка. Твой рот просто смертоносный.

Она подняла голову, выпуская его член изо рта, и закружила рукой по головке, а затем снова погладила по всей длине. Она использовала жесткий захват, ослабив его у горячей головки, а затем повторила пытку, в результате чего он снова оказался на грани. Он открыл глаза, и ее смелый взгляд подсказал ему, что она точно знает, что делает.

— Раздевайся, — приказал он.

Она покачала головой и прищурила глаза, ее волосы развивались вокруг ее лица.

— Еще нет.

Она снова провела языком от основания до кончика, опускаясь ниже, так, что почти лежала между его ног. Затем начала облизывать его яйца, по-прежнему сжимая его член в руке, работая в бешеном ритме. Она знала, как сильно он любит это, но если в ближайшее время он не трахнет ее, будет в ней на протяжении всей ночи.

Он запустил пальцы в ее волосы, удерживая ее рот на своих яйцах и наблюдая, как она любит его. Ее кожа покраснелась, губы распухли, и вызов в ее глазах делал ее еще сексуальнее. Боже, как он любил ее. Он любил ее так чертовски сильно, что чувствовал это даже своими костями. Он схватил ее за рубашку и потянул вверх. Она поднялась на колени, удерживая его взгляд, и пошевелилась, избавляясь от трусиков. Когда она снова толкнула его в грудь, он охотно опустил ее между ног. Она покачала головой и поднесла его руку к своему рту, оставляя несколько влажных поцелуев на ладони. Затем обернула его руку вокруг члена и оседлала бедра. Перед тем, как он смог что-то возразить, она всосала два пальца в рот, затем провела ими у себя между ног. Святое дерьмо.

Трумэн не дрович перед женщинами. Никогда. Он никогда не позволял другим женщинам прикасаться к нему так, как этой. Он трахал их. Опять же, все, что он делал с Джеммой, было другим, и не было ничего, чтобы он не сделал для нее.

— Моя примерная девочка только стала очень грязной.

— Твоя примерная хочет быть только твоей грязной девочкой.

Она ощущалась как праздник, когда пальцами ласкала свою киску, а другую поднесла к груди, гладила и ласкала себя, дерзко уставившись на него. Она облизала губы и опустила взгляд на его кулак, наблюдая, как он работает со своим членом. Когда она поднесла свои мокрые пальцы к клитору, его голова отклонилась назад, и он чуть не взорвался. Он приподнялся с матраса, все еще поглаживая свой член, и запутался другой рукой в ее волосах, сминая ее рот в безжалостном поцелуе, когда ее настиг оргазм. Ее язык успокоился. Долго звуки удовольствия заполняли комнату, после того, как он кончил. Небеса. Высшие небеса. Он держал ее дрожащее тело крепко, целуя нежнее, пока она спускалась с пика наслаждения, и поддерживал ее. Она улыбнулась ему сладким греховным взглядом, который бил ему прямо в сердце каждый чертов раз.

— Ты моя детка, только моя.

— Всегда.

Она обернула руки вокруг его шеи, когда их тела соединились вместе, а затем все снова повторилось той же ночью, поцелуи и обещания любить друг друга, как будто завтра не наступит никогда.

После этого они долгое время лежали вместе, их кожа была еще влажной от занятий любовью, пальцы переплелись между собой. Когда Джемма встала, чтобы воспользоваться ванной, Трумэн отказался ее отпустить.

— Мне нужно пописать, — сказала она с мягким смехом.

— Я ждал тебя всю свою жизнь. Я никогда не хочу у тебя отпустить, — он притянул ее ближе.

— Боже, я люблю тебя, — она прижалась губами к его губам.

Он отпрянул, всматриваясь в ее глаза, пытаясь увидеть там, понимает ли она, что сказала, но смотрела на него так, будто у нее забрали любимый леденец.

— Повтори еще раз, — сказал он быстро.

Она приподняла брови.

— Ты сказала, что любишь меня, — напомнил он ей, надеясь, что она не заберет слова обратно.

Она рассмеялась и прижала свои руки к его щекам.

— Разве я не говорила этого раньше? Боже, Тру. Мне казалось, что я говорила это в течение нескольких недель. Я люблю тебя. Я люблю тебя больше, чем солнце, и луну, и звезды. Я люблю тебя больше, чем шоколадное мороженое и крылья феи. Я невероятно сильно люблю тебя и детей.

Он прижался губами к ее губам, подавляя глубоко и полностью утонув в ее любви. Когда он углубил поцелуй, она растворилась в нем.

— Это моя любимая вещь, — сказал он, снова целуя ее. — Я люблю, когда ты становишься расслабленной, как мои поцелуи разрушают тебя.

— Ммм, — она снова поцеловала его. — Твои поцелуи делают меня цельной, но не разрушают.

Это ему нравилось еще больше. После нескольких поцелуев она надела его футболку — это еще одна вещь, которую он обожал — и пошла в ванную. Всхлип Линкольна донесся из монитора, и Трумэн поднялся.

Джемма заглянула в спальню, и сказала:

— Я присмотрю за ним.

Трумэн сел на край кровати, слушая ее голос через монитор.

— Эй, малыш. О, боже мой, — ее голос стал выше, и он вскочил на ноги, натянул трусы и поспешил к двери в спальню.

— Тру.

Он уже был рядом с ней, и оба смотрели на Линкольна, который сидел в своей кроватке. Сидел.

— Он сидит! — прошептала она взволновано и схватила Трумэна за руку.

Увидеть, как Линкольн сел в первый раз, было волнующе. Как может такой маленький момент значить настолько много? Он обнял и поцеловал Джемму в макушку.

Линкольн потерял глаза своими маленькими кулачками, чуть-чуть пошатываясь. Джемма и Трумэн оба застыли у кровати, но Линкольн закачался, а затем упал на подушку и зевнул.

— О, черт возьми, — прошептала Джемма, чтобы не разбудить Кеннеди, которая в своей пижаме Динь-Динь сжимала в объятиях плюшевого Пуха, которого ей дала Дикси.

— Тру, твой мальчик растет.

— Наш мальчик растет, — он подарил ей целомудренный поцелуй, чтобы она запомнила его слова, затем высвободился и поднял Линкольна с кровати.

— Мы должны были это запечатлеть, — прошептала Джемма.

Трумэну не нужны фотографии. Он и так знал, что не забудет выражение любви в глазах Джеммы, когда она увидела, как Линкольн сел в первый раз, или чувство увеличивающегося

в груди сердца от осознания, что ему послано благословение — иметь столько любви под одной крышей.

Глава 19

Одна из вещей, которые Джемма любила больше всего в Писфул Харбор, — время, когда все люди собирались вместе на праздники и разные мероприятия. Парад на Хэллоун всегда был одним из ее фаворитов. Детям и родителям также было разрешено принимать участие в параде по главной улице и вокруг залива. Трумэн и Джемма обсудили это с Кеннеди даже более подробно, чем нужно, но она была так взбудоражена этой идеей, что они решили попробовать. Сегодня ночью Кристалл и семья Виски присоединились к Джемме и Трумэну в их первом приключении с детьми. Все они были одеты как персонажи из сборника рассказов, который Трумэн написал для Кеннеди, от которого та была в полнейшем восторге. Девушки оделись в магазине. На Дикси было надето ярко-красное платье королевы, на Джемме зеленое, а на Кристалл — платье Белоснежки, которая очень веселилась, потому что, видимо, в сердце была темной принцессой. После того, как вся компания сделала множество фотографий, они направились в город. Было еще светло, когда они добрались до главной улицы, где уже начинала собираться толпа.

Кеннеди крепче сжала руку Джеммы.

Принц Трумэн держал Линкольна, одетого в костюм Винни-Пуха, только ради невероятной любви Трумэна к маленькой девочке. Должно быть, он почувствовал дискомфорт Кеннеди, потому как подошел ближе и приобнял Джемму. Прежде, чем она поняла, что происходит, Буллет, Боунс и Бэр, каждый одетый в байкерский костюм «Lost Boy», обступили их словно телохранители. Буллет шел позади, сканируя толпу своими глубоко посаженными глазами. Боунс стал рядом с Дикси, делая так, чтобы она оказалась между ним и Трумэном. В Дикси было, по крайней мере, 5,9 футов роста, но она все равно выглядела маленькой рядом с двумя грозными мужчинами. Бэр шел рядом с Кристалл, сканируя толпу с другой стороны от Боунса. Это было странно и одновременно хорошо, знать, что дети находятся в безопасности. Тот факт, что Джемму угнетали взгляды посторонних людей, никуда не делся. Разница была только в том, что это были друзья, которые искренне любили Кеннеди и Линкольна, так же сильно, как любили друг друга. За несколько секунд их безопасность была взята под контроль, и Джемма поняла, насколько могущественную семью обрели Кеннеди и Линкольн. И когда она повернулась к Трумэну, который наклонился для поцелуя, она осознала, что у нее теперь тоже была большая семья. И это подтолкнуло ее к мысли о том, что ее семья пренебрежительно относилась к подобным мероприятиям.

— Когда у меня будут дети, я хочу, чтобы ты написал им сказки, — сказала Дикси Трумэну. Ее волосы были красиво уложены на голове, и только несколько прядей свободно падали на лицо.

Трумэн рассмеялся:

— Думаю, ты сможешь написать сказки получше, чем я.

— Только если ты имеешь в виду наше совместное творчество, — сказала Джемма и откинула голову для поцелуя, любуясь тем, как он прекрасен в этом костюме. Потом она ответила Дикси: — Я пытаюсь убедить его в том, что мы должны написать рассказы вместе и показать их миру.

Кеннеди настояла на том, чтобы читать рассказы детям каждую ночь. Трумэн не только

создал целую книгу иллюстраций, но он вместе с Джеммой написал историю. Как хорошо было бы, если б и она тоже могла читать. Это была прекрасная история о семье и дружбе, и Джемма спрашивала, было ли это то, о чем всегда мечтал Трумэн, как и она, или он просто сделал исключение для своей маленькой девочки. В любом случае, она любила то, как он заботился о детях. Он переживал за каждую мелочь, как «Lost Boys» крали детей у Питера Пэна, и как умер Король Лев. Он брал только части книг и мультфильмом, боясь вызвать какой-то страх у детей, который он еще не выявил. Кеннеди ни разу не спросила о матери. Об этом было больно думать. Он создал свой собственный рассказ о фее, который мог показаться слишком непохожим на другие, но Джемма знала, что все, что он делал, это только из любви к детям и в заботе о них.

Бэр положил руку на плечи Кристалл.

— Ммм. Привет? Там могут быть одинокие парни, — Кристалл ворчала, пытаясь убежать из-под его опеки.

Бэр бросил на нее взгляд, который ясно дал понять, чтобы она не пыталась вырваться из его рук, и намек на что-то погорячее, что подтолкнуло ее бросить любопытный взгляд на свою лучшую подругу. Кристалл закатила глаза, но в них было обещание о том, о чем было известно только ей. Люди считали, что кровь была теснее, чем вода, но Джемма считала, что истинная дружба крепче всего.

Кеннеди замедлилась, и когда Джемма наклонилась, чтобы взять ее на руки, то увидела страх в глазах маленькой девочки. О чем она думала? О чем-то, что было слишком для Кеннеди. Она подняла ее на руки и остановилась, а остальные последовали ее примеру, мужчины сканировали глазами толпу. Только глаза Трумэна были устремлены на малышку и Джемму.

— Она испугалась. Это было слишком, — констатировала Джемма.

Трумэн кивнул с серьезным выражением лица:

— Разворачиваемся.

И подобно армии группа развернулась. Кристалл не так быстро сообразила, так что Бэр повернул ее за плечи и снова обнял.

— Ты не против? — поинтересовалась Кристалл, но там был знойный подтекст.

— Да, вообще-то возражаю, — ответил Бэр, ухмыльнувшись. — Кеннеди страшно, и мы возвращаемся.

— Ох, — Кристалл наклонилась и посмотрела на Джемму. — Она в порядке?

— Да. Я так думаю. Она не готова к такой толпе, как эта, — Джемма поцеловала Кеннеди в лоб, крепко ее удерживая, пока они направлялись обратно к машинам.

— Ухасти или посалеись? — спросила Кеннеди.

— Ты все еще хочешь поиграть в «Угости или пожалеешь» (*Прим. «Угости или пожалеешь» — одна из традиций праздника, когда дети ходят по соседям за угощениями*), принцесса? — спросил Трумэн.

Кеннеди кивнула.

Джемма вопросительно взглянула на Трумэна, который плотно сжимал челюсть.

— Она никогда не делала этого раньше, — напомнила ему Джемма. — Вон там — жилия улица. Мы могли бы попробовать зайти в несколько домов и посмотреть, как у нее будет получаться. Она взволнована обещаниями получить конфеты, хоть и волнуется, — она понизила голос и прошептала. — Иногда ты должен позволить ей принимать решение. Давай зайдем в один дом и посмотрим, что будет.

Уголки губ Трумэна приподнялись в улыбке, и он ответил:

— А что, если это напугает ее?

— Оглянись вокруг, Тру. У нее не семья, а армия, которая поможет ей снова почувствовать себя в безопасности.

Трумэн оглядел мужчин одного за другим. Телепатическое сообщение, кажется, прошло между ними, и, не говоря ни слова, они направились в сторону жилой улицы.

Оказалось, Кеннеди действительно хотела, чтобы именно Трумэн поиграл в игру «Угости или пожалеешь», в то время пока спокойно ждала на тротуаре в окружении остальной части семьи. Трумэн никогда не ходил по домам, играя в «Угости или пожалеешь», но это не остановило его от появления на крыльце одного из домов с Линкольном на руках, возвышаясь над группой детей.

Пожилая женщина, которая открыла дверь, посмотрела на Линкольна и улыбалась Трумэну:

— Я не думаю, что у парня достаточно зубиков, чтобы есть еще и конфеты. Я несколько стара, чтобы играть в «Угости или пожалеешь», не так ли?

— Вы никогда не будете старыми для того, чтобы делать детей счастливыми? — он указал на Кеннеди, безопасно расположившуюся около Джеммы в окружении его друзей.

Женщина протянула ему несколько конфет:

— У вас прекрасная семья. Счастливого Хэллоуина.

Трумэн поблагодарил ее, испытывая теплые чувства от ее похвалы, и присоединился к своей семье.

— Это для тебя, принцесса, — он раскрыл ладонь, показывая конфеты.

Глаза Кеннеди расширились, и она схватила конфету:

— Все? — это было мило. — Они получают конфеты?

Все хором отказались от сладкого, и улыбка Кеннеди стала еще шире:

— Это мне?

— Да принцесса. Тебе одной, — ответил он, довольный и одновременно обеспокоенный тем, что она еще такая маленькая, а уже думала о других. Его разум снова вернулся к ночи, когда он впервые их встретил, когда Линкольн плакал, а она хлопала его по спинке, как будто не знала, что еще сделать. Он задался вопросом, что, если она всегда думала о других. Во-первых, потому что, находясь в таком маленьком возрасте, она уже знала, что нужно заботиться о Линкольне, так же, как и он когда-то защищал Куинси. Он любил ее еще сильнее, когда задумывался о том, какой была ее жизнь до их встречи, и печаль закралась к нему в душу.

Он помог ей открыть конфету, и она откусила кусочек.

— Больше? — спросила она с полным ртом шоколада, и все засмеялись.

После того, как они сыграли в игру еще в нескольких домах, остальные направились в бар «Whiskey Bro's» на маскарад, а Джемма и Трумэн направились с детьми домой.

Они забыли оставить наружное освещение возле квартиры. Трумэн включил фонарик на телефоне и освещал путь к зданию. Он одной рукой нес Кеннеди, а другую расположил на поясице Джеммы. Линкольн мирно спал у нее на руках.

— Он чертовски милый медвежонок Пух, — он улыбнулся Джемме. — И ты сразила

всех других принцесс наповал нарядом нашей маленькой девочки.

— Спасибо, — она остановилась, чтобы притянуть его поближе для поцелуя. — Это было так весело. Я рада, что поделила первый детский Хэллоуин с тобой.

— Я тоже, дорогая, — он оглянулся через плечо, услышав движение в траве. Став перед Джеммой, он поднял телефон, направляя фонарик в сторону тени, и его мир перевернулся.

Куинси ничком лежал на траве.

— Оставайся здесь, — несколько фунтов между ним и Куинси казались милей. Он присел рядом с братом, все еще удерживая Кеннеди. «Пожалуйста, не умирай. Не смей умирать у меня на руках». Он перевернул Куинси, быстро схватил его запястье в поисках пульса, чувствуя медленное биение под пальцами. Слава Богу. Он быстро осмотрел своего брата, находящегося без сознания, разыскивая колотые или пулевые ранения. Трумэн поднялся на ноги.

— Отнеси детей в машину, Джемма, — приказ прозвучал строго, и он быстро подошел к Джемме, касаясь ее рукой и поглаживая, одновременно сканируя местность на случай, если здесь скрывался тот, кто избил Куинси.

— Что случилось? Может, надо вызвать полицию? — в ее голосе ясно ощущался страх.

Она посмотрела через плечо, и Трумэн подошел сзади, блокируя ей вид на Куинси. Он не хотел, чтобы нечто ужасное оказалось где-то близко к ней и детям. Его гребанный брат привел кошмар к нему домой, и он понятия не имел, что может за этим последовать.

— Никакой полиции. Если у меня будут какие-либо взаимоотношения с полицией, мне придется сообщить об этом, а у меня нет ни одной ненужной отметки с момента выхода на свободу. Я отвезу его в больницу, — он положил Кеннеди в автомобильное кресло, а затем забрал Линкольна у Джеммы, которая казалась слишком ошеломленной, чтобы сосредоточиться и зафиксировать его в кресле.

Он нажал номер Бэра на быстром наборе и поднял телефон к уху, пока открывал водительскую дверь для Джеммы.

— Брат, — ответил Бэр.

— Ты мне нужен.

— Уже в пути.

— Трумэн, — требовательно позвала Джемма. — Поговори со мной. Почему мы уезжаем? Куинси в порядке? Что случилось?

Он посмотрел ей в глаза и попытался замедлить мысли в голове на достаточно долгое время, чтобы дать ей ответы:

— Я не знаю, что случилось или как Куинси попал сюда. Все, что я знаю, что он дышит, но он сильно избит и без сознания. Я должен отвезти его в больницу. Но если сделка из-за наркотиков прошла плохо, кто бы это ни сделал, он может вернуться. Я хочу, чтобы ты и дети были в безопасности, а ты не можешь здесь быть в безопасности, пока я не выясню, что случилось. Я даже не знаю, был ли кто в квартире.

— Хорошо. Боже, Трумэн. А как насчет тебя? Что будешь делать ты, если там кто-то есть? — она посмотрела округ двора. — Я надеюсь, что Куинси в порядке.

— Я тоже. Но ты должна ехать.

Она быстро обняла его:

— Я поеду, но мне нужны кое-какие вещи для детей.

Две пары фар стремительно приближались по подъездной дорожке. Машина Бэра и грузовик Буллэта остановились, двери распахнулись. Бэр, Буллет, Боунс, Дикси и Кристалл

прошли через парковку. Кристалл направилась напрямиком к Джемме.

Трумэн объяснил другим все так быстро, как мог. Боунс пошел помочь Куинси. Джемма сказала, что Бэр должен пойти и принести кое-что из квартиры.

— Джемма, я знаю, что тебе страшно, но я должен вернуться и отвезти Куинси в больницу, а я не могу это сделать, зная, что ты и дети находитесь в опасности. Пожалуйста, уезжай.

Она оглядела двор со страхом в глазах и кивнула:

— Пожалуйста, будь осторожен.

— Я буду, детка. Я люблю тебя. И мне очень жаль, — он заглянул в машину, взглянул на детей и почувствовал, как у него внутри образовывается дыра. Он не собирался подвести их. Не сегодня. Никогда. Это дерьмо закончится здесь и сейчас.

Глава 20

Джемма и девушки уложили детей спать в ее комнате, Кеннеди в кровать, а Линкольна в детский манеж, который позже привез Бэр. Джемма нервничала, переживая за Трумэна и Куинси, и чувствовала себя не в своей тарелке. Она ходила по гостиной взад-вперед, и миллионы вопросов роились в ее голове.

— У меня никогда не было такого раньше, — сказала она, ни к кому толком не обращаясь. Она подняла глаза к Бэру, сидевшему на диване рядом с Дикси, опершись руками на колени, и спросила: — На это была похожа его жизнь, когда он рос? Дети там будут в безопасности? Трумэн в безопасности?

Кристалл попыталась обнять ее, но Джемма вывернулась из ее объятий.

— Прости, — сказала она Кристалл, — я слишком взвинчена, чтобы стоять на месте.

Бэр смерил ее серьезным взглядом:

— Трумэн знает, что делает. Он прошел этот путь со своей матерью.

— Его мать, — повторила она со смесью грусти и гнева. — Я должна быть там с ним. Он, должно быть, переживает за Куинси.

— Боунс с ним, — заверил ее Бэр. — Лучшее, что ты можешь сделать, — это остаться здесь с детьми. Он будет расстроен, если ты и дети окажетесь в опасности. Он уже прислал мне сообщение, в котором просил не отпускать тебя обратно в квартиру. Как будто бы я этого допустил. — И мы, на самом деле, не узнаем, что происходит, пока он сам нам не расскажет. Буллет сторожит квартиру. Внутри ничего не было тронуту, не было признаков взлома, и это хорошо.

Она проверила свой телефон, но никаких сообщений от Трумэна не было.

— Он написал тебе? — она не смогла скрыть боль в голосе.

— Тексты сторожевых псов, — сказала Дикси. — Так называют их мои братья. Это то, чем они занимаются, когда нет времени поговорить, но они хотят знать, что все в порядке.

Бэр встал с дивана и показал ей сообщение Трумэна: «Я люблю их, мужик. Охраняй их, как будто бы они твои. Держи их подальше от квартиры, пока мы не узнаем, что случилось».

Она подняла взгляд на Бэра, ощущая себя плавающей в море без спасательной лодки.

— Я не знаю, как это сделать, или как так жить, — она вспомнила о детях, и ее охватил страх.

— Тебе и не обязательно, — заверил он ее. — Мы сделаем это. И никто из нас никогда не отправил бы вас на опасный путь.

Она посмотрела на Кристалл, которая произнесла.

— Я ему верю. Он разбирается в вещах, которые к нему не относятся, но я верю этому пижону.

Бэр засмеялся.

— Сладкая, ты еще ничего не видела.

— И он переживает насчет Кроу, который крутится возле меня, — усмехнулась Дикси. — Пожалуйста, — она обняла Джемму, повела ее к дивану и уселась вместе с ней. — Джемма, Трумэн самый лучший и преданный из всех людей, которых я знаю. Трудно отделить его от всего того, что произошло сегодня вечером, особенно когда ты так расстроена. Но помни, Трумэн никогда не употреблял наркотики. Он потратил всю свою жизнь, защищая Куинси, и очень дорого за это заплатил. Как бы он вас не любил, он уже не знает, как отключить эту функцию. И он любит тебя. Черт, этот мужчина так сильно любит тебя, он построил спальню и соорудил на кровать балдахины. Но правда в том, что ты должна копнуть глубже и задуматься о том, достаточно ли ты любишь его, чтобы иметь дело с наркотиками и Куинси. Потому что то, что произошло сегодня, может случиться снова. Возможно, и нет, но все же это возможно, и только ты можешь решить, слишком ли важно это для тебя, чтобы справиться с этим.

Трумэн постучал в дверь квартиры Джеммы. Было 7:30 утра, и он не спал всю ночь. Дверь медленно открылась, и Джемма прыгнула в его объятия. Он написал ей несколько часов назад, что Куинси пришел в сознание, и ее короткий ответ «Хорошо. Я люблю тебя» успокоил его. Но это было ничто по сравнению с тем, как держать в объятиях женщину, которую любишь.

— Я так волновалась, — она целовала его щеки, губы, потом снова щеки.

Он впитывал каждую секунду ее внимания, и постепенно его мир наполнялся красками.

— Привет, детка, — он потерся своим носом о ее, нуждаясь в своих тайных традициях настолько, насколько ему были нужны слова. — Я скучал по тебе.

— Я тоже. Ты в порядке? Как Куинси? — она осматривала его лицо, и он знал, что адски выглядит. Пока она не оказалась в его руках, он тоже чувствовал себя адски. Теперь он чувствовал себя изнуренным, но значительно лучше.

— Да. Пойдем внутрь, и я все тебе расскажу.

Он обнаружил Дикси, сидящую с Линкольном на руках, и Бэра, лежащего на диване, его голова покоилась на подушке, а глаза были закрыты. Он наклонился и поцеловал Линкольна, пока Бэр поднимался на ноги.

— Все хорошо? — спросил его Бэр и быстро обнял.

— Да, — он огляделся. — Где Кеннеди?

— Тумэн, — Кеннеди бежала по коридору, за ней Кристалл, у обеих волосы были завязаны в хвостики с большими розовыми бантами.

Он поднял Кеннеди на руки и крепко обнял.

— У нее любовь ко всем вещам Джеммы, — Кристалл тряхнула головой, от чего длинный черный хвост качнулся из стороны в сторону.

Кеннеди выскользнула из его объятий и пошла к Бэру, освободив руки Трумэна, которому снова потребовалось обнять Джемму.

— Спасибо вам за все, ребята.

Кристалл положила руку на бедро, и взглянула на него.

— Всегда, пожалуйста. Но мы не уйдем, пока не узнаем новости.

— Я почему-то так и подумал, но я должен присесть. Я валюсь с ног, — он опустился на диван, потянув Джемму сесть рядом с ним, и схватился за переносицу, пытаюсь понять, с чего начать.

— Куинси в реабилитационном центре, — наконец сказал он.

— Где он? — спросили одновременно Джемма и Бэр.

— Он опустился на самое дно, — взглянув на Кеннеди, он старался тщательнее подбирать слова. — Он был должен парню денег, ему повезло, что они не..., — он не хотел произносить перед Кеннеди слово «убить». У него наконец-то появилась надежда очиститься и стать для Трумэна тем братом, каким ему предназначено было быть.

— Они знают, где ты живешь? — спросил Бэр.

Трумэн покачал головой.

— Они сбросили его с моста. Он прошел семь миль к моему дому и рухнул.

— Так, безопасно ли возвращаться туда? — осторожно спросила Джемма.

— Да, но мне хотелось бы поговорить с тобой об этом, после того, как я немного посплю.

— Хорошо, — она коснулась его руки и улыбнулась.

Простое проявление привязанности согрело его душу.

— Это вынужденная реабилитация? — спросил Бэр.

— Нет. Он пошел на это добровольно. Это была его идея. Он сказал, что задумывался обо всем этом с тех пор, как я прогнал его от мастерской, — он сжал руку Джеммы. — Он может уйти в любой момент, но это 30-ти дневная программа, с возможностью продления до 90 дней, если он будет в этом нуждаться.

— Чувак, как ты себе это представляешь? — откликнулся Бэр.

— Что хорошего в деньгах, если вы не используете их, чтобы помочь своей семье? — он использовал свои сбережения, и если ему придется работать в два раза больше, чтобы помочь брату, который ему нужен, он сделает это.

— Я услышал тебя, — Бэр коснулся руки Кристалл. — Пойдем, сладкая. Давай оставим этих ребят в покое.

— Я тебе не «сладкая», — огрызнулась Кристалл.

Бэр усмехнулся.

Кристалл обняла Джемму.

— Ребята, вы хотите, чтобы я забрала детей на несколько часов и дала вам отдохнуть?

— Нет, — ответила Джемма. — Я думаю, Трумэн нуждается в них здесь.

Она так хорошо его знала.

— В любом случае, спасибо, Кристалл. Я ценю это предложение, — он обнял ее, а затем забрал Линкольна у Дикси. — Спасибо вам за то, что остались и помогли.

Дикси обняла его.

— Не переживайте, как и на счет няни. Если что, я всегда рядом.

— Спасибо, Дикс.

После того, как все ушли, он присел на пол расположив Линкольна между ног и Джемму рядом с собой.

— Как ты себя чувствуешь на самом деле? — спросила Джемма ласково.

Он наблюдал, как Кеннеди играет со своими игрушками, смотрел на маленький кулачок

Линкольна, сильно обхвативший его указательный палец.

— Я чувствую облегчение и надежду, но я также знаю, как это происходит с наркоманами. Они могут хотеть быть чистыми, но одно мгновение — и они снова готовы отправиться на поиски дракона.

— Я никогда не испытывала ничего подобного. Прошлой ночью я очень испугалась. Это было похоже на то, как ты рос? — она поднялась на колени и положила руку ему на плечо.

Было неловко от того, как он нуждался и жаждал ее прикосновений.

— Прости, детка. Мне ненавистно, что тебе и детям пришлось пройти через это. Когда мы росли, я был настолько занят заботой о Куинси, что все остальное, казалось неважным. Поход в школу был отсрочкой, а возвращение домой — настоящим кошмаром. Последняя ночь, когда я увидел Куинси, лежащего там, меня отбросило прямо туда, в мое прошлое. Туда, где моя мать уходила после того, как мы возвращались со школы, и появлялась только через несколько дней, — он взял ее лицо в свои ладони и сказал: — Я не хочу, чтобы ты или дети когда-либо в жизни еще раз с этим столкнулись. Если Куинси не очистится, я поступлю с ним по закону, и он больше не вернется.

Она покачала головой, ее глаза были серьезными.

— Ты не можешь этого сделать. Потому как если сейчас он не готов, то когда-нибудь может стать готов изменить свою жизнь. И если тебя не будет, чтобы помочь, то ему некуда будет податься.

— Иисус, Джемма. Что я сделал, чтобы заслужить тебя?

— Я задаю себе аналогичный вопрос, Тру. Дикси сказала мне несколько вещей, которые заставили меня задуматься о нас прошлой ночью. Я ничего не хочу менять в тебе. Я была честна, когда сказала, что испугалась, и обо всех своих сомнениях я догадалась ночью. Потому как я никогда не была вблизи подобных вещей — наркотиков или алкоголя, или даже байкеров, — она сделала паузу, закусывая нижнюю губу. — Но я также никогда не была счастливей и не чувствовала себя любимей за всю свою жизнь, чем в те моменты, когда я нахожусь рядом с тобой. И я люблю твоих детей, и я знаю, что, когда мы вместе, то в безопасности. Ты заботишься о нас так, как раньше заботился о брате. Я не знаю, как справиться с тем, что переживает Куинси, но ведь ты раньше и не знал, как воспитывать детей. Я верю, что мы нашли друг друга не просто так, и я знаю, что ты поможешь мне правильно вести себя с Куинси, если уж на то пошло.

Линкольн похлопал Трумэна по ноге, и они оба взглянули на улыбающееся лицо малыша.

— Видишь? — сказала она. — Линкольн тоже верит в нас.

— Иди сюда, дорогая, — он прижал ее к себе. — Я так счастлив наконец-то вернуться домой.

— Но мы в моей квартире, — заметила она. — Мы никогда не проводим здесь время.

— Ты и дети — мой дом, Джем. Где бы вы ни были — это то место, где я хочу быть.

Она нежно прижалась к его губам.

— Я тоже.

— Я всю ночь думал о квартире. Я не думаю, что рискованно там находиться, но я хочу, чтобы вы чувствовали себя в безопасности. Поэтому, если ты не хочешь жить там, я пойму.

— Я знаю, что ты не оставишь меня и детей там, где будет опасно, так что я в порядке, и если ты говоришь, что там безопасно, то мы вернемся туда. Кроме того, она понизила голос до шепота, — в тех стенах хранится история наших тайных сексуальных ночей и все вещи,

которые привели нас туда, где сейчас мы находимся в отношениях. И картины на автомобилях — история твоей жизни, которые, как я знаю, много значат для тебя, даже если ты написал их с намерением никогда не оглядываться назад. Я не могу представить, чтобы меня там не было.

Глава 21

Джемма и Кристалл сидели в задней части магазина и обсуждали график предстоящих мероприятий на следующую неделю, но мозг Джеммы отказывался сосредотачиваться на работе. Прошло чуть больше двух недель с тех пор, как Куинси отправился на реабилитацию, и Трумэн попросил Дикси приглядеть за детьми, чтобы он смог сегодня днем его навестить. Он не говорил много о Куинси с той ночи на Хэллоуин, и он так занят финальными работами и покраской спальни, что Джемма начала склоняться к мысли о том, что он намеренно тянет время, чтобы все обдумать и прийти к правильному решению. Вечером она работала допоздна, а когда возвращалась, находила темную, бушующую эмоциями живопись. Она знала, что он борется с собой, и когда пыталась заговорить с ним об этом, то он словно переставал дышать. Нет, он не послал ее. Ему просто нечего было сказать, необходимо было подождать. Время покажет. Теперь все зависит от него. Она чувствовала, что бездействие убивало его. Его убивало то, что он не может вмешаться и помочь брату пройти реабилитацию, чтобы результат был положительным, и то, что она видело его таким, разбивало ей сердце.

— Я думаю, что у нас должны быть пирожные в виде пенисов, — сказала Кристалл.

— Угу, — она надеялась, что визит прошел хорошо, и жалела, что он не позволил поехать с ним, но он просто хотел защитить ее от яда наркомании.

— Я спала с Трумэном.

— Угу, — ответила Джемма рассеяно.

Кристалл схватила ее за плечи и потрясла.

— Женщина! Очнись!

Джемма потрусилась головой, чтобы очистить мысли.

— Что? Извини! Я думала о визите Трумэна к Куинси.

— Ок, ты только что одобрила пирожные в виде пенисов на вечеринку Каннингемов, и ты абсолютно спокойно отнеслась к тому, что я переспала с твоим парнем.

— Что? — ее глаза чуть ли не вылезли из орбит. — Ты не сделала это!

— Конечно, нет, парень, которого я хочу, должен кое-что осознать, но, детка, нужно было сделать что-то, чтобы ты пришла в себя, ты летала в облаках, — она передвинула график на середину стола. — Хочешь поговорить об этом?

Джемма вздохнула.

— Не о чем разговаривать. Я просто переживаю за него. Он так нервничает, и я надеюсь, что Куинси его не подведет.

— Он большой мальчик. Если Куинси принимал, то он продолжит это делать, как и раньше, и это не зависит от того, сколько времени он принимает наркотики, правда?

— Наверное. Но я ненавижу мысль о том, что он пострадает.

— Это потому, что ты его ЛЮБИШЬ, — Кристалл мечтательно уставилась в потолок. — Ты влюбилась. И теперь тебе больно от того, что больно ему. Так это происходит, и ты это знаешь.

— Да, Крис. Я действительно его люблю. И я люблю его детей, как будто они мои.

Хочешь знать, что самое необыкновенное? — Джемма не стала ждать ответа. — Он любит меня так же сильно. Это безумие. Он — та доброта и любовь, которую я искала всю жизнь, заключенная в одном человеке. А еще — он весь МОЙ!

Ее телефон зазвонил, и мысли испарились. Трумэн должен был быть в реабилитационном центре десять минут назад. Он переживал из-за того, что Куинси рано встает или откажется увидеться с ним, она надеялась, что он звонит не с плохими новостями. Она вытаскала телефон, и застонала, когда увидела на экране «Мама».

— Ты все еще не сказала ей?

Джемма положила телефон на стол.

— Нет, и я не могу сделать это сейчас. Я слишком напугана.

Кристалл взяла телефон и протянула ей.

— Тогда это идеальное время, потому что она не испортит хороший день.

— Боже, я ненавижу, когда ты права, — она взяла телефон и отошла к кладовой, отвечая с неохотой. — Привет.

— Джеммалин, дорогая. Ты купила платье на благотворительный вечер?

Джемме следовало привыкнуть к тому, что мать пропускает вопрос о том, как она себя чувствует, и сразу переходит к делу, и даже после двадцати шести лет отсутствия интереса к ней со стороны матери боль не прошла.

— Я в порядке. Много работы. Спасибо, что спросила, — ответила она, несмотря на незаинтересованность матери. — Я купила очень красивое платье. Как ты? — она толкнула дверь склада ногой и прислонилась к ней, выслушивая привычный список дел матери, которыми та была занята в последнее время. Не дай Бог ее матери когда-либо сказать ей, что она чувствует или что скучает по ней.

— У меня все хорошо. Папа и я летали в Сан-Диего для переговоров с Мербанками, спан-центр там великолепный...

Джемма слушала целых пять минут, прежде чем прервать мать.

— Мам, извини, что перебиваю, но я на работе, так что...

— О, Боже. Прости. Я забыла, что ты управляешь магазином для маленьких девочек.

— «Бутик для принцесс», — однажды приятно было бы услышать, что мать гордится тем, чем она занимается, а не издевается над ее делом. У нее был счет в банке, который мать регулярно пополняла. Нормальные родители раздавали детям объятия, а не грязные деньги. Деньги сладкого папочки. Джемма работала в колледже и сэкономила почти каждый пенни, чтобы иметь возможность открыть магазин.

— Да, конечно же, тебе бы не пришлось это делать, если бы ты встретила с одним из подходящих холостяков, которых я годами пробовала свести с тобой.

Ежегодная раздражающая установка.

Джемма глубоко вздохнула и сказала:

— Кстати о тех парнях, мама. Не делай, пожалуйста, этого в нынешнем году. Я кое с кем встречаюсь и не хочу отшивать одного из твоих друзей.

— Встречаешься с кем-то? Это серьезно? Чем он зарабатывает на жизнь? Я его знаю?

— Да, это серьезно. Он механик. И ты, определенно, его не знаешь, — *слава Богу. А то ты бы могла отпугнуть его.*

— Прости, дорогая. Ты сказала инженер-механик? — с надеждой спросила мать.

Джемма закатила глаза.

— Нет, мама. Механик, который работает с машинами.

Мать замолчала, и Джемма представила, как шестеренки крутятся в ее манипулирующей голове, пытаясь выяснить, как вытащить дочь из лап автомеханика.

Джемма молчала, пока тишина не стала невыносимой. Впитывая боль, она ненавидела свою мать, когда та неодобрительно говорила с ней.

— Тебе что-нибудь еще нужно?

— О, Джеммалайн. Ты знаешь, что ты делаешь? — обвинение слышалось громко и ясно.

— О чем ты говоришь, мама? — она не смогла сдержать раздражение.

— Ты взбунтовалась. Точно так же, как и открыв свой маленький магазин. Ты пытаешься... убить меня.

— Убить тебя? — Джемма подняла глаза к потолку.

— Ты всегда пыталась доказать свою независимость, отрицая то, что лучше для тебя.

— Вот новость, мам. Мне двадцать шесть лет. Мне не нужно кому-то что-то доказывать, кроме как себе. И я уже доказала, что я умная, способная и... — *какого черта, я вообще с ней объясняюсь.* — Мне нужно вернуться к работе.

— У этого «механика» есть имя? — она произнесла «механик», будто это название заразной болезни.

Преисполненная желанием заставить мать не говорить с ней в подобном тоне, она сказала.

— Моего парня зовут Трумэн Гритт, и, пожалуйста, мама, в следующий раз, когда будешь говорить о том, чем он зарабатывает на жизнь, не говори так, будто это грязное слово. Возможно, ты должна была вместе со мной ходить на уроки этикета.

— Джеммалин, это твой способ разговаривать с матерью?

Она закрыла глаза, желая быть лучше, чем ее мать. Я не чудовище, я лучше нее.

— Мне жаль, но Трумэн очень важен для меня, и я бы хотела, чтобы ты проявила к нему тоже уважение, что ты ожидаешь, что я продемонстрирую Уоррену.

— Папе, — поправила она ее.

Этот человек никогда не был отцом Джеммы, хотя и был не таким ужасным, как ее мать. Его никогда не было рядом, но когда приезжал, то не был плохим. Вокруг него был дорогой воздух, он держал доллары близко и в тепле, боясь остаться без них, только несколько слов вылетели из его уст изредка.

— Уоррен, мама. Мой отец покончил жизнь самоубийством. Ты ведь помнишь моего настоящего отца? — она знала, что поступает как полная сука, но мать просто довела ее до ручки.

Наступила тишина, и когда мать, наконец, заговорила, ее тон был почти грустным.

— Да, конечно помню, Джеммалайн. Он решил покинуть нас.

Сжимая руки в кулаки, она отказывалась кричать на женщину, которой даже не было там, когда она только узнала о смерти отца.

— Да, он сделал это. Но он все еще мой отец. Как я уже сказала, давай попытаемся быть цивилизованными людьми, когда говорим о важных для нас людях.

— Хорошо, дорогая. Этот... Трумэн, придет на благотворительный вечер?

Не в этой жизни.

— Нет, буду только я.

— Какой нормальный мужчина позволяет своей женщине появиться на таком мероприятии одной?

— Тот, у которого есть дети, о которых нужно заботиться. Мне нужно идти, мам.

Встретимся на следующей неделе, — она отключилась, зная, что последует еще один упрек от матери, но ей было все равно. Она взглянула на часы. С облегчением поняла, что наступило время закрывать магазин, и вышла из подсобки.

— А теперь пойдём в «Сладкий леденец», — сказала она, когда взяла свой кошелек.

Кристалл схватила сумочку и выбросила вверх кулак в торжествующем жесте.

— Ненавижу выпивку. Люблю мороженое!

Джемма бросила на нее невозмутимый взгляд, упорно сдерживая улыбку, чтобы поддержать подругу.

— Так много радости над моим несчастьем.

— Я имею в виду...

После небольшой паузы они обе расхохотались и в унисон сказали.

— Нет выпивке! — и направились к двери, чтобы затушить пожар ненависти ведерком прекрасного мороженого.

Трумэн стоял неподвижно во время обыска в реабилитационном центре. Его сердце колотилось так сильно, что был уверен, что парень обыскивает его, уверенный, будто он что-то прячет. Стремление сбежать было таким сильным, что он сжал пальцы в кулаки, пытаясь сдержать разочарование и напомнить себе, что он делает это ради Куинси.

— Отлично. Ты чист.

Трумэн последовал за женщиной по стерильному коридору. Он сосредоточился на ее ногах, считая ее шаги. Потому что если он не будет этого делать, то повернется и убежит. Этот процесс слишком хорошо напомнил ему годы, проведенные в тюрьме. Он напомнил себе, что оказался там по собственной воле. Черт возьми, все уже в прошлом. Здесь никто не был заключенным.

Кроме их зависимости.

Куинси — моя зависимость.

Он зашел в маленькую уютную комнату, непохожую на коридор. В поле его зрения попал диван около дальней стены, стол и стулья справа от него. Все это размылось, как и мысли, пронесшиеся сквозь его разум, когда он шел. Когда дверь открылась, он успокоился, подняв глаза на брата. Волна страха, быстро охватившая его, также быстро пошла на спад, пришло облегчение, которое он должен был почувствовать еще тогда, когда он объявил, кого пришел посетить. Но он был слишком стеснен, чтобы оценить тот факт, что Куинси был все еще там. Его самый большой страх состоял в том, что его брат может сдать и проверить себя на прочность перед окончанием реабилитационной программы. Куинси больше не был покрыт грязью и сажей. Сейчас его кожа была в пожелтевших синяках, а рана на щеке почти зажила. Его волосы были свежeweымытыми и падали прямо ему на плечи, закрывая один глаз. Трумэн не был готов к подавляющим эмоциям, которые охватили его при виде брата. Он шагнул вперед, раскрыв руки для мужчины, чьи огромные голубые глаза были полны предостережения, как и язык его тела, и оба сигнала Трумэн решил игнорировать.

— Куинси.

Брат сделал шаг назад, удерживая Трумэна взглядом и передавая четкое сообщение. Трумэн опустил руки по бокам, в то время как разочарование, грусть и гнев вели сражение внутри него.

Куинси взял стул и сел на него. Трумэн сделал то же самое, ухватив момент, чтобы поближе рассмотреть своего брата. Он имел привычку время от времени проигрывать сцены в голове. Все эти годы Трумэн держал изображение тринадцатилетнего Куинси в своей памяти. Он держался за это воспоминание, как за спасательный круг. Как будто верил, что он останется добрым, светлым и чистым мальчиком. Но стены, решетки и расстояние в мили создали огромный непроходимый барьер, который никто из них не мог сломать. Куинси больше не был тем мальчиком, может, даже не был тем самым человеком. Он был мужчиной с волевым подбородком, но слишком большое количество наркотиков изменило его красивое лицо, а на руках пролегли дорожки следов от уколов иглы. Ему было почти двадцать лет, не намного моложе Трумэна, когда того посадили в тюрьму.

— Удивлен? — спросил Куинси.

Он никогда не скрывал своих эмоций. Трумэн откашлялся, пытаясь подобрать слова. Он поговорил с врачом Куинси, и тот посоветовал не разыгрывать семейную драму, не говорить о деньгах, будущем или что-нибудь еще, что может вызвать стресс. Она сказала, что Куинси нужно жить «сегодняшним днем», и что лишняя тревога может плохо сказаться на его выздоровлении.

— Нет, я не удивлен, — солгал он, и Куинси выгнул бровь. — Хорошо, да. Мужик, я не был уверен, что должно было произойти.

— Думаешь, я знаю? — Куинси провел рукой по волосам и отвернулся, сжимая челюсть. — Чувак, это место затягивает, — он вскочил на ноги и начал расхаживать по комнате.

Трумэн встал вместе с ним и наблюдал, как он двигается взад вперед по комнате, как тигр, загнанный в клетку, а его волосы скрывали лицо.

— Я горжусь тобой и тем, что ты делаешь.

Куинси издевался.

— Гордишься мной? Мне не нужно твое одобрение.

— Я не это имел в виду, — он не хотел спорить с братом, но понятия не имел, как вести себя в его обществе, не знал, что говорить. — Я имею в виду, что знаю, как это непросто.

— Мне когда-нибудь было легко? — он поднял сердитый взгляд на Трумэна.

— Я не имел в виду...

— А о чем тогда ты говоришь, Трумэн? — Куинси передвигался по комнате, оставаясь на расстоянии вытянутой руки от Трумэна. — *«Ни единого слова, Куинси».*

Холодок пробежал по спине Трумэна, услышав его собственные слова из той проклятой ночи, брошенные ему в лицо. Слова, которыми он хотел утешить Куинси. Слова, которые отправили его в тюрьму.

— Ты не совершил ошибку, Куинси. Ее совершил я.

— У тебя было все хорошо. Шесть лет была еда и крыша над головой. Шесть лет, когда ты не смотрел, как какой-то кретин трахает твою мать.

— Куинси, ты не можешь знать, где лучше быть, в тюрьме или...

— Не могу? — Куинси расхаживал по комнате, ссутулив плечи. — Было лучше в тринадцать лет попробовать наркоту?

— Ты мог бы...

Куинси обернулся и быстро подошел к Трумэну. Трумэн сделал шаг назад. Это было именно то, о чем говорил врач, чего советовал избегать. Ему как-то удалось снова вывести из себя брата, напугав его.

— Как? Как я мог это сделать в тринадцать лет? Позвонить в социальную службу и войти в систему после того, как ты провел годы, говоря мне, что это того не стоит. Ты был моей крепостью. Моей опорой. Ты убедил меня, что я могу положиться на тебя, и ты проделал хорошую работу, потому, когда ты ушел, я был чертовски потерян. Я последовал за сатаной прямо в ад.

Весь воздух выбило из легких Трумэна. Комната начала вращаться, возвращая демонов прошлого, оживляя и цепляясь за них, натравливая их друг на друга.

— Я пытался помочь, — ответил он строго. — Меня не должны были посадить. Ты должен был быть там. Ты слышал, что сказал адвокат. Я должен был выйти, а потом позаботиться о тебе, как было всегда. Ты знаешь, что она лгала на суде, — это убивало Трумэна. То, что он никогда не узнает, зачем она солгала и отправила его в тюрьму.

Но этот крест был не Куинси.

Взгляд Куинси будто полоснул его ножом.

Трумэн понизил голос.

— Ты знаешь правду, парень. Ты единственный на этой чертовой земле, кто знает правду.

— Я должен был убить его, — он отвел взгляд. — Он убил бы ее.

Может быть, это было бы и к лучшему. Трумэн почувствовал, как дрогнуло его сердце, и чувство вины вылилось ненавистной мыслью. В следующее мгновение он понял, что смерть матери означала бы, что Кеннеди и Линкольн никогда бы не родились. Он проклинал себя, что мог принять эту мысль за возможный выход из ситуации. Он любил этих детей. Вытеснив из головы эти мысли, он сосредоточился на стоящем перед ним брате.

— Я думал только о том, что если бы ты в тот момент был там, то убил его, — слова Куинси были пропитаны ядом. — Я сделал то, что считал нужным для защиты матери, несмотря ни на что, поступил в соответствии с укоренившимся в моей голове понятием. Защитил свою семью.

— Ты сделал то, что должен был, — *мне жаль, что я не сделал этого. Может быть, тогда ты не пал так низко.* — Я боялся, что они посадят тебя, как взрослого. Я даже не мог вынести мысли о тебе — ребенке — в тюрьме. Ты был просто ребенком, к тому же, хорошим ребенком, умнее, чем кто-либо из тех, кого я знал, и к тому времени, как я понял, что они не будут судить тебя как взрослого, было уже слишком поздно. Но мы не знаем, не сдала бы тебя мать, как меня, а я не смог бы это вынести. Ты должен знать, что я никогда не сделаю того, что тебе навредит. Никогда. Я унесу наш секрет в могилу, чтобы защитить тебя.

— Я не могу избежать вины, чувак. Она всегда со мной. Я смотрю в зеркало и ненавижу человека, которого вижу. Твоя жизнь испорчена из-за меня, — кивнул Куинси.

Трумэн схватил его за руки, заставляя услышать правду.

— Нет, Куинси. Моя жизнь была испоганена ею. Но больше никто не управляет моей жизнью, — размышляя о работе своих детей, он сказал. — У меня есть ответственность и обязанности, но у меня не адская жизнь. Сейчас у меня хорошая жизнь. У меня есть дети. Есть Джемма, которую я безумно люблю. И, Куинси, она тоже любит меня. Несмотря на убеждения, несмотря на наше прошлое, она любит меня и детей. Я не могу представить свою жизнь без нее. И твоя жизнь может быть такой же. Такой же нормальной. У тебя никогда не было хорошей жизни. Это невероятно. Я говорю тебе, брат, тебя ждет целый мир, который не имеет ничего общего с матерью и ее дерьмовой жизнью. Все, что нам нужно сделать, это пройти реабилитацию, а я буду там, чтобы помочь тебе оставаться чистым. Я знаю, что ты

можешь это сделать.

Куинси вырвался из его объятий, провел руками по волосам и выпустил пронзительный стон:

— Просто убирайся отсюда, чувак. Пожалуйста. Убирайся к черту.

— Куинси... — что он мог сказать? Попросить его поговорить об этом? Именно это врач попросил не делать. Он нанес ему достаточный ущерб. Черт, он нанес даже *большой* ущерб, чем думал.

Глава 22

Когда Трумэн вернулся домой, он был удивлен, увидев машину Джеммы на парковке. Ранее она отправила ему смс о том, что у нее был дерьмовый день, и она ходила на встречу с Кристалл. Ему стало легче дышать от осознания, что скоро она окажется в его руках. Он чувствовал себя так, будто его протащили сквозь зыбучие пески, и когда он вышел из машины, то еле держался на ногах. Перед тем, как покинуть реабилитационный центр, он поговорил с врачом, после открытой конфронтации с братом он должен был быть готов к любой реакции. И что еще более важно, если бы его брат хотя бы попытался поверить в себя, они бы попробовали помочь ему, рассуждали вместе с ним и нашли бы причину тому, почему он ступил на этот путь. Он ненавидел то, что не мог поговорить с Куинси о его чувстве вины. Он пытался поговорить с ним обходными путями, но врач сказал, что часть процесса выздоровления — это принятие чувство вины перед всеми людьми, на которых повлияло употребление наркотиков, и это являлось частью терапии. Но Трумэн знал, что Куинси никогда не сможет компенсировать то, что сделал. Они оба были навсегда заперты в клетке из лжи, которую сами построили. Заперты в его лжи. Это была его гениальная идея — взять всю ответственность за брата на себя. Теперь его брат погряз в чувстве вины, а он всю жизнь должен лгать Джемме. И в довершение ко всему перечисленному он переживал, что Куинси не удастся побороть чувство вины, и он откажется от реабилитации. Если это случится, то Трумэн никогда себя не простит.

Врач хоть и был обеспокоен состоянием пациента, но не был удивлен, что их встреча сорвалась. Брату будет становиться все хуже, пока он не очистится от наркотиков полностью. Истинное чудовище. Трумэн рассеяно потер грудь, желая найти способ убить это чудовище навсегда. Нужно немного времени, чтобы проветрить голову, прежде чем он направится увидеться с Джеммой и детьми. Он пошел работать над «69 Mustang», его любимой машиной. Он провел рукой по гладенькому капоту машины, вспоминая, когда он впервые привез детей в гараж. Он понятие не имел о том, что делает, точно так же, когда взял на себя вину за убийство. Он думал, что поступает правильно, и надеялся, что поймет, как с этим справиться.

Он пересек игровую комнату, которую они недавно отремонтировали для детей, и включил свет. Ярко-желтые стены вызвали у него улыбку. Как они могли не радовать? Они напомнили ему о причине, по которой он знал, как обращаться с детьми. Джемма. Его напористый, сексуальный лучик солнца.

Слова Куинси врезались ему в память. *«Ты был моей крепостью. Моей стрелкой, указывающей направление. Ты прав, я полагался на тебя, и ты проделал чертовски хорошую работу, направляя меня, что, когда ты исчез из моей жизни, я был потерян. Я последовал за дьяволом прямиком в ад».*

Он прислонился к дверному косяку и опустил голову на грудь. Куинси винил его во всех

бедах: в убийстве, наркотиках, в его тюремном заключении. Его мысли вернулись к детям. Собирался ли он разбиться в лепешку, но обеспечить детям счастливое будущее? Чем он занимается вместо этого? Было ли правильно оградить Кеннеди и не рассказывать ей плохую часть сказок? Неужели она так же потерялась бы в жизни и пошла не той дорогой, как Куинси? Неужели все, что он делал, чтобы оградить Куинси от плохой жизни, было неправильным?

Шаги по комнате этажом выше заставили его вынырнуть из своих мыслей. Он посмотрел на потолок и нашел ответ на свои вопросы. Он не сделал ничего плохого. Он просто не думал, что сядет в тюрьму. Может быть, ему нужно было оставить мать разбираться с властями, или сбежать с Куинси, но он так долго боролся за выживание, что к тому времени, как родился Куинси, укрывательство от власти стало преступлением. Мать убедила его, что забота чужих людей будет намного хуже того, что могла дать ему она. Когда он поднялся по лестнице к своей квартире, то знал, что существует только один способ, который он мог использовать. Он открыл дверь, и Джемма оторвала взгляд от пола, на котором стояла сумка, в которую она складывала вещи. Рядом с ней Линкольн взволновано размахивал ручками и ножками, его улыбка исцеляла раны, появившиеся от событий сегодняшнего дня.

— Тумэн! — Кеннеди запрыгала вокруг него и тянула ручки вверх. — Мы уезжаем!

Он поднял ее на руки и потерялся носиками со своей маленькой счастливой девочкой, чувствуя себя виноватым за радость, которую он испытывал помимо душевной боли.

— Куда мы едем? — он опустил на колени рядом с Линкольном, позволив Кеннеди слезть с него, чтобы поиграть со своими куклами. Он взял ребенка на руки и поцеловал, прежде чем наклониться и поцеловать Джемму.

— Я знала, что после визита к брату у тебя будет стресс, да и у меня был дерьмовый день. Я подумала, что пикник в парке пойдет всем нам на пользу, — она кивнула в сторону холодильника на барной стойке. — Все хорошо? Или твой день был слишком трудным?

У нее был плохой день, и она все же здесь, самоотверженно пытается поднять всем настроение. Положив руку ей на шею, он притянул ее ближе:

— Звучит потрясающе! Ты невероятная! Ты это знаешь?

— Мне может понадобиться немного больше убедительности.

Он ее поцеловал.

Он не знал, было это правильным или нет, было ли это хорошо или плохо, но это был единственный человек, с которым он знал, как себя вести. Быть тем, кто ее поддерживает, защищает и любит. Если им будет нанесен какой-то ущерб, то у них была твердая почва, чтобы выстоять и победить.

Трумэн лег на спину на одеяло рядом с Линкольном после того, как они закончили обедать, а ребенок неоднократно ударял его в живот, хихикая каждый раз, когда Трумэн издавал громкий звук. Кеннеди, занятая игрой со своими куклами и использованием ног Трумэна в качестве реквизита, также поддавалась приступам смеха вместе со своими глупыми братьями. Джемма откинулась назад, испытывая счастье от созерцания этого момента семейной идиллии. Вечер был морозным и прохладным, но дети были одеты в вязаные свитера и шапки, и им было слишком весело, чтобы загонять их в дом. Джемма любила это время года, когда листья опадали с деревьев, напоминая ей о том, что День

благодарения уже на пороге. Она и Кристалл на День благодарения обычно готовили небольшой обед в честь праздника. Она улыбнулась про себя, зная, что в этом году им понадобится индейка покрупнее.

Трумэн потянулся к ее руке. Он рассказал ей о своей непростой встрече с

Куинси. Джемма постоянно удивлялась его способности сдерживать и разделять эмоции. Он никогда не выпускал свой гнев, который настолько отличался от того чувства, когда из ушей ее отца буквально валил пар от гнева.

— Ты уже готова рассказать о том, как прошел твой день? — спросил он.

Ранее она не хотела говорить о своем разговоре с матерью, отчасти из-за того, что ее смущало невежество собственной матери, и отчасти из-за того, что боялась реакции Трумэна на ее слова. Но он всегда был с ней честен и заслуживал того же в ответ. Ей просто нужно найти способ сказать это, не причинив боли.

— Моя мать звонила сегодня днем.

— По поводу благотворительного вечера? — он сел, защищая Линкольна одной рукой так, как мог только он.

Она кивнула.

— Я рассказала ей о нас, и она не поддержала меня.

— Прости, Джем. Ты рассказал ей о моей судимости?

Она покачала головой, чувствуя себя ужасно из-за правды.

— Ты шутишь? Единственным вопросом, который она задала, это о том, чем ты зарабатываешь себе на жизнь. Она мелкая и подлая. Это не мое личное мнение, Тру. Она такая и есть.

— Ты хочешь сказать, что ей не понравилось то, что ты встречаешься с механиком?

Они кивнула, опустив от стыда глаза.

Трумэн поднял ее за подбородок и улыбнулся.

— Детка, разве ты не знаешь, что нас нельзя судить по тому, кто наши родители? Боже правый, представь себе, если бы так и было. Взгляни на мою мать, — он наклонился и поцеловал Линкольна в лобик. — Их мать?

— Я знаю. Но я чувствую себя ужасно от того, что она такая. Все, о чем она беспокоится, ничего для меня не значит. О, знаешь? Она все еще называет меня Джеммалайн. Я просила ее называть меня просто Джеммой столько, сколько себя помню. Она говорит, что Джемма — слишком распространенное имя, — она сделала паузу, обдумывая, как сильно она ненавидит смешливую манеру, в которой звучит имя Джеммалайн. — Мне нравится Джемма.

— Джемма — красивое имя. По крайней мере, ты не названа в честь президента. Моя мать хотела, чтобы у нас были запоминающиеся имена, потому что знала, что наша жизнь будет дерьмовой, — он снова поцеловал Линкольна. — Их жизнь никогда не будет дерьмовой.

— Конечно, нет. У них есть ты. Ты дал мне больше, чем смогла дать мне моя мать. Она и я — такие кардинально разные. Она заботится о шмотках. Я забочусь о людях. Я не хочу, чтобы меня судили по тому, какая моя мать. Она ужасная.

— Если есть кто-то, кто понимает тебя, то это — я. Есть только одно, чего я не понимаю, если она такая ужасная, то почему вы каждый год проводите благотворительный вечер?

— Я задавала себе этот вопрос тысячи раз, — она положила Линкольна к себе на колени и ближе под села к Трумэну. — Я не знаю, как это объяснить. Она моя мать, и хотя она ужасна во всех отношениях, она все еще остается моей матерью. Я ощущаю себя в долгу перед ней. И она — единственная связь с моим отцом. Хоть она и не та, с кем я могу поговорить о нем, и я думаю, она презирает его за самоубийство, она все еще единственный человек, который жил в том доме, когда он был жив. Это не имеет никакого смысла, и, послушав саму себя, я чувствую себя душой, когда делаю что-то для нее, — она покачала головой. — Она не хороший человек.

— Но ты — хороший человек, — он обнял ее и прижал еще ближе к себе. — Ты поступаешь правильно. Когда мы начинаем отворачиваться от семьи, мы сами становимся ими — теми людьми, кого мы не любим.

— Ты не расстроился из-за того, что я собираюсь пойти на благотворительный вечер в одиночку? — хотя они не говорили об этом, она хотела убедиться, что он в порядке и не обижается на нее.

— Не совсем. Я не доволен тем, что мужчины будут пялиться на тебя в том сумасшедше сексуальном платье. Но мне нравится, что ты не хочешь, чтобы дети были втянуты в это, но ты должна знать, что если хочешь, чтобы я пошел с тобой, Дикси и Бэр могут присмотреть за детьми. Я не беспокоюсь о твоей матери, независимо от того, что она обо мне думает.

— О, Трумэн, — она прижалась губами к его губам. — Я слишком люблю тебя, чтобы позволить испытать на себе гнев этой женщины, но я люблю тебя еще больше за то, что ты предложил пойти со мной.

Кеннеди залезла к Трумэну на колени и прижалась к нему.

— Нам лучше уложить этих ребят спать, — Джемма начала собирать свои вещи.

— Ты думаешь, я порчу детей? Я слишком сильно их защищаю?

Вопрос возник спонтанно, и Джемме понадобилась минута, чтобы понять его смысл. Она перекинула сумку через плечо и посадила Линкольна себе на ногу, поняв, что вопрос не возник внезапно. Это было отражением его заботы о Куинси.

— Ты собираешься начать принимать наркотики?

— Нет, — ответил он с отвращением.

— Ты собираешься игнорировать их, избивать, заставишь голодать или...? — она замолчала, когда в его глазах увидела понимание сказанного. — Я не думаю, что находишься в опасности, пытаюсь помочь кому-нибудь встать на ноги. Ты не принимаешь по отношению ко мне никаких запрещенных методов безопасности, Тру. Твоя любовь является моей защитой. Это совсем другое.

Глава 23

— Я считаю, что этот шкаф — идеальный, — сказала Джемма, указывая на высокий шкаф для новой спальни Трумэна. — В нем много выдвижных ящичков, а темное дерево выглядит так же мужественно, как и ты.

Трумэн обнял ее со спины, радуясь тому, что выпало несколько часов наедине с Джеммой, даже если они просто прогуливались по магазинам. Ему не нравилось оставлять детей, но он прекрасно знал, что они находятся в хороших руках — Дикси и Кристалл. Завтра будет проходить ежегодный благотворительный вечер, и у них не будет возможности провести время вместе.

— А как на счет шкафа для моей девушки? Разве нам не нужно что-нибудь женское? —

он перебросил ее волосы на одно плечо и поцеловал в изгиб шеи, чувствуя, как бьется пульс под его губами.

— Я не против хранить вещи на тех полках, где и сейчас. К тому же, я должна была обратно перевезти на свою квартиру часть летних вещей, для того чтобы освободить место для вас, ребятаки.

Он повернул ее в своих руках и посмотрел в глаза женщине, которую встретил благодаря пеленкам и детскому питанию и полюбил всего за одну секунду. Пряди коричневого и золотого цветов обрамляли ее прекрасное лицо, а ее улыбка — Боже, ее улыбка — вызывала дрожь и направляла бабочек порхать по всему его телу. Последний пазл окончательно соединил его жизнь. Прошла неделя с тех пор, как он ездил навещать Куинси, и три недели, как Куинси находится на реабилитации. Сегодня утром он разговаривал с его врачом, и она заверила его, что Куинси делает большие успехи, хотя и борьба с личными демонами давалась ему тяжело. Трумэн слишком хорошо был осведомлен, что это за демоны, потому как он ежедневно пытался раскрыть свою тайну. В последнее время это давалось ему все тяжелее. Каждый раз, когда он смотрел Джемме в глаза, ему хотелось рассказать ей правду о том, что случилось на самом деле в далеком прошлом. Он ненавидел тот факт, что между ними были тайны, но что сделано, то сделано. Он никогда не пожертвует Куинси, чтобы очистить свою совесть.

И теперь, держа в руках любимую женщину, несмотря на все его убеждения, его прошлое, он сосредоточился на их будущем, а не на прошлом, которое уже ничего не значит.

— Мне нравится, что твоя одежда лежит в моем шкафу, — он поцеловал ее в губы, — и мне нравится, когда твои вещи находятся в моей квартире.

Он прижал ее к шкафу, схватил рукой ее за задницу и прижался к ней бедрами. Они были одни в кладовой магазина. Он снова ее поцеловал, дольше и глубже, прежде чем почувствовал, как она прижалась еще ближе к нему, обняла и застонала ему в рот, выпуская весь воздух из легких.

— И я обожаю тебя, находящуюся в моей постели, — сказал он, целуя ее в шею. Она откинула голову назад, предоставляя ему лучший доступ к шее, которую он как будто хотел поглотить, — И я хочу тебя в своей постели каждую ночь, — он провел языком по чувствительному месту за ухом, получая взамен сладкую дрожь ее тела. — И я хочу просыпаться с тобой в моих объятиях руках каждое утро.

Он продолжал прокладывать дорожку поцелуев по ее шее. Она ухватилась за него, когда он запечатлел поцелуй у основания шеи, он наслаждался ощущением ее сбившегося дыхания и учащенного пульса, буквально смаковал все это. Она схватила его за задницу и качнулась напротив него, горячо шепча:

— Тру, ты сделал меня мокрой.

— Ммм, — он скользнул рукой под длинную хлопчатобумажную юбку, провел рукой поверх кружевных трусиков, покрывавших ее идеальную попку, и между ног, поглаживая центр ее желания. — Боже. Теперь мне хочется опустить на колени и довести тебя до сумасшествия.

Она вздрогнула от его слов, и издала беззвучный вскрик, который буквально завибрировал в жилах. Его губы обрушились на нее, одновременно он протолкнул пальцы в ее жаждущую киску. Воспользовавшись тем, что они здесь одни, он украдкой искал для них место уединения, где бы он смог довести ее до экстаза, ее бедра начали покачиваться вместе с его движениями. Он любил то, как она двигалась. То, какая она на вкус. То, какая она

мокрая, горячая и готовая к его прикосновениям.

— Мне нравится трахать тебя, — сказал он, — Своим ртом, своей рукой, своим членом.

— Боже мой, — прошептала она, затаив дыхание, — Да, пожалуйста. Я хочу все.

Из его легких вырвалось рычание, и он увлек ее в еще один будоражащий его член поцелуй. Он подняла ее ногу на свое бедро, ее бедра качнулись, и сладкие голодные стоны поплыли из ее уст.

Она царапала его спину, выгибаясь всем телом.

— Там, да. О, Боже. Да, — выдохнула она между поцелуями.

В следующее мгновение она взорвалась. Он проглотил ее крики, грубо целовал и любил ее каждую чертову секунду. Всю ее. Всю их совместную жизнь.

Ее голова снова откинулась, и она сглотнула.

— Трумэн, — сказала она, затаив дыхание. — Боже, — ее глаза лихорадочно метались по демонстрационному залу. — Ты хорошо умеешь быть плохим мальчиком.

Он рассмеялся и снова поцеловал ее. Когда он вынул свои пальцы, она ахнула, а когда он вылизал их до чистоты, она обессилела в его руках. Он снова поцеловал ее, смешивая ее вкус со вкусом ее губ.

— В уборную, быстро, — сказал он торопливо, не в силах ждать больше ни секунды, прежде чем окажется похороненным глубоко внутри нее. Он взял ее за руку и пошел в направлении уборной в задней части магазина.

Они поцеловались, и она хихикнула, когда он толкнул дверь в мужскую уборную.

— Я никогда раньше этого не делала.

Трумэн запер дверь. Ее юбка упала к ногам вместе с ее кружевными трусиками, и она снова прикусила свою сладкую нижнюю губу, а ее зеленые глаза были невероятно соблазнительными. Ее волосы были взъерошены, свитер сполз с одного плеча, и ее сладкая, блестящая киска была голая и готовая его принять. Джемма была интригующей смесью бесхитростной невинности и дикой искусительницы.

— Веселого Рождества, сладкая. Ты невероятно грешна, — он расстегнул брюки и спустил их до колен, давая своему большому члену выход на свободу, прежде чем захватить ее губы в долгом, страстном поцелуе.

Ее спина с глухим звуком встретилась со стеной, как только поцелуй стал более диким и торопливым, а его руки переместились на ее голую задницу, поднимая ее и заставляя обернуть ноги вокруг его талии. Когда она опустилась на его член, все ощущения еще больше усилились. Они трахались жестко и грубо, стонали и кричали в безрассудной отстраненности, место, где они слились в страсти, отошло на дальний план. Не осталось ничего, кроме страсти, несущейся по венам Трумэна, и похоти, которая свернулась у основания ее позвоночника.

Джемма, была дикой, крича: «Да! Да! Да!», когда он прижался к ее бедрам и врезался в нее, вытолкнув ее освобождение наружу. Ее голова откинулась назад, и она закричала громче, когда достигла пика, ее эротические мольбы потянули его через край, опустошая полностью. Его сердце было переполнено чувствами к Джемме, и было наплевать на весь окружающий мир.

— Я люблю тебя, малышка, — выдохнул он. Тяжело дыша, он коснулся ее губ своими. Она была так прекрасна, когда смотрела на него сквозь похотливую и сытую дымку страсти. — Переезжай к нам. Я хочу, чтобы ты всегда была рядом с нами.

Она зажала нижнюю губу между зубов, и он подарил ей серию легких касаний, пока она

не отпустила его и не вздохнула, и это был самый сексуальный вздох, который он когда-либо слышал.

— Правда? — искры неуверенности и волнения мелькали в ее глазах.

Он кивнул, и снова поцеловал.

— Ты и дети — смысл моей жизни. Давай сделаем это официально.

Она обвила руками его шею и поцеловала глубоко и медленно, возвращая его член обратно в игру.

— Я тоже этого хочу. Я люблю тебя и люблю твоих детей.

— наших детей, — поправил он ее. — Они никогда не были только моими. Мы были вместе с той самой ночи, как я их нашел.

— О, Трумэн, — прошептала она, и ее брови сошлись вместе. Она покачала головой и отвела взгляд.

Ее губы сжались в твердую линию. Его сердце и его член буквально сдулись, когда он опустил ее на ноги.

— Я сказал, что-нибудь не то?

— Нет. Ты сказал все настолько правильно, что я думаю, что заплачу. Да, я перееду к Вам. Но предупреждаю, у меня много книг.

Слава Богу, черт возьми.

— Малыш, я построю для тебя книжные шкафы от пола до потолка, если это то, что тебе нужно, — он снова ее поцеловал, ее соленые слезы скользнули между его губ, как секреты, которые скрепили их планы.

Джемма, продолжала витать в облаках до конца дня. После того, как уложили детей спать, они перенесли свою одежду из их комнаты, чтобы сложить в свой новый шкаф. *Наша спальня.* Джемма улыбнулась этой мысли. Это действительно происходило. Хотя она уже практически жила у него дома, ничто не могло сравниться с любовью в его глазах и эмоциями, отразившимися на его лице, когда он попросил ее официально переехать к нему.

— Я больше никогда не смогу посетить этот мебельный магазин, — сказала она, смущенно, ее щеки залились краской, едва она вспомнила, что когда вышла из уборной, на них пялился продавец.

Трумэн оторвался от ящика, который он наполнял.

— Потому что он наверняка все слышал, — его голос поднялся на несколько октав. — Вот тут! Да! Да!

Она бросила в него подушку, он в ответ повалил ее на кровать и поцеловал, пока она не засмеялась, а затем он еще раз поцеловал ее, пока эти смешки не превратились в голодные стоны.

— Ты превратил меня в сексуальную маньячку, — она выгнулась под ним.

— Однажды я превращу тебя в сексуальную-маньячку жену.

Она чуть не подавилась.

— ...Трумэн...? — он крепко ее обнял и был совершенно уверен, что почувствовал, где находится ее сердце.

— Разве ты не думала об этом?

— Да, конечно, но... — думала ли она об этом? Не так много слов. Они вместе и

счастливы, и она просто предположила, что так и останется. Может быть, они когда-нибудь поженятся, но она не очень интересовалась, когда именно. Они действительно сейчас говорят об этом?

— Не сейчас, а в один прекрасный день. После моего долгосрочного освобождения, когда выяснится все насчет Куинси, и дети законно будут жить с нами.

Внезапно все стало понятно. В то время, как она видела себя движущейся по жизни в постоянном потоке, Трумэн видел себя катающимся на лодке вдоль реки, и производя необходимые остановки по дороге. Проверка ячеек на пути к более устоявшейся жизни. Он вышел из тюрьмы, но не задерживался на этом. Он никогда не ездил в офис условно-досрочного освобождения для того, чтобы отметить. Это был все лишь один телефонный звонок каждую неделю, и он делал его в уединении в другой комнате или выходил на балкон, что давало Джемме свободу списать это как на еще один простой телефонный звонок. Но для Трумэна это, очевидно, было темным облаком, витающим над ним без прояснения. Еще один шаг в правильном направлении. Она понимала его желание подождать, пока он не освободится от этой связи, и она прекрасно знала, что он беспокоится о том, как Куинси пройдет реабилитацию избавление от наркозависимости. Как он говорил, он всегда будет переживать за Куинси. Наркомания является пожизненной борьбой. Но его комментарий о детях немного смутил ее.

Она села и спросила его.

— Что это значит? Юридическое подтверждение?

Трумэн присел на край кровати, положил локти на колени и сложил руки.

— У них нет свидетельств о рождении, и я еще не являюсь их официальным опекуном. Я должен позаботиться об этих вещах.

— О, — сказала она облегченно. — То, как ты это сказал, я думала, что существует что-то еще. Разве это не простое заполнение нескольких форм в здании суда, или через адвоката, или еще что-нибудь?

Он покачал головой и серьезно на нее взглянул.

— Не для меня.

— Почему нет? Я не понимаю.

Он взял ее руки в свои, и воздух вокруг них свернулся, наполняясь беспокойством.

— Джемма, они никогда не отдадут мне детей с чистосердечным признанием в непредумышленном убийстве в моем деле. Почему они захотят сделать это?

— Потому, что ты их брат, и ты к ним хорошо относишься. Ты отбыл свое время, а это было не так, что ты вдруг вышел и случайно совершил убийство, — она не сомневалась в его праве опеки над детьми.

— Это не имеет значения. Я уверен, что они войдут в систему. Они заберут их у меня. Я не могу так рисковать.

Она встала и скрестила руки на груди.

— Нет. Нет. Они не могут этого сделать. Ты не можешь знать, что они сделают.

— Я не буду рисковать, чтобы это узнать.

— Что ты имеешь в виду? Опеку над детьми?

— Я имею в виду, что сделаю все, что в моих силах, чтобы они продолжали оставаться там, где находятся сейчас.

Она покачала головой, все еще смущенная этим разговором.

Он встал и подошел к ней, чтобы успокоить.

— Булет знает парня, который может сделать фальшивые свидетельства о рождении, чтобы я мог зачислить Кеннеди в школу осенью в следующем году и...

— Что? Ты не можешь это сделать? — этого не может быть. — Трумэн, ты не можешь начать свою жизнь со лжи. Она останется с тобой навечно.

— Они никогда об этом не узнают, — его глаза наполнились сожалением.

Она сделала шаг в сторону, смущенная и расстроенная.

— Но мы знаем. Я не могу быть частью чего-то незаконного. И ты тоже не можешь, — она потянулась к нему, надеясь изменить его мнение. Когда он взял ее за руку, между ними возникла знакомая связь, слишком сильная, чтобы ее омрачило даже разногласие.

— Тру, ты должен подумать об этом. Ты только что сказал, что не дождешься, когда закончится период досрочного освобождения. Но разве это не считается чем-то незаконным? Разве они не смогут отправить тебя обратно в тюрьму за нарушение условий досрочного освобождения? А что будет с детьми?

Напряжение пульсировало в венах на его шее.

— Чего ты от меня ждешь? — он отпустил ее руку и стал вышагивать взад-вперед. — Это моя семья. Я не могу позволить им войти в систему, где им придется расти самостоятельно.

— Я знаю, что не можешь, — она подошла к нему, и он неохотно прекратил вышагивать, его губы сжались в твердую линию, а глаза прищурились. — Но ни один из нас не может позволить себе нарушить закон. Должен быть другой выход.

— Я не стану рисковать, чтобы потом их забрали, — сказал он, и полная ясность грузом навалилась на них.

Но Джемма не закончила этот разговор.

— Я не могу участвовать в этом. Ты понимаешь? Я не могу быть частью чего-то противозаконного, и неважно, насколько сильно я люблю их и тебя, — она пристально на него посмотрела, желваки на его челюсти ходили ходуном.

— Джемма, — взмолился он, — Это мои дети.

— И ты мужчина, которого я люблю. А это дети, которых я люблю, — она взяла его за руки и смягчила тон, — Ты мой «Tru Blue», и судя по всему, ты их отец. Готов ли ты рискнуть, и отправиться обратно в тюрьму из-за того, что боишься того, что их вдруг заберут, если ты все сделаешь правильно? Законным путем?

— Я делаю это ради них, — настаивал он. — Они и так прошли через многое.

— Я понимаю, Тру. Но манипулировать законом — это не то, что здесь нужно делать, независимо от того, как ты на это смотришь. Разве ты не можешь спросить кого-нибудь, кто в этом разбирается? Если Булет знает людей, которые делают фальшивые документы, может быть, он также знает адвоката, который сможет помочь нам разобраться в этом деле? Я просто не вижу ответа в твоих глазах на эти вопросы, что все может быть по-другому.

— Что, если я потеряю детей, пытаюсь это выяснить?

Оба замолчали.

— Это чертово дерьмо, — сказал он, печально вздохнув. — Все, чего я хочу, — это заботиться о них.

— Я знаю. Но я не могу сделать что-то незаконное. Я не могу рисковать, даже ради детей, — слезы наполнили ее глаза, и сердце разрывалось на части.

— Я не хочу потерять тебя и потерять их. Не проси меня делать этот выбор, — он притянул ее в свои объятия, — его сердце билось также быстро, как и его.

— Не проси меня принимать в другую сторону, — сказала она.

Грусть в его глазах чуть не заставила ее упасть на колени.

— Что, если это единственный способ, которым я могу их удержать?

Ее охватило напряжение, и она замолчала, не желая отвечать на вопросы и надеясь, что ей не придётся это делать.

Глава 24

Трумэн следил за женщиной, сидящей в зале реабилитационного центра, и надеялся, что он поступает правильно. После того, как его идеальный вечер с Джеммой перерос в дерьмовую ночь, он так и не уснул. Он не спал всю ночь, обнимая ее и пытаясь понять, что делать. К тому моменту, когда она ушла на работу сегодня утром, а затем на благотворительный вечер, у него все еще не было ответа. Но все же у него была идея, и она казалось ему лучше, чем ничего. Он не мог потерять детей, но также он не мог потерять Джемму. Как он это видел, Куинси был его единственной надеждой.

Он вошел в ту же комнату, в которой встречался с братом в последний раз, только в этот раз он чувствовал себя по-другому. Потому что на этот раз он собирался спросить своего брата о том, о чем не знает, имеет ли право спросить. Это было то, что, он надеялся, поможет Куинси закончить реабилитацию и оставаться чистым.

Что-то, что имело невероятную силу для обратного удара.

Плохо.

Через несколько минут Куинси вошёл в дверь, и будто весь воздух высосали из комнаты, когда они смотрели друг другу в глаза. Врач сказал Трумэну, что Куинси отлично справляется и уже добился кое-какого прогресса. Прошое — самое тяжелое испытание, но никто не говорил, что будет легко. Лицо Куинси не было видно из-за синяков, глаза были острыми, а движения уже были не такими резкими и напряженными.

— Эй, — сказал Куинси.

Его дружелюбный, но очень отстраненный тон заставил Трумэна напрячься. Он ожидал, что брат все еще будет сердиться и вступит в спор, несмотря на то, что говорил врач.

Куинси сделал шаг вперед, поднял руку, как будто собирался дотянуться до Трумэна, а затем снова уронил ее вдоль туловища и опустил глаза в пол.

Трумэн не мог это так оставить. Он шагнул вперед и обнял брата. Руки Куинси остались висеть по бокам, и сердце Трумэна снова рухнуло. Когда он отпустил его, руки брата обвили вокруг него и из глаз Трумэна чуть не хлынули слезы. Буквально. Если бы кто-нибудь мог заставить его выглядеть довольным как кот, то сейчас это был Куинси.

Объятие длилось секунду, может, три. Достаточно для того, чтобы заставить Трумэна вздрогнуть. Куинси отступил назад и, нервничая, помахал в сторону стульев:

— Мы должны...

— Да, — Трумэн сел на стул, облегченно изменив свое поведение. — Послушай, извини, что прошлый раз тебя расстроил.

— Не переживай, чувак. Все хорошо, — он заправил прядь волос за ухо.

Это простое движение обрушило лавину воспоминаний на Трумэна. Он откинулся назад, и ему показалось, будто он увидел привидение. Куинси ненавидел время, когда Трумэн заставлял его стричь волосы, у него была дурацкая привычка заправлять волосы за ухо. Как столь незначительное может казаться невероятно важным? Знак свыше? Неужели его брат, снова станет тем человеком, которого он когда-то знал?

— Как дети? — спросил Куинси, снова привлекая внимание Трумэна.

— Хорошо. Отлично, если быть честным. Вообще-то, они — причина того, почему я здесь.

Куинси кивнул.

— Я много думал о них. То, как они жили, и то, что имеют сейчас, — он отвернулся, — Я...

— Куин, прошу, не надо. Не делай этого с собой.

Он поднял свои печальные глаза на Трумэна.

— Я сильно отравил их жизнь?

— Нет, — ответил он решительно. — Ты ничего не испортил. У них хорошая жизнь. Они счастливы, Куин. Они чертовски счастливы, — неожиданные слезы полились из глаз

Трумэна, и его брат отвернулся, увидев влагу в его глазах. Трумэн прочистил горло, пытаясь восстановить контроль над эмоциями.

— Хорошо. Она не принимала наркотики, когда была беременна. Все из-за того парня, — он взглянул на Трумэна своими синими глазами, которые были сужены и серьезны. — Ты не захочешь знать, как это было, но она сделала это, мужик. Этот чувак был каким-то врачом, который перестал разговаривать или что-то вроде этого. Я не знаю. Он не был полным ничтожеством. Но всегда знал, что делать. Он помог ей удержаться, но когда она родила, — он покачал головой с отвращением на лице, — он был там, давая ей наркотики, — слезы наполнили его глаза, и брат сердито на него взглянул, — но дети родились здоровыми. И теперь все хорошо, правда?

— Да, — сказал Трумэн, вытирая слезы, слезы гнева за то, что их мать заставила пережить Куинси, детей, и его самого. Он потянулся к Куинси, и его брат с готовностью упал в его объятия и плакал уже открыто.

— Прости, Тру. Я должен... Ты никогда бы не...

Трумэн взял его лицо в ладони и заставил заглянуть себе в глаза, как он делал очень много раз, когда они были еще детьми.

— Не надо. Даже на секунду. Прошое — это прошое, и мы ничего не можем сделать, чтобы его изменить. Твоя жизнь начинается сейчас. Здесь. Твое прошое больше не будет определять твое будущее, младший брат. Ты меня понял?

Куинси схватил его за запястья, слезы текли по его щекам.

— Как ты можешь смотреть на меня после того, как я разрушил твою жизнь?

Все, что Трумэну оставалось сделать в этой ситуации, это коснуться губами лба Куинси и закрыть глаза, чтобы дать ему понять, что в том, что случилось с ним, он не виноват и пусть не пытается это изменить.

— Черт побери, — он отшатнулся, уставившись на душераздирающую виноватую гримасу на лице его брата. — Она сделала это. Не ты. Не я. Это все сделала она. Она привела этого ублюдка к нам в дом и еще сто других ему подобных, и это она подвергла нашу жизнь опасности. Ты это понимаешь, Куин? Ты понимаешь, кто именно виноват?

Он кивнул, сжав зубы и часто дыша.

— Да, но я все еще чувствую на себе вину за произошедшее.

Трумэн поцеловал его в лоб, а затем отпустил.

Куинси рассмеялся и покачал головой. Он стер дорожки слез и улыбнулся.

— Чувак, мы как пара подружек.

Они оба рассмеялись, и парень явно почувствовал себя лучше. Его брат вернулся. Он начал выходить из-под наркотического облака наркотиков и появился на радаре. Трумэн должен был спросить, что заставит его двигаться в правильном направлении дальше. Он должен это сделать. Ради всех.

— Хочешь снять свою вину?

Куинси поднял брови.

— Черт, да.

— Тогда окажи мне и детям услугу. Очистись и больше не принимай наркотики. Мне нужна твоя помощь, мужик.

— Ты никогда не нуждался в чьей-либо помощи.

Трумэн откинулся назад и скрестил руки на груди.

— Теперь понадобилась. Когда я забрал детей, мне была необходима помощь. Много всего. Семья Виски помогала нам, но спасла нас Джемма. Она все время была с нами, и я люблю ее, Куин. Я очень ее люблю, и если я ничего не предприму, то потеряю ее навсегда.

Он рассказал Куинси о своей проблеме со свидетельствами о рождении.

— Мне необходимо, чтобы ты был чист, устроился на работу и создал нормальную стабильную жизнь, чтобы мы смогли обратиться в ведомство за оформлением опеки над детьми. Я по-прежнему буду нести за них полную ответственность, но, по крайней мере, у них будут юридические документы и они останутся в семье. И им не придется жить жизнью полной лжи, как нам.

— Чувак, брат. На тебя, случайно, не дают, а? — Куинси сделал вдох.

Сердце Трумэна ухнуло вниз.

— Я знаю, что прошу о многом. Но Джемма любит меня, несмотря на то, что я сидел в тюрьме. Она верит в меня, Куин, и я хочу провести свою жизнь рядом с ней. Я хочу привязать ее к себе и к детям.

Куинси сглотнул.

— Это было бы просто, если бы я подумал, прежде чем взялся за шприц в первый раз.

— Мы не сможем вернуться, даже я не смогу. Я не брошу тебя под автобус, Куинси. Не сейчас, ни когда-либо. Она никогда не узнает правду, вне зависимости от того, как сильно я ее люблю.

— Это, должно быть, убивает тебя.

Холод пробежался по позвоночнику Трумэна, и он с вызовом взглянул на брата.

— Если меня не убила потеря тебя и мамы, то и это не сможет.

Куинси долго молчал, его глаза путешествовали по столу, по полу, повсюду, кроме лица Трумэна. Когда он, наконец, заглянул брату в глаза, беспокойство отразилось на его лице:

— Что, если я все испорчу? Я не могу давать никаких гарантий. Ты ведь знаешь это.

Трумэн так часто прокручивал в голове эту фразу вчера, что она укоренилась в его памяти.

— Я не собираюсь наполнять твой мозг дерьмом. Я верю в тебя и надеюсь, что ты тоже веришь в себя, но мы оба знаем, что это чушь собачья. Это будет ежедневная борьба на выживание, испытание твоей силы воли, и я буду там, чтобы помочь тебе. Я постараюсь расширить горизонты, чтобы тебе было легче проходить этот путь, пока ты не встанешь на ноги и не почувствуешь себя достаточно сильным, чтобы самому двигаться дальше. Как бы то ни было, Куин. Я всегда буду рядом с тобой.

— Ради детей, — сказал Куинси, снова отводя взгляд.

— Ради них и ради тебя, — Трумэн наклонился вперед, чтобы привлечь внимание Куинси, — И для меня, брат. Я хочу, чтобы мой брат вернулся, и я сделаю все, что потребуется, чтобы помочь тебе оставаться чистым.

— Все это ты делаешь ради Джеммы, — Куинси взглянул на него. — Она действительно, должно быть, «нечто».

Он не мог отрицать, что просить его обратиться за опекой над детьми было из-за Джеммы, но это не было причиной, почему он хотел видеть брата «чистым».

— Это не только для нее. Это для всех нас. Она права насчет детей. Я не хочу, чтобы они росли, беспокоясь о поддельных бумагах. Чистый лист, брат. Это то, чего они заслуживают. Это то, чего заслуживаешь ты.

Куинси сидел тихо слишком долго, заставляя Трумэна нервничать. Затем он поднялся на ноги и сказал.

— А как насчет Трумэна? Что заслуживаешь ты?

Это был самый страшный вопрос. Его ложь отвергла Куинси и отдалила их друг от друга на шесть изнурительных, меняющих жизнь лет, которые позволили их матери дальше принимать наркотики. Трумэн знал, что заслуживал большего, чем то, с чем он родился, но то, что все шло, как положено, он не сомневался.

— Кто, черт возьми, знает? — наконец, ответил он. — Но я знаю, чего хочу.

Улыбка Куинси сузилась, и в его глазах вспыхнуло удивление. Черт, это хорошо смотрелось. Гораздо лучше, чем темнота, к которой он следовал, когда только попал в реабилитационный центр.

— Нормальная семейная жизнь и душевное спокойствие, что с тобой все в порядке, — он обнял Куинси и слегка похлопал его по спине. — Подумай об этом. Это все, о чем я прошу. Если это для тебя кажется сильным давлением, я придумаю что-нибудь еще. Самое главное, чтобы ты был чист. Все остальное я смогу принять, — Трумэн потянулся, чтобы открыть дверь.

— Куда сейчас направляешься?

— В здание суда.

Лицо Куинси побледнело.

Трумэн похлопал его по сердцу.

— Это важно, брат. Мне необходимо задать несколько гипотетических вопросов об опеке, чтобы посмотреть, что я могу сделать.

Прежде чем Джемма ушла сегодня утром на работу, он спросил, не последняя ли это встреча. Когда он покинул реабилитационный центр, ее ответ всплыл в его памяти «Надеюсь, нет».

Он собирался сделать все, что в его силах, чтобы этого не произошло.

Глава 25

Есть только одна вещь, в которой преуспела ее мать, это устраивать официальные приемы. Джемма стояла возле одной из мраморных колон в огромном бальном зале дома своего отчима и принимала участие в совершении благого дела. От внешнего вида обслуживающего персонала до сияния мраморных полов и квартета, играющего в центре зала, мероприятие было устроено на высшем уровне. Элегантный канделябр украшал каждый стол рядом с прекрасным фарфором и серебром, которые стоили несметных денег. Красивые мужчины, одетые в строгие смокинги с хрустящими белыми воротничками и великолепно

уложенные волосы, потягивали шампанское рядом с красивыми, ухоженными женщинами, чьи руки были элегантно обтянуты перчатками. Женщины, которые, несомненно, провели много времени в спа-салонах, готовясь к этому вечеру, в то время как их дети были оставлены заботам наемного персонала. Сознанием Джемма вернулась в прошлое. Она очень хорошо запомнила те дни. Ее мать приходила домой и выглядела сияющей, каждый волосок в причёске был на своем месте, макияж безупречен, это делало ее молодой и красивой. Даже немного дружелюбной. Джемма была загипнотизирована трансформацией своей матери в те дни. Она с надеждой тогда произносила «Мамочка, ты выглядишь такой красивой», думая, что макияж сделал ее мать добрее. «Да, спасибо, дорогая». Не трогать ее было гораздо важнее, нежели провести с дочерью 5 минут.

Дети, специально приглашенные на это мероприятие, были всего лишь рекламой. Их быстро отправили в другой бальный зал, где с ними занимались нанятые на вечер няни, а также другие сотрудники, специально нанятые для их развлечения. Естественно, после того, как была проведена фотосессия.

Не в первый раз за вечер Джемма задавалась вопросом, зачем она проехала почти два часа, чтобы посетить это мероприятие, когда у нее были дела поважнее. Например, как убедить Трумэна поступить правильно в отношении детей. Когда они расстались этим утром, все было как-то неудобно и напряженно. Весь день она просидела в бутике, пытаясь отвлечься. Но все, о чем она могла думать, насколько Трумэн отличался от этих напыщенных людей, которые, вероятно, каждый уик-энд отправлялись на какую-то вечеринку для взрослых и оставляли детей чужим людям. Трумэн никогда бы не оставил детей одних. Она боролась за что-то неправильное? У нее было настоящее свидетельство о рождении, которое показывало ее настоящую родословную, и можно было увидеть, как сложилась ее жизнь. Она все бы отдала в жизни, чтобы вырасти рядом с человеком, который заботился бы о ней и любил так же, как Трумэн. Возможно, идея Трумэна и не самая плохая, хоть и не законная.

Она взглянула на свою мать, которая стояла посреди комнаты с группой молодых людей, упиваясь их притворным вниманием, и ее улыбка была такой же неестественной, как и ее макияж. Она была «Женщиной № 1», женой одного из самых известных адвокатов в мире Уоррена Бензоса, и была идеально создана для этой роли.

— Она выглядит, как бриллиант, не правда ли?

Женщина повернулась на знакомый, бархатный голос своего отчима.

— Да, она прекрасно проводит вечеринки.

Уоррен кивнул с кривой улыбкой на губах. Ему было немного за шестьдесят, он на десять лет старше ее матери. У него было вытянутое лицо и угловатый нос. Он не был недружелюбным человеком. Но он не стал чем-то большим для Джеммы, лишь мужем ее матери. Он женился на ее матери и таскал с собой с одного события на другое по всему миру, оставив Джемму на попечении няnek. На самом деле, она не могла его в этом винить. Кем она была для него? Ненужным багажом женщины, которой он предложил руку и сердце.

— Твоя мать неплохо убеждает людей расстаться со своими деньгами.

Что-то в его тоне заставило желудок Джеммы сжаться, но она так и не смогла понять, что он имел в виду на самом деле.

— Да, отлично. По крайней мере, у нее есть таланты.

— Твоя мать никогда не была одной из них, — ответил он любезно.

Джемма взглянула на него, его внимание все еще было приковано к ее матери. У него был вид довольного человека: маленькая улыбка, которая доходила почти до его глаз,

глубоко загорелая кожа и никаких признаков напряжения на лице. Это никогда не удивляло Джемму, учитывая то, на ком он был женат.

Она предпочла оставить свой комментарий о матери и не задавать глупые вопросы. А именно: «Почему? Почему я не достаточно хороша для нее?».

— Платье прекрасно на тебе смотрится, — он не смотрел на нее, когда это произносил, но его улыбка стала шире, как будто у него была своя маленькая тайна. — Она заметила.

Джемма улыбнулась своему маленькому триумфу, хотя она бы и не знала, что ее мать заметила, если бы Уоррен ей не сказал. Мать сказала только «Рада тебя видеть, Джеммалин», и затем направилась к высокопоставленным гостям.

— Это сюрприз, — ответила она ровно. Почему она должна каждый год проходить через это? Она была несчастна здесь. И хотя отчим не был настроен недружелюбно, но присутствие в одном помещении с ее матерью лишало ее настроения. К сожалению, она всегда надеялась, что мать может измениться. Как только она появится на каком-нибудь из таких событий, ее мать будет счастлива ее увидеть. Она должна уйти и вернуться домой к Трумэну и детям, туда, где она чувствовала себя счастливой. Там где ее дом.

— Это? — он кивнул в сторону молодых людей, которые весь вечер не сводили с Джеммы глаз, и изогнул бровь.

Саркастический смех вырвался прежде, чем она смогла его остановить.

— Она заметила, потому что внимание не было приковано только к ней.

— Может быть. Или, возможно, потому, что ты в первый раз обошла ее на ее же поле, — он запнулся, так как его комментарий был тяжелым грузом.

Мать начала пересекать холл в их сторону. Жаклин Бензос знала, что делать на таких приемах. Ее черное шелковое платье обрамляло ее пышную фигуру, когда она двигалась, моргая длинными поддельными ресницами даря практически незаметные улыбки.

Уоррен понизил голос и сказал.

— Если честно, платье подходит Вам намного лучше, чем окружающая обстановка. Спасибо, что приложила усилия и пришла сегодня вечером, — он наклонился, поцеловал ее в щеку и исчез, прежде чем к ним подошла ее мать.

Улыбка осталась на лице матери, когда она встала рядом с Джеммой, высасывая воздух из комнаты.

— Дорогая.

Писк. Вот что ей напомнил голос ее матери, скользкий и наполненный ядом.

— Мама, — она попыталась скрыть свое отвращение, но боялась, что потерпит неудачу.

— Я следовала твоему пожеланию и не пыталась устроить твою жизнь с этими богатыми шикарными мужчинами.

Хотя всю ночь напролет она была поглощена разными людьми, Джемма заметила отсутствие откровенного сватовства.

— Спасибо. Я ценю то, что ты уважаешь мои желания.

Мать приподняла подбородок и бокал шампанского к женщине, проходящей перед ними, и пробурчала под нос.

— Да, хорошо. Нам ведь не нужны эти люди, так как к нам забрел сирота, с которым ты бунтуешь, не так ли?

Кровь застыла в жилах Джеммы.

— Извини?

— О, Джеммалин. Ты же не думаешь, что я позволю тебе встречаться с человеком, не

проверив перед этим хорошенько, из какого теста он сделан. Я могу только предположить, что ты не знала о том, что он сидел в тюрьме.

Ее мать не смотрела на нее, когда все это говорила. Она была слишком занята, кивая и улыбаясь гостям.

Гнев поднялся в душе Джеммы, топя небольшое смущение, которое появлялось рядом с матерью, раскрывающей темное прошлое Трумэна.

— Ты следила за мной?

— Конечно, дорогая. Ты же моя дочь. Кто-то должен следить за тобой.

«Ты когда-нибудь посмотришь на меня?»

— Этот человек был осужден за убийство. Ты не в безопасности рядом с ним. Сейчас это был небольшой бунт. Теперь пришло время двигаться дальше и найти подходящего мужчину.

Внутренности Джеммы скрутило не от осведомленности ее матери или ее способа добычи информации, а от унижительного отношения ее матери к Трумэну.

— И ты так беспокоилась обо мне, что решила подождать и рассказать мне об этом на благотворительном вечере, где, как думала, я не буду устраивать сцену? — она кивнула. — Правда в том, мама, что с ним я в безопасности. Я с ним в большей безопасности, чем с тобой, потому что он хороший человек. Он знает, как любить всем сердцем и заботится обо мне. Ты даже не знаешь, почему он сидел в тюрьме, или тебя это не волнует?

— Это убийство, Джеммалин. Причина не имеет значение.

Джемма шагнула перед матерью, заставив взглянуть на себя, может быть, впервые в ее жизни.

— Его мать изнасиловали. Он спас ее. И это важно. Это единственное, что имеет значение. Ты знаешь, что не имеет значения, мама?

Челюсть матери сжалась. Она подняла подбородок и холодно взглянула на Джемму.

— Мое платье, — сказал Джемма сквозь стиснутые зубы, гнев и отчаянье затопили ее глаза слезами. — Что эти люди думают обо мне, или... мне больно говорить, хотя и не должно... что ты думаешь обо мне. Ничто из этого не имеет значения, потому как ничто из этого не является реальным. Я потратила свою жизнь на выполнение этих функций, потому что они важны для тебя, и когда-то я надеялась, что я важнее всего этого. Но теперь ясно, что все, что ты во мне видишь, это за кого бы выдать меня замуж, чтобы ты смогла устроить свадьбу и породниться с какой-нибудь богатой семьей. Ну, угадай, что? Я с этим закончила, — она встретила стальной взгляд матери. — Я покончила с попытками сделать то, что нужно тебе, когда это не правильно.

— Почему ты разговариваешь со мной в таком тоне? Что сказал бы твой отец?

Джемму охватила дрожь и истерический смех.

— Как я узнаю, что он скажет? Он никогда не разговаривал со мной. И ты тоже, кроме того, как рассказать о том, как мне стать лучше. И, знаешь, что? Я выросла прекрасно воспитанной, несмотря на то, что вы двое всегда угнетали и не могли уделить мне время.

Слишком увлекшись истинной, чтобы остановиться, несмотря на то, что гости теперь наблюдали за ними, она продолжила свою речь.

— Я знаю, как любить, и я любима, и это самая важная часть моей жизни. Я снова приду на это смехотворное событие, и в следующий раз ты назовешь меня по имени — Джемма! И ты спросишь меня, как я, или ты вообще не спросишь, — тяжело дыша, она добавила. — Может быть, поддельное свидетельство о рождении — это не самое худшее, что

может быть у ребенка.

— Что? — резко спросила ее мать.

— Ничего. До свидания, мама.

На трясущихся ногах она повернулась, сделала глубокий вдох и ушла, прежде чем ее мать неправильно истолковала ее слезы. Кроме того, что это было окончательным признанием того, кем для нее являлась женщина, родившая ее.

Ожидание, пока парковщик подгонит ее машину, было долгим. Она упала на место водителя и всхлипнула, когда пыталась вытащить из сумки свой мобильный. Чем она думала, заставив Трумэна решать, как оставить у себя детей, и делать то, что, по ее мнению, было правильным? Он был прав. И на счет детей, и на счет нее. Она выехала со стоянки и включила мобильный, намереваясь ему позвонить и рассказать о том, что произошло, когда ее телефон засветился и завибрировал, показывая на экране фото Трумэна и заставляя рыдать еще сильнее.

— Тру.

— Куинси пропал. Час назад он сбежал из реабилитационного центра. Я должен найти его. Дети останутся у Бэра.

Сколько еще человек может выдержать.

Прежде чем у нее прорезался голос, он сказал.

— Это моя вина. Я попросил его остаться в программе, чтобы он смог обратиться с заявлением об опеке над детьми, и дети остались бы с нами. Это был слишком большим давлением. Я полный идиот.

— Нет, — прозвучало как мольба. Это была не его вина, а ее.

— Езжай к себе, если вдруг он появится у меня. Я позвоню тебе, когда узнаю что-нибудь.

— Тру...

Но звонок оборвался.

Глава 26

Тру влетел на подъездную дорогу на огромной скорости. Он уже несколько часов искал Куинси, когда Джемма позвонила ему и сказала, что он с ней. «Он у тебя. Езжай домой». Он нажал на тормоза перед «Автомастерской Виски», заглушил двигатель и припарковался возле задней части строения.

Джемма стояла посреди двора и смотрела вдаль. Она повернулась, когда он подошёл. Его взгляд скользнул мимо нее к Куинси, хотя разговаривал он с Джеммой:

— Я сказал тебе ехать домой.

— Я не слышала, — сказала она дрожащим голосом, обращая его внимание на брата, который стоял перед ними весь в напряжении.

Глаза Джеммы были красными и опухшими, слезы текли по ее щекам. В Трумэне вспыхнул огонь. Он сделал шаг в сторону своего брата, готовый свернуть ему шею, если он сделал ей больно.

— Что ты сделал?

Джемма схватила его за руку, не давая пройти к Куинси.

— Он поговорил со мной. Он рассказал мне все.

Трумэн кивнул, выпуская воздух из легких.

— Что...?

— Абсолютно все, Тру, — она сильнее сжала его руку.

Трумэн не мог дышать. Всего несколько часов назад в здании суда он получил лучшие новости в своей жизни, а теперь мир вокруг него снова рушился. Он впился взглядом в Куинси, недоверие звучало в каждом произнесенном им слове.

— Что ты наделал?

Куинси спустился с крыльца. Глаза у него были влажные, а выражение лица печальное, и, вне всякого сомнения, на нем виделось облегчение.

— Я не мог сделать этого, брат. Я не могу позволить твоей жизни развалиться из-за меня. Теперь нет. Нет, если я хочу оставаться чистым.

Мир Трумэн перевернулся вокруг своей оси. Он тяжело опустился на ступеньки и спрятал лицо в ладонях.

— Ты понятия не имеешь, что натворил. Теперь она стала частью этого.

— Нет, — возразила Джемма. — Он завтра пойдет в полицию и все им расскажет. Я не хочу сделать ошибку.

— Почему, Куинси? — умоляюще спросил Трумэн, не глядя на Джемму, боясь, что его ложь все испортила. — Зачем ты это сделал? Я же сказал, что кое-что осознал.

Куинси откинул плечи назад, выдерживая взгляд Трумэна с уверенностью, которую Трумэн никогда в нем не видел.

— Потому что ты все еще моя крепость, мой указатель по жизни, мужик. Потому что если я не выкину из головы все это дерьмо, то вернусь к наркотикам, а я хочу избежать этого. Почему, по-вашему, их я попробовал в первую очередь? Это слишком много, зная, что испортил тебе жизнь, брат. И эта та правильная вещь, которую я должен сделать в своей жизни.

— Ты не можешь этого сделать, Куин, — протянул Трумэн. — Я вернусь в тюрьму за лжесвидетельство. Так же, как и ты. Только Бог знает, на какой срок они упекут тебя в тюрьму, и я потеряю детей. И что? Что будет с ними? Что будет с тобой?

— У меня нет ответов на все вопросы, — сказал Куинси, — но мне необходимо это сделать. И, к тому же, я не закончил реабилитацию. Вовсе нет.

— Я не смогу спасти тебя и помочь детям, если ты это сделаешь, — сказал Трумэн больше для себя, чем для Куинси.

— Ты не можешь спасти меня, Трумэн. Разве ты не видишь? Разве ты еще не понял? Только я могу теперь спасти себя, — ответил Куинси.

— И еще я подумал о детях. Может быть, Бэр и Дикси смогут поднять их, если я снова уйду в тюрьму.

— Тебе не понадобятся Бэр и Дикси. Я возьму их. Ты знаешь, что я сделаю это, — слезы потекли по щекам Джеммы, когда она присела перед Трумэном, который до сих пор сидел на ступеньках. — Ты не совершал преступления, — это была констатация факта, а не вопрос, высказанная с надеждой, а не упреком. — Но ты был не готов пожертвовать своей свободой, чтобы защищать и поднимать детей. Рисковать всем. Включая меня.

Трумэн покачал головой.

— Нет. Я не хочу тебя потерять. Я пошёл в здание суда, чтобы узнать, как можно все сделать правильно, ради тебя. Ты была права, Джемма. Есть и другой способ, — он взглянул на Куинси. — Был другой путь.

Джемма прикрыла рот, слезы текли по ее щекам.

— Ты ходил в здание суда?

Он снова кивнул, пытаясь успокоить бурю, разрывающую его изнутри достаточно долго, чтобы рассказать ей, что узнал, прежде чем бросился на поиски брата.

— Поскольку государство не участвовало в их жизни, и дети были на моем попечении, все, что я должен сделать, это подать жалобу о праве опеки в суд. Они сказали, что если я вернусь со свидетельством о смерти матери и подпишу показания, подтверждающие, что их отец не может быть найден, все должно быть в порядке. Суд, как правило, не проводит расследование по жалобам о праве на опеку, если только заявитель не просит об этом. Никто не может противостоять этому. Они сказали, что, как правило, они будут проведены без слушания в ходе обычного делопроизводства. Но теперь...

Он посмотрел на Куинси. Тот стоял более уверенно и бесшумно, чем когда-либо в этой жизни. Трумэн разрывался между честностью и трезвостью брата, и тем, чего это история будет стоить всем его участникам.

Невозможно найти слова, чтобы описать эмоции, которые испытывала Джемма. Между ее столкновением с матерью и рассказом правдивой истории о преступлении Трумэна-Куинси, она едва могла мыслить. Но не стоит думать о том, что если бы у Трумэна и Куинси был шанс попасть в этот кошмар, существовал бы только один способ выйти из этой ситуации. И она понятия не имела, что имела в виду.

Или, может, ей нужно сделать звонок.

Трумэн потянулся к ее руке.

— Прошу прощения за все это. За то, что лгал тебе об убийстве, и за то, что ты вообще оказалась в этой ситуации.

Боже, как она его любила. Она любила его преданность, глубину его чувств и абсолютно все в нем. Она не собиралась позволить ему чувствовать себя плохо из-за того, что ему пришлось сделать, чтобы защитить своего брата. Не тогда, когда он доказал, что является лучшим мужчиной в ее жизни, которого она когда-либо встречала.

— Не надо. Я не расстроилась из-за того, что ты не сказал мне правду. Я знаю, что ты не мог этого сделать, — она взглянула на Куинси, который так сильно виноват и раскаивался, что она удивлена, что он вообще жив. Как он нашел в себе силы и мужество, чтобы идти дальше, разве Трумэн не был бы счастлив помочь ему обрести будущее, которое он заслужил? Он признался во всех своих преступлениях с искренними слезами и сожалением. Он рассказал ей, как произошло преступление, как Трумэн вмешался, чтобы позаботиться обо всем, и как их мать отвернулась от него. Сила и убежденность этих двух мужчин были несоизмеримы, и она знала, что, несмотря на долгий путь, который прошёл Куинси, чтобы справиться с наркотической зависимостью, и сражений с законом, которые им предстоят, они были семьей, частью которой хотела быть и она.

Вернув свое внимание к Трумэну и их разговору, она сказала.

— Точно так же ты не можешь злиться на Куинси за то, что он хотел поступить правильно. Ты показал мне, что линия между правильным и неправильным может быть размыта, но чтобы защитить тех, кого ты любишь, это всегда будет правильно, вне зависимости от того, какую цену тебе придется за это заплатить.

Она открыла клатч и достала свой мобильный.

— Кому ты звонишь? — спросил Трумэн.

— Тебе нужен лучший адвокат, которого только можно купить за деньги, а мой отчим — лучший.

— Милая, у меня нет денег, — с сожалением сказал Трумэн.

Думая о том огромном банковском счете, который для нее собирала ее мать в течение десяти лет, она ответила:

— Есть.

Эпилог

Джемма подбирала платье на уличной распродаже вместе с Кристалл и Дикси, подыскивая что-то для Кеннеди, чтобы нарядить ее на Пасхальный парад в следующие выходные. За последние несколько месяцев она полностью пришла в себя. Они потихоньку выводили ее в людные места, возили в зоопарк, прогуливались по пляжу и ходили в торговый центр, она была просто в восторге от Пасхального парада. Прошло пять месяцев с тех пор, как Куинси признался в преступлении. Через два месяца после этого Трумэну выдали компенсацию за отсиденный в тюрьме срок и вынесли оправдательный приговор. Через пять недель после этого Трумэн получил документ о праве опеки над детьми. Государство могло бы осудить Трумэна и Куинси, однако прокурор использовал то, что Уоррен назвал своим обвинительным усмотрением, и отказался от судебного преследования в отношении любого из них. Уоррен сказал, что возраст Куинси в момент преступления и тюремное заключение Трумэна сильно повлияли на это решение.

— Как насчет этого? — Дикси подняла розовое платье с жирафами и цветами. — Она любит диких животных и цветы, — новое пристрастие Кеннеди — это дикие животные, и Трумэн упорно работает над созданием новых сказок с измененными животными. Хотя они решили начать вводить ее в мир популярных сказок, так как осенью она начнет ходить на уроки дошкольного образования.

— Или это! — Кристалл достала платье с красным галстуком и рюшами по краям. Благодаря Кристалл, Кеннеди любит яркую одежду, настолько насколько ей нравятся рюши.

— Почему бы нам не спросить ее? — Джемма предположила, что Трумэн, Квинси и дети, уже вышли из «Сладкого рая». Когда она встретила его взгляд, на его лице появилась греховная улыбка, заставляя бабочек в ее животе порхать. Они уже много месяцев живут вместе, но она все еще волнуется при виде его. И прекрасно знает, что это никогда не изменится.

Он послал ей поцелуй и опустился на колени рядом с коляской, чтобы накормить Линкольна мороженым.

— Папа, — тот взволновано взмахнул руками. В течение последних нескольких недель, он называл Трумэна «Папа», а Джемму «Мама», и хотя Трумэн пытался поначалу его исправлять, то потом отказался от этой затеи. И он, и Джемма смирились. Линкольн хлопал глазками, махал руками и выпрямился в коляске, чтобы держать за ногу Трумэна. Его любимая игра, кроме разве что дергать за бороду дядю Буллета, это играть в прятки.

Линкольн потянулся к ложке, и Трумэн рассмеялся.

— У него здоровый аппетит.

В последние несколько месяцев Куинси догнал в объёмах своего старшего брата. После нескольких напряженных месяцев Куинси закончил реабилитацию и работал полный рабочий день в книжном магазине, от которого Джемма была в восторге. Оказалось, что там, где Трумэн преуспел в искусстве, Куинси преуспел в академических кругах. Он даже

сражался за свое эссе и поступил в колледж, и учился на отлично по всем выбранным предметам. Две недели назад Трумэн, Джемма и дети арендовали домик на жилой улице недалеко от школы, а Куинси перебрался в квартиру Трумэна. Первые несколько недель его отношения с Трумэном то улучшались, то ухудшались, но теперь они близки как никогда раньше.

Когда Джемма наблюдала, как двое братьев дразнят друг друга, она посылая своему отчиму молчаливое спасибо за то, что он взялся за это дело, несмотря на то, что мать пыталась убедить его не помогать ее низкосортному парню. Она никогда не поймет свою мать, и теперь, наблюдая за детьми, Трумэном и Куинси, она понимала, что все хорошо. Не всем родителям дано понимать и любить своих детей. У нее был отчим, с которым она налаживала отношения, и она чувствовала с ним отцовскую и родственную связь, которая ей очень нравилась.

— Эй, Кеннеди! — Кристалл подняла платье, которое нашла. — Что ты думаешь об этом платье?

— Класиво! — Кеннеди оторвалась от мороженого. Ее маленький язычок сделал круг, чтобы очистить ротик.

Дикси присела рядом с ней и показала розовое платье, которое она выбрала.

— Как на счет этого?

Рев мотоциклов заглушил ответ Кеннеди, когда Бэр, Буллет и Боунс припарковались возле них.

— Бэа! — вскрикнула Кеннеди.

Бэр снял шлем и слез с мотоцикла, подняв девочку на руки. Когда ее нос ударился об его подбородок, он закатил глаза и пожал плечами, из-за чего Кеннеди хихикнула.

— Ребята, а что вы здесь делаете?

Боунс и Буллет обменялись взглядами с Трумэном, которые она не смогла прочитать. Она поняла, что сегодня Трумэн спокоен, и не могла понять, возможно, с ним что-то случилось.

— Мы слышали, что здесь зависают горячие малышки, — ответил Бэр соблазнительно глядя на Кристалл, которая закатила глаза. Это стало их фишкой. Он бросал на Кристалл пристальные взгляды, но та постоянно отвергала Бэра и ни в какую не хотела делиться с Джеммой причиной этого.

— И бесплатное мороженое, — Боунс взял Кеннеди на руки и лизнул ее мороженое.

— Бони! — пожаловалась Кеннеди.

Она всех их звала по кличкам, которые придумала сама. Кеннеди слезла с его рук и подошла к Трумэну, который потянулся и взъерошил ей волосы. Он наклонился и что-то ей прошептал. Ее брови сосредоточенно сошлись.

— Как мой самый маленький приятель? — Буллет поднял Линкольна на руки, а Линкольн потянул его за бороду. — Это завтра.

— Правда? — спросила Дикси.

— Да. У меня достаточно большая борода для этого маленького парня, — он поцеловал его в щечку, а Линкольн снова дернул его за бороду и захихикал, когда Буллет зарычал.

Сердце Джеммы согревалось от любви, которую эти дети получали в своей жизни. От любви, которая была и в ее жизни. Ее глаза отыскивали Трумэна, как и всегда в такие моменты, и она застала его, когда он смотрел на нее так, как делал много раз в последние месяцы — с удивлением и любовью. Этот взгляд был похож на объятия.

Кеннеди попыталась отдать свой рожок Джемме и размазала все сливочное удовольствие о ее юбку. Джемма наклонилась, взяла мороженое и получила холодный и сладкий поцелуй.

— Ммм. Лучшие поцелуи, — сказала Джемма со смехом. Возможно, она не была родителем Линкольна и Кеннеди, но наверняка любила их так же, как собственных детей.

— Я уберу это дорогая, — предложил Трумэн, наклонившись чтобы убрать мороженное салфеткой. Он поднял лицо вверх с красивой улыбкой, снова расшевелил бабочек в ее животе и протянул ей рожок.

— Нет, спасибо, поцелуев с мороженым было достаточно, — Кристалл и Дикси ахнули, и Джемма обернулась, удивляясь, что они увидели. Кристалл указал на Трумэна, ставшего перед ней на одно колено, все еще предлагая ей свое мороженное — с красивым бриллиантовым кольцом, положенным сверху, которое она раньше не заметила.

— О, Боже мой, Трумэн, — она встретила его нетерпеливый любящий взгляд, и ее сердце увеличилось в объеме, заняв все пространство в груди.

— Дорогая, я не могу предложить тебе гламур и блеск, но я могу предложить тебе пятно от мороженого, домашние сказки и поцелуи в полночь, — его голубые глаза загорелись, когда он говорил о ночах любви, и она подумала, не имел ли он в виду прошлую ночь, которую они провели в новом доме. Настоящем доме, где дети могли бы расти и иметь друзей, и жить безопасной и счастливой жизнью. — И семью, которая тебя обожает. Если ты выберешь нас. Я даже позволю тебе написать эту статью, о которой ты все время говоришь, если ты выйдешь за меня замуж. Ты будешь моей женой, Джемма? Ты выйдешь за меня замуж?

Слезы катились из ее глаз.

— Я не хочу гламура или блеска. Все, что я когда-либо хотела, сейчас находится здесь. Да, Защитник Тру. Я выйду за тебя замуж.

Он поднялся на ноги, облизал кольцо, чтобы оно было чистым, прежде чем надеть ей его на палец.

— Оно липкое и маленькое, но обещаю, что со временем я заменю его на что-нибудь большее.

— Ты не сделаешь этого, — сказала она, люблюсь необыкновенно красивым доказательством любви. — Оно идеально.

Все кричали, когда его сильные руки обхватили ее, а губы закружили в самом невероятном поцелуе в ее жизни — поцелуе ее будущего мужа.

Кеннеди попыталась вжаться между ними, и они оторвались друг от друга, смеясь, когда он поднял свою маленькую девочку на руки.

— Теперь ты моя мама? — взволновано спросила Кеннеди.

Новые слезы наполнили глаза Джеммы. Она бросила любопытный взгляд на Трумэна.

— Я не знаю, что это значит, но она целый день спрашивала, может ли она нас звать мама и папа, — он пожал плечами с самой невероятно сексуальной улыбкой, которую она видела.

Возможно, все эти месяцы Джемма была не права. Ее яичники не могли взорваться в день, когда она познакомилась с Трумэном, потому что она была уверена, что они сделали это сейчас.

— Да, малышка. Для меня будет большой честью быть твоей мамой.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net